

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИР

4/2025

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2025 4 issues a year № 4

**Founded in 2001
by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Gulnora Mansurova**, Dr. of Sc. (Philosophy),
Tashkent University of Information Technologies named after
Muhammad al-Khwarizmi, Uzbekistan (Tashkent)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Ivanovo State University, 2025

Редакционный совет:

Ю. М. Воронов	Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
О. В. Золотарев	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
И. В. Кондаков	Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Г. Н. Кочешков	Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
И. В. Купцова	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
В. А. Мансуров	Институт социологии РАН (Москва)
С. Н. Полторак	Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Д. И. Полывянный	Ивановский государственный университет
В. А. Порозов	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Е. М. Раскатова	Ивановский государственный университет
А. В. Репников	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
С. В. Артамошин	Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского
И. В. Сибиряков	Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
А. А. Корнилов	Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Ф. Х. Соколова	Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
А. А. Соловьев	Костромской государственный университет

Editorial Board:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
S. N. Poltorak	Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
S. V. Artamoshin	Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Bryansk State Academician I. G. Petrovski University”
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
A. A. Kornilov	National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Зябликов А. В. Киносталиниана 1930—1950-х гг.: технология мистификации истории (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 51—67)	9
Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Жизнь провинциальной советской интеллигенции первой половины 1950-х годов (по дневникам и письмам из личного архива Д. А. Крайнова)	24
Волкова Е. С. «Писать необходимо, жить не необходимо»: литература и литераторы конца XX — начала XXI в. на страницах художественных произведений дальневосточных авторов	42

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Локшин А. Е. Вехи биографии Теодора Герцля. Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. (Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 108—128)	67
Таганов А. Н. Натали Саррот в контексте интеллектуальной жизни города Иваново	93
Долженкова Т. И. «Монументальное посольство»: деятельность народного художника В. М. Клыкова в России и за рубежом как частная попытка укрепления международных отношений в конце XX — начале XXI века	105

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Хлопаева Н. А., Хлопаева М. Е.* Власть и интеллигенция:
реконструкция коммуникационной стратегии по
материалам советской прессы 1922 года **131**

ДЕБЮТ

- Довнар А. М.* Просветительская и образовательная
деятельность Свято-Елисаветинского монастыря города
Минска в 1999—2024 гг. **156**

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Иванов Ю. А.* Новая книга по истории здравоохранения и
провинциальной медицинской интеллигенции. Рец. на
кн.: Балдин К. Е. Страницы истории здравоохранения в
Иваново-Вознесенске. Дореволюционный период.
Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. 432 с. **176**

Содержание журнала за 2025 год **185**

Информация для авторов **193**

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

<i>Zyablikov A. V.</i> Kinostaliniana of the 1930s and 1950s: the Technology of Hoaxing History (End. Beginning: “Intelligentsia i mir”, 2025, no. 3: 51—67)	9
<i>Kostyleva E. L., Utkin A. V.</i> The life of the provincial soviet intelligentsia in the first half of the 1950s (based on the diaries and letters from D. A. Krainov’s personal archive)	24
<i>Volkova E. S.</i> “It is necessary to write, it is not necessary to live”: literature and writers of the late XX — early XXI centuries in the fiction of the Russian Far East	42

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

<i>Lokshin A. Ye.</i> Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and Antisemitism in the late XIX — early XXI centuries (Continuation. Beginning: “Intelligentsia i mir”, 2025, no. 3: 108—128))	67
<i>Taganov A. N.</i> Natalie Sarraute in the context of Ivanovo’s intellectual life’	93
<i>Dolzhenkova T. I.</i> “The monumental embassy”: the activity of the people’s artist V. M. Klykov in Russia and abroad as a private attempt to strengthen international relations in the 1990s—early 2000s	105

SOCIOLOGY OF THE INTELLIGENTSIA

<i>Khlopaeva N. A., Khlopaeva M. E.</i> Toward an understanding of bolsheviks — intelligentsia communication strategy (based on the Soviet press materials of the 1922)	131
---	-----

DEBUT

- Dovnar A. M.** Educational and enlightenment activities of St. Elizabeth Convent in Minsk in 1999—2024 **156**

READING AND DISCUSSION

- Ivanov Yu. A.** A new book on the history of health care and the provincial medical intelligentsia. Review on the book: Baldin, K. E. (2024), Pages of the History of Health Care in Ivanovo-Voznesensk. Pre-revolutionary period, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia **176**

List of articles published in the Journal in 2025 **185**

Information for authors **193**

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 9—23.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 9—23.

Научная статья

УДК 791:94(47+57)"1930/1960"

EDN <https://elibrary.ru/zscndl>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.1

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

КИНОСТАЛИНИАНА 1930—1950-Х ГГ.: ТЕХНОЛОГИЯ МИСТИФИКАЦИИ ИСТОРИИ (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 51—67)

Алексей Вячеславович Зябликов

Костромской государственный университет, Кострома, Россия,

a.zyablikov@yandex.ru, SPIN-код: 5066-6359,

<https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Ключевые слова: социальная реальность, цивилизационный проект, исторический нарратив, советское общество, пропаганда, массовое сознание, И. В. Сталин, кинематографический образ, художественное воплощение

Для цитирования: Зябликов А. В. Киносталиниана 1930—1950-х гг.: технология мистификации истории (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 51—67) // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 9—23.

Original article

KINOSTALINIANA OF THE 1930S AND 1950S: THE TECHNOLOGY OF HOAXING HISTORY (End. Beginning: “Intelligentsia i mir”, 2025, no. 3: 51—67)

Alexey V. Zyablikov

Kostroma State University, Kostroma, Russia, a.zyablikov@yandex.ru,
SPIN: 5066-6359, <https://orcid.org/0000-0003-2054-006>

Keywords: social reality, civilizational project, historical narrative, Soviet society, propaganda, mass consciousness, I. V. Stalin, cinematic image, artistic embodiment

For citation: Zyablikov, A. V. (2025), ‘Kinostaliniana of the 1930s and 1950s: the Technology of Hoaxing History’ (End. Beginning: “Intelligentsia i mir”, 2025, no. 3: 51—67), *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 9—23 (in Russ.).

Киносталиниана 1940—1950-х гг.: слагаемые «суммы образа»

Военная реальность подвергла упомянутую выше модель сознания суровому испытанию. Страна, где всё завязано на волю и сенсорные способности одного человека, едва не оказалась в исторической западне. В марте 1942 г. на экраны страны вышел фильм «Оборона Царицына» братьев Васильевых — творческий псевдоним режиссеров и сценаристов, однофамильцев Георгия и Сергея Васильевых (первая серия «Поход Ворошилова»). Картина движется инерцией довоенного времени и довоенного кино, хотя акцент сделан на борьбе Красной армии с немецкими оккупантами в 1918 г. Мы видим К. Е. Ворошилова (актер Николай Боголюбов), который под пулями тащит пулемет на высоту, а потом геройски отражает германскую атаку. Фронт, однако, трещит по швам. Все с надеждой ждут прибытия московского комиссара «со спецполномочиями». Один из местных военачальников даже позволяет себе неточно процитировать бессмертную гоголевскую комедию: «К вам едет ревизор». «Не к вам, а к нам!» — грустно поправляет его напарник, понимая, что прибытие столичного гостя не сулит им ничего хорошего.

Благая весть заставляет красных бойцов расправить плечи, а врагов, саботажников, трусов и пораженцев — забиться в щели. Немецкая телефонная линия разрывается от панических воплей:

едет И. В. Сталин! Для одних напряженное ожидание комиссара-ревизора — шанс на искупительную и справедливую жертву, для других — предчувствие Божьей кары. Черные одежды, в которых щеголяет Сталин (Михаил Геловани) на протяжении всего экранного времени, словно подчеркивают инквизиторскую суть комиссарских «спецполномочий».

Ревизор активно берется за дело. Докладывает В. И. Ленину по телеграфу: «Здесь вакханалия и неразбериха, но всё исправлю!.. Военспецы не приспособлены к условиям борьбы с контрреволюцией, но всё налажу!..» И на камеру — крупно: «Я оправдаю доверие, дорогой учитель!»

В месяц премьерного показа «Обороны Царицына» фашист наседал на пространстве от Баренцева до Черного морей, советские дивизии истекали кровью, а экранный Stalin продолжал чистку красных рядов и борьбу с контрреволюцией. Одна из выразительных сцен фильма: «бургуйский» стройбат — священники, кулаки, господа в котелках — под присмотром «бабы в штанах» Кати Давыдовой (актриса Варвара Мясникова) роет окопы.

— Рой шире, — понукает Катя купчика в жилетке. — Небось, если бы нам могилурыл, шибче бы работал!

— Я бы вас всех туда закопал!

— Вот и потренируйся...

Стандарты классового сознания не отпускают героев, хотя само время обращало в пыль старые идеологические догмы, уравнивая красных и белых в праве жить и в праве умереть. Великая Отечественная война предложила свой ранжир, явив «честных» партийцев, которые становились коллаборационистами, и православных священнослужителей, принимавших мученическую смерть от рук фашистов. Война выводила на свет божий красных командармов, превращавшихся в идеиных борцов с большевизмом, и бывших царских офицеров, которые шли в народное ополчение. К слову, в «Обороне Царицына» за красные идеалы сражается казак Мартын Перчихин (актер Михаил Жаров). Stalin даже назначает его командиром, несмотря на перчихинские возражения: «Да из меня генерал, как из цыгана митрополит!» А вот к вступившему в сговор с врагами председателю Царицынского совета Рындгину (актер Василий Софонов) у московского эмиссара отношение иное.

Картина братьев Васильевых содержит едва ли не единственный в истории киносталинианы пример того, как царственный герой обнаруживает явную и сильно выраженную эмоцию. В картине есть неожиданный эпизод, когда Сталин впадает в гнев и демонстрирует мужицкое желание «набить морду». Вождь собственно ручно хватает Рындина за грудки, но, словно спохватившись, отпускает. Еще один эпизод, который мог бы поколебать сталинскую монументальность, но в итоге упрочивает ее: Иосиф Виссарионович из-за угла кирпичной постройки лично руководит ликвидацией мятежа в полку бывшего поручика Молдавского (актер Борис Бабочкин). Пуля ударяет в стену рядом с вождем — тот невозмутимо качает головой и кутается в шинель, подтверждая свою репутацию заговоренного. Куда ближе к сталинской иконографии сцена, когда Иосиф Виссарионович в задумчивости стоит у окна штабного вагона, вслушивается в доносящуюся откуда-то «Дубинушку» и что-то — то ли по-русски, то ли по-грузински — подмурлыкивает себе в усы. В финале картины мы видим Сталина и Ворошилова, которые с вершины холма смотрят на атаку красной конницы.

По лекалам довоенного времени скроен и фильм Леонида Лукова «Александр Пархоменко» (1942). Явлению героя вновь предшествует напряженное ожидание. Для ворошиловцев приезд Сталина — надежда и спасение: «Если Сталин в Царицыне, это значит, Царицын — сердце нашего фронта... Сталин и победа идут рядом!» Для вражеского отребья — это ход, путающий все карты. Иосиф Виссарионович появляется в кадре внезапно, как черт из табакерки. Произносит несколько вразумляющих слов. Дает Пархоменко партийную взбучку. И так же внезапно исчезает.

Всадники Гражданской войны, герои «Обороны Царицына» и «Александра Пархоменко» уже не могли утолить патриотический голод сороковых, время искало и требовало новых героев, тем, интонаций. Отечественная война понуждала опереться на те символы и святыни, которые Сталиным давно были списаны в архив и вдруг проявили дерзкое желание вернуться, борясь, жить [Зябликов, 2017].

Выдержав паузу, Сталин вновь объявился на экране после войны, в 1946 г. «Клятва» (1946) Михаила Чиаурели — фильм-ретроспектива, фиксирующий узловые пункты сталинского восхождения на политический олимп: смерть Ленина и торжественное

обещание преемника довести дело Ильича до конца, коллективизация, индустриализация, борьба с врагами и вредителями, грозный 1941-й год, победный 1945-й. Сталин (Михаил Геловани) плотно окружен соратниками по партии и простыми смертными. Через весь фильм проходит вереница людей, в которых угадываются и некрасовские мужики, ищащие счастье, и волхвы, прорицающие явление нового царя, и апостолы, впитывающие в себя мудрость божественного учителя. Среди ходоков — узбек с ветоющей хлопка, грузин из Кутаиси, украинец, одногоний страдалец-солдат, рассказывающий историю своего «распятия» и «воскресения». Точное число «учеников» неясно, хотя, возможно, их именно двенадцать. Среди них и Варвара Петрова (актриса Софья Гиацинты), выполняющая наказ убитого кулаками мужа передать Ленину письмо. Однако Ленин мертв. Кому же отдать письмо? «Ему, ему отдавай!» — десятки шершавых пальцев тычут в сторону Сталина, который только что прилюдно присягнул на верность Ленину, революции и народу.

Важно, что означенное действие разворачивается на Красной Площади, приносящий клятву Сталин показан на фоне храма Василия Блаженного и Спасской башни. Примерно так же в мае 1606 г. московские горожане «выклинули» царем Василия Шуйского. Крестоцеловальная запись Шуйского и клятва Сталина — один риторический жанр при различии некоторых стилистических тонкостей. Чиаурели ненавязчиво подбрасывает нам мысль о том, что верховенство Сталина одобрено и санкционировано народом, что великий вождь — это эманация сложных процессов, где историческая воля низовой стихии находится в синергетическом сопряжении с божественным промыслом. Не случайно в finale картины Сталин — уже в мундире генералиссимуса! — картино целует Варваре Петровой руку.

Клятву Сталина слышно далеко за пределами Красной империи. Поступью титана идет Сталин по эпохе, защищая обездоленных и каравая несправедливых. Он лично обкатывает на Красной Площади новый трактор. Указывает, где и что возводить на царцынских холмах. Вдавливает царственным сапогом в грязь бесноватого ефрейтора Гитлера. Вот один из характерных эпизодов восхваления вождя, который лучше воссоздать цитатой из сценария П. Павленко и М. Чиаурели: «На фоне строительства Ферганского

канала узбеки трубят в трубы и бьют в бубны. <...> Несут большой портрет товарища Сталина. К нему подбегают узбеки, рукоплеща и крича “ура”»¹.

Разноплеменные «волхвы-апостолы» и статисты «Клятвы» важны для понимания такой важной особенности сталинского сверхпроекта, как дружба народов. Вождь и сам был представителем «нацменьшинства», поэтому не страдал недооценкой этой стороны внутригосударственных дел. Когда-то в РСДРП(б) Stalin считался экспертом и специалистом по «национальному вопросу», не ослабляя к нему отеческого внимания и позже, на пике своего могущества. Советский кинематограф, чутко реагируя на запросы времени, поднимал тему пробуждающихся для новой жизни национальных окраин, показывал раскрепощенного и счастливого дагестанского чабана, нанайского охотника, азербайджанского нефтяника, узбекского хлопкороба. Такое кино могло рассчитывать на патернистские привилегии.

Несмотря на непрекращающийся разноязыкий гвалт, в картине «Клятва» Чиаурели вместе с маршальским мундирем вождь применяет на себя русофильские сентенции, которые в довоенном кино были в диковинку. Над Кремлем уже занималось зарево борьбы с «космополитами», вот и экранный Stalin, дискутируя об индустриализации, заявляет: «Англичане — народ серьезный, а мы, русские, ловчей!..» Англичан Stalin припечатывает не единожды и крепко. Британский журналист Джонсон (актер Николай Чаплыгин) обращает к вождю угодливый упрек: «Вы задаете мне столько загадок!» «Очень жаль, что за семнадцать лет вы не отгадали ни одной», — отвечает Stalin, не оставляя интервьюеру никаких шансов. Позже, в фильме «Третий удар» (1948), румынский генерал Теодореску дополнит Джонсона своим умозаключением: «Дело не в загадочной русской душе, а в неразгаданном плане одного человека». Stalin стал для европейцев тайной, о которую разбиваются их хитроумные лбы. Стоит ли удивляться тому, что критик Р. Юренев назвал «Клятву» наиболее полным и «сильным» воплощением образа Сталина в кинематографе [Юренев, 1948: 17], а В. Пудовкин и Е. Смирнова восхищались композиционным совершенством чиаурелевской картины [Пудовкин, Смирнова, 1949: 11].

¹ Избранные сценарии советского кино. М.: Госкиноиздат, 1950. Т. 6. С. 37—38.

В 1947 г. кинематографическую сталиниану готовился пополнить фильм Сергея Юткевича «Свет над Россией» (по пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты»). Вынесенный в название образ давал авторам картины возможность соединить рассказ об электрификации страны с акцентировкой внимания на светоносной, солнечной сути вождя. Однако к этой задаче режиссер отнесся халатно, в сущности, отведя Сталину (Михаил Геловани) роль второго плана. Ленин (актер Николай Колесников) определенно доминирует в кадре. Владимир Ильич показан как главный вдохновитель и организатор энергетического перевооружения страны Советов. Иосиф Виссарионович действует «на подхвате», неуверенно топчется возле своего идеиного наставника. Stalin запоминается только в двух коротких эпизодах. В первом Ленин, размышая вслух, говорит: «Мне хочется увидеть, какой будет Россия через 10—20 лет...» Stalin уверенно заявляет: «Великой державой!» Второй, финальный, дает крупные планы Ленина и Сталина, глядящих на карту ГОЭЛРО. Такое распределение ролей, видимо, не могло удовлетворить генералиссимуса, и картина в прокат не вышла. В кинопрессе фильм Юткевича был назван «порочным, художественно слабым»².

Как можно создать мистический и светоносный образ вождя, продемонстрировал режиссер Михаил Калатозов в картине «Заговор обреченных» (1950). Действие фильма разворачивается после войны в одной из балканских стран, видимо, в Албании. Интриган и реакционер кардинал Бирнч (актер Александр Вергинский), пытаясь образумить одну из женщин, восклицает: «Дочь моя, неужели и ты за коммунизм, который страшной тучей надвигается на нас с востока?» «С востока? — женщина подается в кадр всей своей статью. — С востока идет к нам Солнце!» Ее горящие глаза и радостное возбуждение, с которым произносятся эти слова, не оставляют никаких сомнений насчет того, кто здесь имеется в виду.

Ко второй половине 1940-х гг. в игровом кино был подготовлен творческий плацдарм для того, чтобы масштабно раскрыть роль Сталина как гениального стратега Великой Отечественной войны. Ближе других к решению поставленной задачи подошли режиссер Игорь Савченко в фильме «Третий удар» (1948) и Владимир Петров в картине «Сталинградская битва» (1949). В этих работах, снятых в

² Редакционная статья // Искусство кино. 1948. № 1. С. 3.

документально-художественной манере, образ вождя подвергается тонкой и концептуально значимой корректировке. И. Савченко и В. Петров пригласили на центральную роль Алексея Дикого — прекрасного театрального актера академической выучки. Stalin в убедительном и сдержанном исполнении А. Дикого — это образцовый военачальник, профессиональный и прозорливый управленец. Кавказская лукавость и тяжеловесная сановная лапидарность уступают место аристократическим манерам и образцовой русской речи. Stalin — это настоящий военный мыслитель, способный, обратив внимание на ускользнувшую от генштабистов важную деталь, предложить наиболее выигрышный вариант действий, который, конечно, окажется победоносным. Дело маршалов и генералов — ретрансляция сталинских приказов, согласное кивание головами в ответ на стратегически выверенные императивы и размышления вождя. «Не скрою, — признавался Алексей Дикий, — меня пугала исключительная значительность и ответственность этой сложной работы.

<...> Нужно было наметить и решить отдельные части общей задачи, определить слагаемые грандиозной “суммы” образа» [Ждан, 1950: 27]. Захватывающие «математические» расчеты авторов фильма оказались точными. Зритель, посмотревший фильмы И. Савченко и В. Петрова, получал ясное и прочное представление о том, что главковерх лично планировал все ключевые военные операции (в том числе полкового масштаба), что именно Stalin является главным творцом Победы.

Не остался без работы и Михаил Геловани. Ему выпала честь сняться в фильме, где возвеличование и прославление Сталина достигает умопомрачительных высот. Картина «Падение Берлина» (1949) Михаила Чиаурели по монументальности и колоссальности может быть поставлена в один ряд с циклопическими изваяниями вождя в Сталинграде (скульптор Евгений Вучетич) и в Праге (скульптор Отакар Швец). «Падение Берлина» — это фильм-памятник, фильм-монумент, кинематографический Абу-Симбел. Что должен был чувствовать сын горийского сапожника, глядя на самого себя, точнее — на свою густо набальзамированную мумию в белом кителе, которая горделиво и безжизненно перемещается в кадре под истощные крики: «Сталину — слава!» Даже Геринг (актер Ян Верих), который мечется по комнате в подтяжках, понимает, что к чему: «В наши дни в парадных костюмах только в гроб ложатся...» Не знает границ болезненная экзальтация учительницы Наташи Румянцевой

(актриса Марина Ковалева): «Можно мне вас поцеловать, товарищ Сталин! За все, за все, что вы сделали для нас, для нашего народа!» Объяснить эту девиацию сознания можно только одним: Сталин, действительно, верил в свою избранность, в свою принадлежность к «право имеющим». А колоссам Мемнона как художественной форме «отец народов» всегда доверял больше, чем глиптике или виньеткам.

В сусальной массе славословий иногда обнаруживается неожиданный и непрогнозируемый подтекст. Так, мать сталевара Алексея Иванова (актер Борис Андреев), рассказывая Наташе о детстве сына, вспоминает, что сам себя он часто называл сталинцем. «И правда, сталинец, — умильно говорит Антонина Ивановна, — ничего не боится, ему препятствий нету. Строптивый такой парень получился, дай Бог ему счастья. Любознательный был мальчишка, до всего тянулся. Часы приметит или там гармонь — сейчас в руки загребет, давай разбирать». Ничего не скажешь, «сталинцев» этот простосердечный и косноязычный монолог характеризует емко: и про загребущие руки, и про ничем не сдерживаемую любознательность и строптивость — всё в точку.

Создавая образ Сталина в картине «Падение Берлина», Михаил Геловани учел некоторые уроки Алексея Дикого: кавказский акцент вождя стал почти не заметен. Судя по всему, после Победы ориенталистский колорит начал утомлять и раздражать вождя, чье имперское влияние в Европе выросло многократно.

В 1951 г. Михаил Чиаурели совершил последнее путешествие в революционную молодость своего героя, сняв картину «Незабываемый 1919 год» (по мотивам пьесы Всеволода Вишневского). Собственно, в 1919 г. Сталин был отнюдь не молод (40 лет), а Михаилу Геловани, который играл сорокалетнего Кобу, в 1951 г. стукнуло уже 59. «Незабываемый 1919 год» — жутковатое нагромождение киноштампов, копившихся с начала 1930-х гг.: от угарного парижского кафе с опереточными врагами-эмигрантами до штабного вагона, в котором зреют победоносные сталинские планы. Мы видим анекдотично-фольклорного Ленина (актер Павел Молчанов), который в пиджаке и в галстуке несет на плече бревно, а потом, узнав о наступлении Юденича и активизации белого подполья, возбужденно приговаривает: «Сталин. Теперь только Сталин!» А вот и он, красный Зорро, с каменным лицом, в кожаной фуражке, лихо заломленной на затылок — чтобы не примять молодецкий вихор.

Центральная сцена фильма — Сталин на фоне Медного Всадника. Параллели, как говорится, выстраиваются сами собой. Оператор фильма Леонид Косматов этот эпизод комментирует так: «...в ночь перед героическим боем вождь в глубоком раздумье идет по улицам Петрограда. Он проходит мимо памятника Петру, окутанного легкой дымкой белой июньской ночи. Петроград спит. Вождь бодрствует — он на страже покоя и счастья народа. Вот Сталин выходит на набережную Невы, и первые лучи восходящего солнца нового дня, дня решительного боя, освещают его»³.

Бросается в глаза, с каким бутафорским подобострастием подходит М. Чиаурели к предмету своей режиссерской любви. Его резец ваятеля стесывает мельчайшие неровности на античном лице и торсе героя, убирает всё, что могло бы очеловечить, одухотворить, оживить его. Сталин не дает никакой эмоциональной слабины. Герой позволяет выход своим чувствам, пожалуй, в единственной сцене, когда он с гневом захлопывает портсигар. Лилия Маматова справедливо обратила внимание на «вызывающую неряшливость» чиаурелевского монументализма [Маматова, 1993: 27]. Именно в послевоенных фильмах М. Чиаурели берут начало всевозможные «муляжные» постсоветские и зарубежные вариации сталинской темы (См.: [Черненко, 1993]).

На рубеже 1940—1950-х гг. Сталин окончательно перемещается в исторические эмпиреи, а мистифицированный экранный образ полностью заслоняет собой в сознании людей реального Иосифа Виссарионовича. В кино множится число апокрифических преданий: встреча Сталина с бакинскими товарищами во время поездки на Тегеранскую конференцию в конце 1943 г. и прогулка вождя по бакинской набережной («Огни Баку», 1949, реж. Рза Тахмасиб, Александр Зархи, Иосиф Хейфиц); присутствие Сталина на Волге во время Сталинградской битвы, прилет вождя в освобожденную столицу Германии в мае 1945 г. («Падение Берлина»). Уже созданные художественные ленты о Сталине — это только начало, заверял автор редакционной статьи в номере журнала «Искусство кино», посвященном 70-летнему юбилею Иосифа Виссарионовича: «Сколько еще поразительных, ярких страниц откроет наше искусство, обращаясь

³ Незабываемый 1919 год. Заметки о фильме. М.: Госкиноиздат, 1952. С. 15.

к образу вождя и выражая в этом образе главные, лучшие, величественные черты всего советского народа в его героической борьбе за полное осуществление великих идей Ленина и Сталина!»⁴. Ростислав Юренев отмечал победоносное шествие «сталинской темы» по экранам страны [Юренев, 1949: 7].

Жизненное пространство, в котором существуют герои советского кино, еще плотнее заставляется фотографическими, живописными и скульптурными изображениями Сталина. Пафосные речи, произносимые протагонистом на фоне портрета вождя, — это еще довоенная практика. Послевоенное кино ее закрепляет и канонизирует. В фильме Владимира Брауна «В мирные дни» (1950) матрос-подводник Гриневский (актер Вячеслав Тихонов) рассуждает о любви моряка к Родине. Кадр скомпонован так, что голова Гриневского словно втиснута между двумя висящими на стене портретами вождей: справа — Ленин, слева — Stalin. «Ты гляди, Харитон, как на тебя генералиссимус Stalin смотрит», — говорит Балуну старый рабочий в финальной сцене фильма «Большая жизнь» (2 серия). Последний кадр картины: Харитон (актер Борис Андреев) сосредоточенно вглядывается в глаза портретного генералиссимуса, пытаясь понять что-то важное для себя. Изображение Сталина — пусть даже вырезанное из журнала! — не просто атрибут советского быта. Это священный тотем, это канал телепортации и окно в надреальный мир. Иногда «окно» оказывалось мутноватым, словно запотевшим от излишнего усердия и любви. В картине Владимира Корша-Саблина «Новый дом» (1947) показана лубочная сельская жизнь: белорусская деревня отстраивается после войны. В finale картины мы видим итог крестьянских трудов — картонно-бутафорский поселок с торчащим на площади нелепым памятником вождю. Фильм, несмотря на прекрасную музыку И. Дунаевского, немедленно попал в черный список «бездейственных» и «малохудожественных» киноработ.

Простому человеку в кадре рекомендовано шумно и суетно доказывать свою преданность вождю и оробело сникать в тот момент, когда вождь оказывается в «пределах досягаемости». Почти в каждом фильме тех лет есть эпизод, где герой взмолнивенно говорит о вожде или просветленно о нем думает. На комсомольском

⁴ Редакционная статья // Искусство кино. 1949. № 6. С. 3.

собрании девушка с косичками делится размышлениями о дружбе: «Великие вожди революции оставили нам живые свидетельства своей жизни, полные обаяния нежной дружбы. Вот Маркс и Энгельс. Вот Ленин и Сталин» («Сельская учительница», 1947). Старый кубанец Мулюк втолковывает односельчанам, вернувшимся в разоренные войной места: «Силе колхозной дна нет. Этую силу вложил в крестьянство Сталин» («Освобожденная земля», 1946). Журнал «Искусство кино» самой сильной и выразительной сценой фильма «Молодая гвардия» назвал эпизод, когда молодые краснодонцы в канун 25-летия Октября тайно слушают по радио доклад вождя. «Сталин. Партия, — чеканил слова кинокритик Глеб Греков. — Вот кто вдохновлял героев-комсомольцев на великий подвиг» [Греков, 1948: 5].

Даже если сюжетно и содержательно события фильма никак со Сталиным не связаны, вождь в нужный момент обязательно даст о себе знать. В картине «Райнис» (1949, реж. Юлий Райзман) есть эпизод, когда редактор Брукс между делом достает из пачки бумаг письмо от «товарища Сергея», в котором упоминается о первой встрече Ленина с «руководителем закавказских большевиков Сталиным». Разговор на этом должен был бы и закончиться, но Райнис (актер Янис Грантиныш) внезапно перехватывает руку Брукса: «Погоди, дай сюда письмо... Я много слышал о Сталине еще в ссылке». Заметим, что в 1905 г., когда разворачивается действие, псевдонима Stalin еще не было и в помине, однако на такие мелкие исторические нестыковки режиссеры давно не обращали внимания. Все должны понимать, что моловой о Сталине мир живет с незапамятных времен.

В картине «Донецкие шахтеры» (1950, реж. Леонид Луков) для зрителей был приготовлен неожиданный оптический эффект, о котором в сценарии Б. Горбатова и В. Алексеева сказано так: «Заложив руки за спину, стоит Кравцов на холме и любуется открывшимся перед ним родным донбасским пейзажем. <...> В красном мареве высокие окутанные дымом заводские трубы выглядят еще четче и строже. Над темным шахтным копром горит красная звезда. В вечернем небе светятся слова: “Слава великому Сталину!” А Кравцов стоит и смотрит»⁵. Что же видит Кравцов, а вместе с ним кинозрители? Электрические огни? Или небесные светила, покорно сложившиеся в сверкающую космическую здравицу? Возможно,

⁵ Избранные сценарии советского кино. М.: Госкиноиздат, 1951. Т. 6. С. 486.

таких смелых метафор, перемещающих вождя в пространство вселенной, и не хватило фильму Сергея Юткевича «Свет над Россией».

Заключение

Таким образом, киносталиниана 1930 — начала 1950-х гг. стала концептуально важным идеально-художественным элементом масштабной перестройки массового сознания. Советский человек должен был ощутить себя субъектом особого жизненного пространства, в котором архетипические свойства народной души (коллективизм, бескомпромиссное желание справедливости и правды, религиозный синкретизм, простосердечная вера в авторитет) соединяются с идеологическими конструктами нового мира. Точкой сопряжения этих линий стал экранnyй образ И. В. Сталина, создаваемый с расчетом на привычки и вкусы той части социума, сознание которой обладало не рефлексивными, а химерическими, мифологическими свойствами. Исторический и классовый умострой (правильнее назвать его чутьем) рядовых строителей нового мира подпитывался бессознательным религиозным инстинктом и волевым стремлением к быстрому достижению результата. Кинематограф канонизировал Сталина в качестве вдохновителя всех здоровых социально-политических начинаний, в роли творца всех советских побед.

Мистифицированный образ отца народов вписан в реальную историю страны, однако она набросана широкими мазками, без детализации и погружения в частные события и темы: революция, гражданская война, индустриализация, коллективизация, Великая Отечественная война, послевоенное строительство. Все человеческие судьбы и сюжетные ходы так или иначе замыкаются на статуарном образе вождя; по сути, они лишены самостоятельного звучания и значения. В силу этого история предстает всего лишь как событийный фон, на котором рельефно прорисовывается фигура венценосного протагониста. В кино Стalin предстает как сильный и мудрый правитель-вседержитель, символизирующий осуществленную народную мечту о справедливом жизненном укладе. С решением этой локальной задачи киносталиниана, нужно признать, справлялась успешно, но стратегически ставка на архаичный идеально-художественный инструментарий себя не оправдала. Мистификаторство, замешенное на избыточном пафосе, гипертрофии форм и смыслов, оказалось средством сильнодействующим, но имеющим массу побочных эффектов. Главные из них — неизбежное искажение исторической реальности и болезненная aberrация массового сознания.

Показательно то, как легко и быстро после смерти солнцеликий бог Сталин был совлечен со своего пьедестала. И дело здесь не в «иконоборческой» кампанейщине, затеянной Н. С. Хрущевым, а в том, что на протяжении долгого времени градус всенародного поклонения вождю был аномально, болезненно высок. Никакой организм не вынесет такой страшной, изматывающей и отнюдь не взаимной страсти. Страна изнурила себя этой нездоровой любовью. После двух десятилетий горячечного возбуждения наступала пора посткризисного успокоения и отрезвления. Заметим, что хрущевскую чистку произведений искусства с приметами «культы личности», в том числе кинокартин, следует отнести к рецидивам политической горячки, а никак не к факторам отрезвления и прояснения сознания. Правка осуществлялась вполне сталинскими методами — грубо и беззастенчиво. Некоторые картины позже вернулись к зрителю в осколленном виде — другие отправились в запасники и фильмохранилища.

Фигура И. В. Сталина неизменно привлекала внимание кинематографистов и после смерти вождя. Впрочем, его обмирощенный и оправденный образ в «оттепельном» кино, монотонный главковерх ренессансных 1970-х гг., утрированный лукавый злодей позднесоветского и постсоветского образца — это не кремлевский волшебник-фантом из фильма Л. Кулешова «Сибиряки», не маршал-аристократ из «Третьего удара».

Сталинская художественная фильмография 1930 — начала 1950-х гг. — феномен, заслуживающий пристального внимания не только искусствоведов, но и философов, историков, культурологов, социологов. Обращение к этому материалу помогает понять, как работал механизм сталинской пропаганды, какими способами реализовывался сталинский цивилизационный проект и почему по сей день он остается образцовым для всей советской эпохи.

Список источников

- Граков Г. «Молодая гвардия» // Искусство кино. 1948. № 6. С. 3—6.
- Ждан В. Н. «Сталинградская битва». О фильме и его создателях. М.: Госкиноиздат, 1950. 40 с.
- Зябликов А. В. Агиографические мотивы в советском кино 1930—1950-х годов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 40—48. doi: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.40
- Маматова Л. Вперед, к Протазанову! // Искусство кино. 1993. № 3. С. 23—30.

- Пудовкин В. И., Смирнова Е. М. О некоторых вопросах истории советского кино // Искусство кино. 1949. № 4. С. 11.
- Черненко М. Краткие курсы и кроткие фарсы, или Кремлевские тайны двадцатого века // Искусство кино. 1993. № 3. С. 30—35.
- Юренев Р. Урок стратегии // Искусство кино. 1948. № 3. С. 17.
- Юренев Р. Образ великого вождя // Искусство кино. 1949. № 6. С. 7.

References

- Chernenko, M. (1993), ‘Short courses and mild farces, or Kremlin secrets of the twentieth century’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no. 3: 30—35.
- Grakov, G. (1948), ‘The Young Guard’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no. 6: 3—6.
- Mamatova, L. (1993), ‘Forward to Protazanov!’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no. 3: 23—30.
- Pudovkin, V. I. and Smirnova, E. M. (1949), ‘On some issues of the history of Soviet cinema’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no. 4: 11.
- Yurenev, R. (1948), ‘Strategy Lesson’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no. 3: 17.
- Yurenev, R. (1949), ‘The image of a great leader’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no. 6: 7.
- Zhdan, V. N. (1950), “*Stalingradskaia bitva*”, *O fil'me i ego sozdateliakh* [“Battle of Stalingrad”, About the film and its creators], Goskinoizdat, Moscow, Russia.
- Zyablikov, A. V. (2017), ‘Hagiographic motives in Soviet cinema of the 1930s—1950s’, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta, seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University, series “Humanitarian and Social Sciences”], no. 3: 40—48, doi: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.40.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 30.12.2024; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

A. B. Зябликов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет, член Союза писателей России, Кострома, Россия.

A. V. Zyablikov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, member of the Writer's Union of Russia, Kostroma, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 24—41.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 24—41.

Научная статья

УДК 94(47+57)"1951/1955"-058.237

EDN <https://elibrary.ru/zgqfek>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.2

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.3. Археология

**ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
1950-Х ГОДОВ (по дневникам и письмам из личного
архива Д. А. Крайнова)**

Елена Леонидовна Костылёва

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

elkos-ty-le-va@mail.ru, SPIN-код: 5530-3176,

<https://orcid.org/0000-0003-4702-7983>

Александр Витальевич Уткин

Независимый исследователь, Россия, u_two1955@mail.ru,

SPIN-код: 3155-4858, <https://orcid.org/0000-0001-6521-1958>

Аннотация. Статья основана на источниках личного происхождения и посвящена небольшому хронологическому периоду (1951—1955 гг.) из жизни известного советского и российского археолога Дмитрия Александровича Крайнова (1904—1998 гг.). В те годы жизнь ученого проходила в д. Иващево (Владимирская обл.) и г. Угличе (Ярославская обл.). Это было время его адаптации к начинающейся новой жизни после освобождения из северных лагерей ГУЛАГа. Для Крайнова это было также и время постепенного возвращения в науку, от которой он был оторван на долгие годы войны и лагерей. Основные события жизни ученого в первой половине 1950-х годов нашли отражение в его дневниковых записях, в обширной переписке с учительницей из Пензы М. Б. Бохиной (Полторацкой), а также в письмах бывших артистов театра лагеря «Стройка 501/503», родственников и коллег-археологов. Первостепенными вопросами тех лет были возможность устройства на работу, получение какого-либо жилья, приобретение продуктов питания, необходимой одежды и обуви. Немалое значение имела и духовная составляющая жизни интеллигенции:

© Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2025

возможность посещения театров, концертов, чтения книг, участия в художественной самодеятельности. Он был не одинок в своих исканиях, т. к. первая половина 1950-х годов ознаменовалась массовым возвращением заключенных к свободной жизни, что нашло отражение в письмах бывших «друзей по несчастью» — артистов лагерного театра. Сведения из упомянутых источников позволили взглянуть на жизнь провинциальной интеллигенции первой половины 1950-х годов «изнутри», в рамках микроисторического подхода.

Ключевые слова: археолог Д. А. Крайнов, ГУЛАГ, театр, дневники, переписка, М. Б. Полторацкая, провинциальная интеллигенция, микроистория

Для цитирования: Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Жизнь провинциальной советской интеллигенции первой половины 1950-х годов (по дневникам и письмам из личного архива Д. А. Крайнова) // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 24—41.

Original article

THE LIFE OF THE PROVINCIAL SOVIET INTELLIGENTSIA IN THE FIRST HALF OF THE 1950S (based on the diaries and letters from D. A. Krainov's personal archive)

Elena L. Kostyleva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
elkos-ty-le-va@mail.ru, SPIN-код: 5530-3176,
<https://orcid.org/0000-0003-4702-7983>

Alexander V. Utkin

Independent researcher, Ivanovo, Russia,
u_two1955@mail.ru, SPIN-код: 3155-4858,
<https://orcid.org/0000-0001-6521-1958>

Abstract. The article is based on sources of personal origin and is devoted to a small chronological period (1951—1955) in the life of the famous Soviet and Russian archaeologist Dmitry Aleksandrovich Krainov (1904—1998). During those years, the scientist lived in the village of Ivashevo (Vladimir region) and the city of Uglich (Yaroslavl region). It was the time of his adaptation to the beginning of a new life after his liberation from the northern Gulag camps. For Krainov, it was also the time of gradual return to science,

from which he had been cut off for many years of the war and the imprisonment. The main events of the scientist's life in the first half of the 1950s were reflected in his diary entries, in extensive correspondence with a teacher from Penza, M. B. Bokhina (Poltoratskaia), as well as in the letters from the former actors of the prison camp theater "Stroika 501/503", relatives and fellow archaeologists. The primary issues of those years were the possibility of finding a job, getting some kind of housing, purchasing food, necessary clothes and footwear. The spiritual component of the life of the intelligentsia was also of considerable importance: the opportunity to visit theaters, concerts, read books, and participate in amateur performances. He was not alone in his pursuits, as the first half of the 1950s was marked by the massive return of prisoners to a free life, which was reflected in the letters of the former "friends in misfortune" — the actors of the prison camp theater. Information from these sources allowed us to look at the life of the provincial intelligentsia of the first half of the 1950s "from the inside", within the framework of a micro-historical approach.

Keywords: archaeologist D. A. Krainov, Gulag, theatre, diaries, correspondence, M. B. Poltoratskaia, provincial intelligentsia, microhistory

For citation: Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2025), 'The life of the provincial soviet intelligentsia in the first half of the 1950s (based on the diaries and letters from D. A. Krainov's personal archive)', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 24—41 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Первая половина 1950-х годов отмечена в истории СССР, прежде всего, восстановлением разрушенных войной городов, возрождением народного хозяйства, развитием атомной и космической отраслей науки и техники, политическими и социальными пертурбациями, связанными со смертью И. В. Сталина. Эти события нашли отражение в научных исследованиях, художественной литературе и кинофильмах¹. Однако явно недостаточно исследований о жизни, заботах и чаяниях советских людей того времени, без акцента на «обычного» представителя из среды крестьян, рабочих и мелких служащих, как и описаний жизни представителей политической элиты, художественной, творческой, филологической, научной, инженерно-технической интеллигенции (без глобальных обобщений). В связи с этим вводимые в научный оборот новые материалы, основанные на источниках личного

¹ Этих исследований мы в данной статье не касаемся, т. к. она базируется исключительно на источниках личного происхождения.

происхождения представителей провинциальной интеллигенции и позволяющие взглянуть на жизнь этого социального слоя «изнутри», весьма актуальны.

Цель статьи — на уровне микроистории представить особенности жизни отдельных представителей провинциальной советской интеллигенции в первой половине 1950-х годов.

Это время, когда еще достаточно ощущимы были отзвуки Великой Отечественной войны и репрессий сталинского времени, наложивших отпечаток на все стороны жизни разных социальных слоев советского общества. Животрепещущими вопросами тех лет стали возможность устроиться на работу (желательно по своей специальности), получение какого-либо жилья, приобретение продуктов питания, необходимой одежды и обуви. Наряду с материальными запросами, были, конечно, и духовные, меньшие влиявшие на представление людей того времени о благосостоянии, но имевшие большое значение для представителей интеллигенции.

Обзор источников. Основными источниками послужили материалы из личного архива известного советского и российского ученого-археолога Дмитрия Александровича Крайнова. К ним относятся дневниковые записи Крайнова за отдельные периоды 1951, 1953 и 1954 гг., а также многочисленные письма, бережно хранившиеся в домашнем архиве ученого на всем протяжении его жизни.

Архив Д. А. Крайнова хранится в Институте археологии РАН, а также часть его, материалы которой использованы в статье, — в архиве археологического музея Ивановского государственного университета, в «Фонде Д. А. Крайнова» [Костылёва, Уткин, 2011; Они же, 2013]. Фонд Дмитрия Александровича Крайнова в музее ИвГУ имеет два основных раздела — «Рукописный раздел» и «Раздел визуальных источников». В Рукописном разделе сформированы отделы «Дневники», «Письма», «Документы», «Описи коллекций» и «Отчеты по результатам полевых исследований», в Разделе визуальных источников — отделы «Фотографии», «Рисунки», «Чертежи».

Первые дневниковые записи после возвращения ученого из лагеря ГУЛАГа «Стройка 503» (север Красноярского края) в родную деревню Ивашево (Киржачский район Владимирской обл.) датируются октябрем 1951 г., а последние — мартаом 1954 г. С этого времени дневник Д. А. Крайнову заменяют письма, адресованные учительнице ремесленного училища № 1 из Пензы Маре Борисовне

Бохиной². В письмах М. Б. Бохиной он подробно описывает свою жизнь. Переписка длилась полтора года — с марта 1954 по сентябрь 1955. За это время обеими сторонами было написано около полутора сотен писем. Письма Д. А. Крайнова к М. Б. Бохиной были очень подробными — на 8—10 страницах, написанных мелким убористым почерком. Ответы на них были более сдержанными — на 4—6 страницах.

При написании статьи привлекались также менее многочисленные письма ближайших родственников — старшего брата Ивана, сестер Клавдии и Таисии, а также бывших артистов театра лагеря «Стройка 503» и коллег по археологическому «ремеслу». Краткий обзор эпистолярного наследия ученого в свое время был представлен в одной из статей, посвященной документам этого жанра, хранящимся в архивах личного происхождения Р. Г. Гринберг и Д. А. Крайнова в Ивановском государственном университете [Костылёва, Точёнов, Червяков, 2022: 106—109].

Кроме того, в нашем распоряжении были устные сведения, полученные в ходе бесед с Дмитрием Александровичем во время работы в Верхневолжской археологической экспедиции и при обучении одного из авторов в аспирантуре под его руководством³.

Биография и жизненный путь Д. А. Крайнова, его научные достижения, отдельные периоды жизни в своё время освещались в достаточно многочисленных публикациях разного уровня [Крупнов, 1964; Уткин, Костылёва, 1994а, 1994б; Головицын, Головицына, Бакаев, 1996; Костылёва, Уткин, 1999; Колыцов, Максимов, 2000; Костылёва, Уткин, 2003; Костылёва, 2004; Костылёва, Уткин, Энгаватова, 2005; Жилин, 2006; Костылёва, Уткин, 2006а, 2006б, 2014, 2015, 2024]. Однако к работе над ними не привлекались материалы личного архива ученого. Лишь в одной статье, посвященной событиям

² Мара (в крещении Марфа) Борисовна Бохина (урожденная Полторацкая) родилась в г. Сурске Пензенской губернии в 1919 г. в семье дворянина Бориса Борисовича Полторацкого, фамилию Бохина получила в первом браке с Евгением Бохиным.

³ В 1959 году в Институте археологии АН СССР (с 1991 г. — Институт археологии РАН) была создана Верхневолжская экспедиция, которую возглавил и более 30 лет руководил ею Д. А. Крайнов. В этой экспедиции около 20 лет проводили свои полевые сезоны авторы данной статьи.

военного времени в жизни ученого, были использованы материалы его архива [Костылёва, Уткин, 2012].

11 лет «послевоенной эпопеи» Д. А. Крайнова, связанные со временем пребывания его в лагерях ГУЛАГа с 1944 по 1951 гг. и первыми годами после выхода на волю (1951—1955 гг.), остались почти не затронутыми в публикациях.

Методология и методы исследования

При работе с источниками применялись биографический и описательный методы, а также контент-анализ.

Основная часть

Главные события жизни Д. А. Крайнова: «от рождения до освобождения»

Родился Д. А. Крайнов 8 (21-го по нов. ст.) октября 1904 г. в д. Иващево Киржачского уезда Владимирской губернии в много-детной крестьянской семье среднего достатка⁴. После обучения в Переславль-Залесском духовном училище и школы II ступени в г. Киржаче Д. А. Крайнов в 1925 г. поступил на этнологический факультет I Московского государственного университета⁵. Завершил обучение в 1929 г. Последующие 12 лет жизни ученого связаны с работой в Государственном историческом музее (ГИМ) на разных должностях: директор филиала ГИМа — музея «Александровская слобода» (1929—1930 гг.); ученый секретарь (1931—1935 гг.); сначала младший, а потом старший научный сотрудник, начальник Крымской археологической экспедиции ГИМа (до июля 1941 г.).

⁴ Во всех вышеупомянутых предыдущих публикациях о Д. А. Крайнове датой его рождения указывалось 30 сентября (так по паспорту). Однако число и месяц рождения Д. А. Крайнова были уточнены сотрудниками Государственного архива Владимирской области и представлены на странице ГАВО в социальной сети ВКонтакте, в рубрике «Памятные даты» от 8 октября 2024 г., с фотографией соответствующей страницы метрической книги. Актовая запись о рождении Д. А. Крайнова в метрической книге Воскресенской церкви с. Романовское Александровского уезда за 1904 г. // Государственный архив Владимирской области. Ф. 590. Оп. 20. Д. 217. Л. 248, об. 249.

⁵ С 1931 г. — историко-философский факультет МГУ.

Затем — война и лагеря ГУЛАГа (1941—1951 гг.). События военного времени (вступление 7 июля 1941 г. добровольцем в Московское народное ополчение, окружение армии под Спас-Деменском Калужской области в начале октября 1941 г., плен, бегство из плена, жизнь в оккупации, работа в театре г. Клинцы, возвращение в действующую армию — на 2-й Белорусский фронт в сентябре 1943 г., осуждение в 1944 г. по 58 ст.) подробно изложены в упомянутой выше публикации [Костылёва, Уткин, 2012].

Годы, проведенные Д. А. Крайновым в лагерях «Стройка 501/503» ГУЛАГа, в том числе его работа в лагерном театре, еще ждут своего освещения на основе уникального источника — дневников, которые заключенному удавалось вести в отдельные периоды его пребывания в «местах не столь отдаленных» (Абезь, Игарка, Ермаково). Дополняют их письма, которые писали бывшие артисты лагерного театра друг другу после освобождения.

Освобождение из лагеря «Стройка 503» последовало 13 июля 1951 г.⁶ Преодолев долгий путь от ст. Ермаково под Игаркой до ст. Бельково Владимирской области, Д. А. Крайнов возвратился на родину в д. Иващево 5 августа 1951 г.⁷ Самый трудный период его жизни, казалось, остался позади. Это было время с июля 1941 г., когда он вместе с другими сотрудниками ГИМа вступил добровольцем в Московское народное ополчение, до получения долгожданной справки об освобождении.

«Прощай, тайга дремучая,
Морозы, вьюги жгущие,
Прощай, сиянье севера...»⁸

Жизнь в деревне, или недобрый ветер перемен

Что ожидало Д. А. Крайнова дома? А дома была горячо любимая мать Мария Степановна, родившая 18 детей и теперь умиравшая от болезни почек. Ждала своего старшего брата вернувшаяся в

⁶ Справка об освобождении // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Документы» (далее: Архив АМУ).

⁷ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 18 октября 1951 г. // Там же. Отдел «Дневники».

⁸ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 8 октября 1951 г. Первые строки поэмы «Возвращение», так и оставшейся незавершенной // Там же.

1950 г. из лагерей ГУЛАГа больная туберкулезом сестра Прасковья — бывший педагог ремесленного училища № 23 (Москва)⁹. Она была осуждена по оговору соседки по квартире, утверждавшей, что Прасковья, узнав о приговоре брату Дмитрию, стучала молотком по портрету Сталина и проклинала его¹⁰. К моменту ареста Прасковье не было еще и 30 лет (род. в 1915 г.). Она провела на тяжелых лагерных работах «с киркой и ломом» и «в сталелитейном цехе семь лет» (1944—1950 гг.)¹¹. Отец — Александр Гаврилович — умер, не дождавшись сына, 28 января 1951 г.¹² О возвращении к счастливой до-военной московской жизни, насыщенной яркими событиями, экспедициями, научной работой, концертами, он не смел и мечтать.

Первые месяцы жизни в деревне прошли в хлопотах по хозяйству, уходу за больными и в поисках работы.

В поисках работы

У всех «друзей по несчастью» после выхода на свободу на первом месте среди прочих забот стояли вопросы трудоустройства. Однако сделать это было нелегко. А티сты-«солагерники» Крайнова пытались помогать друг другу в поисках работы, поддерживали на протяжении последующих за освобождением лет и десятилетий связь, радовались успехам и грустили по поводу кончины кого-либо из атистов их театра.

«Коллега» по лагерному театру Вера Марклановна Белая вышла на свободу раньше Крайнова — в 1950 г. Она нашла себе место в театре Воркуты и настойчиво звала Д. А. Крайнова после освобождения приехать, описывала ему перспективы устройства на работу геологом в Геологоразведочное управление (ГРУ)¹³. При этом она сообщала, что устроиться в театре ей будет невозможно:

⁹ Архивное дело № 39669 по осуждению Крайновой П. А. хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Источник сведений: «Открытый список» // Электронная база данных жертв политических репрессий (1917—1991 гг.). URL: <http://ru.openlist.wiki>. (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁰ Устное сообщение Д. А. Крайнова.

¹¹ Крайнов Д. А. Дневник. Записи за октябрь — ноябрь 1951 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Дневники».

¹² Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 3 марта 1951 г. // Там же.

¹³ Белая В. М. Письмо Д. А. Крайнову от 25 октября 1951 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

«Если ты думаешь устроиться в театре, то мне кажется, что это невозможно, т. к. освободился Дейнека, и принят в театр»¹⁴. В ноябре 1951 г. перспектива устройства Крайнова на работу в ГРУ Воркуты прояснилась: «В отношении работы теперь ясно. Начальник получил согласие Отдела кадров. Они тобой заинтересованы»¹⁵. В апреле 1952 г. В. Белая уточняет, на какую должность и оклад может рассчитывать её адресат: «Геолог по изучению четвертичных отложений — оклад 1600—1800 р. Летом полевые работы 3 м. ... Пожалуй, можешь устроиться в театр на место Дейнеки. Он уволен из-за скандального поведения»¹⁶.

Много сил приложила к устройству Д. А. Крайнова и обосновавшаяся в театре Салехарда Нина Константиновна Троицкая. Она писала, чтобы Крайнов быстрее приезжал, т. к. «штаты уже есть на новый год и надо оформляться»¹⁷. Кроме того, писала Троицкая, «есть возможность поехать в клуб г. Надым и работать в самодеятельности»¹⁸.

Д. А. Крайнов и сам прилагал усилия в поисках работы. Просил свою театральную «солагерницу», жившую после освобождения в Сибири, «узнать о возможностях устройства там у вас по театральной линии, самодеятельности, или геологической, преподавательской...»¹⁹. Безуспешно.

И вместе с тем Крайнов не мог отправиться на приглашения или поиски работы в далекие края. Прежде всего, он должен был ухаживать за своими больными: «Уехать на работу не могу. Прикован к своим двум дорогим больным — маме и сестре»²⁰. С другой стороны, ему не хотелось опять ехать на холодный Север: «...он надоел мне. Сейчас там, наверное, зима и трескучие морозы, и пурга воет. Как подумаю, что опять буду там, то мурашки по спине забегают»²¹. И главное — он хотел вернуться к своим довоенным

¹⁴ Белая В. М. Письмо Д. А. Крайнову от 25 октября 1951 г. // Там же.

¹⁵ Белая В. М. Письмо Д. А. Крайнову от 16 ноября 1951 г. // Там же.

¹⁶ Белая В. М. Письмо Д. А. Крайнову от 08 апреля [1952 г.]. // Там же.

¹⁷ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от конца ноября 1951 г. // Там же.

¹⁸ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от 1 декабря 1951 г. // Там же.

¹⁹ Крайнов Д. А. Письмо «Дорогой Елене» от 24 декабря 1951 г. // Там же.

²⁰ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 18 октября 1951 г. // Там же. Отдел «Дневники».

²¹ Там же.

занятиям: музейной деятельности, археологии, науке — от которых был оторван более чем на 10 лет: «Грохот войны выбил меня из колеи науки»²². Однако в науку путь был ему пока заказан. В отчаянии он пишет письмо своему однокурснику Евгению Игнатьевичу Крупнову. С ним вместе работали в ГИМе, вместе уходили в ополчение. На время переписки Е. И. Крупнов был уже заместителем директора по науке Московского отделения Института истории материальной культуры АН СССР²³. Однако и он не может (или боится?) помочь опальному другу: «...полагаю, что тебе лучше было бы не покидать сферу Мельпомены и Терпсихоры. Возвращаться, скажем, к музейной деятельности на новом месте, тебе будет трудновато, да и оплачивается наша работа весьма слабо»²⁴.

Другим артистам лагерного театра «Стройки...» тоже нелегко приходилось с трудоустройством. Чаще всего они, в отличие от Крайнова, раньше были профессиональными артистами и искали работу на театральном поприще. Так, пытался устроиться в театр Воркуты прекрасный тенор Иван Александрович Чигринов, но его не приняли. Он «объездил всю Россию, но нигде не мог устроиться... был в Ухте. Театра нет... Его голос везде нужен, но...» — писала о нем в своем письме Д. А. Крайнову в октябре 1951 г. Вера Белая²⁵. Однако вскоре, судя по адресу на конверте с кратким письмом — обращением к сестре Крайнова с просьбой передать тому его адрес, он уже в ноябре обосновался в Сыктывкаре. Там он нашел и работу в театре, и свое личное счастье²⁶.

Николай Николаевич Чернятинский — в довоенные и военные годы преподаватель консерватории, дирижер оркестра одесской оперы. Теперь же, по сообщению Веры Белой, устроился где-то

²² Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 30 апреля 1951 г. // Там же.

²³ Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (ИИМК АН СССР) был создан на базе Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) в 1937 г., с 1957 г. переименован в Институт археологии АН СССР; с 1991 г. — в Институт археологии РАН.

²⁴ Крупнов Е. И. Письмо Д. А. Крайнову от 29 сентября 1951 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

²⁵ Белая В. М. Письмо Д. А. Крайнову от 25 октября 1951 г. // Там же.

²⁶ Чигринов И. А. Письмо на имя Крайновой П. А. для Д. А. Крайнова от 11 ноября 1951 г. // Там же; Чигрина Н. В. Письмо Д. А. Крайнову от 10 декабря 1969 г. с сообщением о скоропостижной смерти мужа 19 сентября 1968 г. // Там же.

руководителем самодеятельности²⁷. Н. К. Троицкая уточняет, что Чернятинский уехал в Андижан (Узбекистан)²⁸. В другом письме она сообщает, что он работает в самодеятельности в Чимкенте (Казахстан)²⁹.

Краткие сведения, которые встречаются в переписке Д. А. Крайнова, говорят о том, что путь в центральные города с перспективой получения там работы артистам лагерного театра был закрыт. В основном они устраивались на российском Севере (Салехард, Надым), а также в городах республик Коми (Воркута, Сыктывкар), Удмуртия (Сарапул) и далее — на восток — Тува (Кызыл), Узбекистан (Андижан), Казахстан (Чимкент). Главным для вышедших на свободу людей было где-то «зацепиться», устроиться пусть даже на не слишком подходящую работу, поселиться в общежитии или на съемной квартире, адаптироваться к свободной жизни, чтобы потом уже найти лучшие для себя условия.

Письма, написанные артистами-солагерниками, с которыми Крайнов в 1950—1980-е годы поддерживал связь, это вполне подтверждают. Н. Н. Чернятинский вернулся к преподавательской и дирижерской деятельности, работал в опере, музыкальном училище и консерватории Кишинева, в которой до конца дней своих заведовал кафедрой³⁰. Д. А. Петрова продолжила карьеру в театре драмы и музыкальной комедии г. Николаева³¹, а А. И. Король — в Запорожском музыкально-драматическом театре им. М. Щорса³². Е. Д. Игнатенко сначала устроился в оперу г. Сталино (Донецк) в Донбассе³³, потом работал в филармонии Ялты³⁴.

Д. А. Крайнов тоже сначала лишь «зацепился» за работу. После похорон мамы в начале 1952 г. он 1 марта устроился руководителем драматического кружка при клубе им. Ленина текстильной

²⁷ Белая В. М. Письмо Д. А. Крайнову от 25 октября 1951 г. // Там же.

²⁸ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от 18 октября 1951 г. // Там же.

²⁹ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от 10 декабря 1951 г. // Там же.

³⁰ Чернятинский Н. Н. Письмо Д. А. Крайнову от 6 ноября 1957 г. // Там же; Игнатенко Е. Д. Письмо Д. А. Крайнову от 1 марта 1961 г. // Там же.

³¹ Петрова Дора Александровна. URL: <https://www.kino-teatr.ru/acter/w/sov/406254/bio/> (дата обращения: 15.02.2025).

³² Король А. И. Письмо Д. А. Крайнову 20 апреля 1955 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма»; Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от января 1952 г. // Там же.

³³ Чернятинский Н. Н. Письмо Д. А. Крайнову от 6 ноября 1957 г. // Там же.

³⁴ Вальдина Т. Н. Письмо Д. А. Крайнову от 21 октября 1966 г. // Там же.

фабрики «Свобода» близ станции Бельково, в 9 км от д. Ивашево, где отработал без малого два года³⁵. До места работы и обратно ему приходилось ходить пешком. Помог устроиться брат отца Павел Гаврилович Крайнов, живший в поселке при фабрике. Эта работа, как писал Крайнов, не приносила удовлетворения, т. к. в кружке было очень мало увлеченных театром людей³⁶. Но главное — он был недалеко от дома и мог ухаживать за сестрой.

В 1953 г. в поисках работы Д. А. Крайнов решается написать заявление на имя министра культуры РСФСР Татьяны Михайловны Зуевой, приложив к нему свою биографию: «Прошу Вашего разрешения и распоряжения о направлении меня на работу по моей основной специальности — археолога и музейного работника»³⁷. В поддержку этой просьбы в октябре 1953 г. в Министерство направляют положительные отзывы и характеристики на Крайнова коллеги, хорошо знавшие его на протяжении многих довоенных лет. Это — работавший в ГИМе доктор исторических наук профессор Александр Яковлевич Брюсов; заведующий лабораторией пластической реконструкции Академии наук СССР, кандидат биологических наук, лауреат Сталинской премии Михаил Михайлович Герасимов; старший научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР, кандидат исторических наук Евгений Игнатьевич Крупнов, а также заместитель директора ГИМа, вместе с Д. А. Крайновым вступивший в народное ополчение в июле 1941 г. и воевавший вместе с ним³⁸. О своей ситуации с работой Д. А. Крайнов в начале

³⁵ Справка от 22 января 1954 г. за подписью председателя фабкома Башкина о работе Д. А. Крайнова руководителем драматического кружка в клубе фабрики «Свобода» с 1 марта 1952 г.; две машинописные брошюры со сценариями постановок «Последняя могиканка» и «Лицом к лицу» // Там же. Отдел «Документы».

³⁶ Крайнов Д. А. Дневник. Записи за октябрь-ноябрь 1951 г. // Там же. Отдел «Дневники».

³⁷ Д. А. Крайнов. Заявление на имя министра культуры Зуевой Т. М. без даты // Там же. Отдел «Документы».

³⁸ Отзыв о Д. А. Крайнове от 15.Х.1953 г. за подписью А. Я. Брюсова // Там же; Характеристика Д. А. Крайнова от 20.Х.1953 г. за подписью Е. И. Крупнова // Там же; Письмо от 17.Х.1953 г. за подписью М. М. Герасимова // Там же; Письмо зам. директора ГИМа [Подпись зам. директора ГИМа неразборчива, поэтому имени его здесь привести не можем] от 16.Х.1953 г. // Там же.

1954 г. написал: «Меня, как изгоя, нигде не принимают... Любимая работа ускользает. Не разрешают ею заниматься»³⁹. Почти полгода пришлось ждать ответ из Министерства: «В министерстве мое заявление и *curriculum vitae* лежали 6 месяцев, и, наконец, мне разрешили работать на “идеологическом фронте”»⁴⁰.

Последняя неделя ноября 1953 г. и первая половина января 1954 г. были, по признанию Крайнова, самыми тяжелыми для него. «Мне очень тяжело. Второй раз переживаю утрату близкого человека. Я призываю все силы — и темные, и светлые, как Фауст. Я готов продать свою душу, чтобы спасти ее (*сестру. — E. K.*)... На севере я не испытывал таких страданий»⁴¹. «Я помню, как меня приговорили к расстрелу. Я провел 2 месяца в мучительной неизвестности — расстреляют или нет. Помню эти ужасные дни и ночи, а здесь еще хуже...»⁴². Действительно, находиться рядом со страдающей в болезни любимой сестрой и не иметь возможности ничем помочь ей было невыносимо тяжело. Между тем сестре становилось всё хуже, и в 4 утра 16 января 1954 г. она, до последнего вздоха находясь в сознании, умерла на руках своего брата⁴³.

После похорон Д. А. Крайнов был свободен для поисков новой, более достойной его работы. Но сначала надо было немного прийти в себя после всех тягот почти двух с половиной лет жизни в деревне (август 1951 — январь 1954 гг.). По приглашению старшего брата Ивана он едет в Пензу. Там и произошла его встреча с Марой Борисовной Бохиной (урожд. Полторацкой) — умной, красивой, молодой (моложе Крайнова почти на 15 лет). Их знакомство состоялось в Доме культуры при заводе химического машиностроения, где брат Иван и Мара Борисовна играли в любительских спектаклях. Эта встреча перевернула всю дальнейшую жизнь Крайнова. Он был восхищен: «Познакомился с очень интересной женщиной, с которой

³⁹ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 9 января 1954 г. // Там же. Отдел «Дневники».

⁴⁰ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 21 мая 1954 г. // Там же. Отдел «Письма».

⁴¹ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 24 ноября 1953 г. // Там же. Отдел «Дневники».

⁴² Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 9 января 1954 г. // Там же.

⁴³ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 16 января 1954 г. // Там же.

приятно и легко разговаривать. Давно я так не говорил. Вот ведь, встречаются такие...»⁴⁴

По возвращении из Пензы начались еще более усиленные поиски работы. «Был в Москве, Ярославле, Переяславле. Устраивался на работу. Опять “два пути” стали на моем пути. Путь артистический — меня приняли в ярославскую филармонию — пел Сусанина, Кончака и Мельника под оркестр. В оркестре оказался знакомый — фронтовой товарищ... Приняли в переяславский музей⁴⁵. Опять был в Москве. Унижение в Министерстве...»⁴⁶.

Вместе с тем хлопоты коллег Д. А. Крайнова о его судьбе не прошли даром и увенчались успехом: с 1 апреля 1954 г. он был принят на работу в Краеведческий музей г. Углича Ярославской области⁴⁷. Здесь началось его стремительное возвращение в науку.

(Продолжение следует)

Список источников

- Головицын С. К., Головицына М. В., Бакаев А. М. Д. А. Крайнов: жизнь и творчество. Александров: [Б. и.], 1996. 96 с.*
- Жилин М. Г. Работы Д. А. Крайнова и проблемы изучения палеолита и мезолита Верхнего Поволжья // Археология: история и перспективы: вторая межрегиональная конференция: сб. ст. / отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Рыбинский дом печати, 2006. С. 6—15.*
- Кольцов Л. В., Максимов А. Д. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904—1998) // Тверской археологический сборник. Вып. 4: в 2 т. Т. I. Тверь: Твер. обл. тип., 2000. С. 5—6.*
- Костылёва Е. Л. Вклад Дмитрия Александровича Крайнова в изучение археологии Ивановской области // Альманах: История Тейкова в лицах. Тейково: [Б. и.], 2004. С. 7—10.*
- Костылёва Е. Л., Точёнов С. В., Червяков А. И. Документы эпистолярного жанра в музейно-архивных фондах Ивановского государственного университета // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 102—112.*

⁴⁴ Крайнов Д. А. Дневник. Запись за 16 марта 1954 г. // Там же.

⁴⁵ Однако вскоре переславский музей «дал отбой», сославшись на отсутствие ставки.

⁴⁶ Крайнов Д. А. Дневник. Запись за 16 марта 1954 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Дневники».

⁴⁷ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 14 мая 1954 г. // Там же. Отдел «Письма».

- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904—1998) // *Российская археология*. 1999. № 4. С. 245—246.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Дмитрий Александрович Крайнов: Судьба поколения в биографии археолога // Рождественский сборник. Вып. X: История в лицах (Выдающиеся уроженцы и деятели Владимирского края). Ковров: Маштекс, 2003. С. 138—141.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Исследования Д. А. Крайнова в Ярославской области // Археология: история и перспективы: вторая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль: Ярославский музей-заповедник: Ростовский Кремль, 2006а. С. 17—24.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // Тверской археологический сборник. Вып. 6: в 2 т. Т. 1. Тверь: Триада, 2006б. С. 7—12.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Архив Д. А. Крайнова в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета: Новые поступления // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 3. С. 3—9.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Д. А. Крайнов и война: по материалам личного архива учёного // Материалы по истории и археологии России. Рязань: Александрия, 2012. Т. II. С. 184—204.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Личный архив Дмитрия Александровича Крайнова в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С. 14—22.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* История раскопок могильников фатьяновской культуры эпохи бронзы в Центральной России (К 110-ой годовщине со дня рождения Д. А. Крайнова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. С. 63—70.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Фатьяновский «след» в научной судьбе Д. А. Крайнова: к 110-й годовщине со дня рождения // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания: тезисы докладов Междунар. науч. конф., Москва, 24—25 февраля 2015 г. / отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015. С. 29—30.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Дмитрий Александрович Крайнов на путях изучения древнейшего прошлого Верхнего Поволжья (к 120-й годовщине со дня рождения) // Тверской археологический сборник. Вып. 13. Тверь: Триада, 2024. С. 635—642.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В.* К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // *Российская археология*. 2005. № 1. С. 188—190.

- Крупнов Е. И. К 60-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Советская археология. 1964. № 4. С. 64—67.
- Уткин А. В., Костылёва Е. Л. К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Российская археология. 1994а. № 4. С. 235—236.
- Уткин А. В., Костылёва Е. Л. К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. I. Иваново: [Б. и.], 1994б. С. 3—14.

References

- Golovitsyn, S. K., Golovitsyna, M. V. and Bakaev, A. M. (1996), *D. A. Krainov: zhizn' i tvorchestvo* [D. A. Krainov: life and work], bez izdatel'stva, Aleksandrov, Russia.
- Koltsov, L. V. and Maksimov, A. D. (2000), ‘In memory of Dmitry Aleksandrovich Krainov (1904—1998)’, *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection], iss. 4: in 2, vol. I: 5—6.
- Kostyleva, E. L. (2004), ‘Contribution of Dmitry Aleksandrovich Krainov to the study of archeology of the Ivanovo region’, in *Al'manakh: Istoriia Teikova v litsakh* [Almanac: The History of Teykovo in Faces], bez izdatel'stva, Teikovo, Russia: 7—10.
- Kostyleva, E. L., Tochenov, S. V., and Chervyakov, A. I. (2022), ‘Epistolary documents genre in the museum and archival funds of Ivanovo State University’, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin, series: Humanities], iss. 2: 102—112.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (1999), ‘In memory of Dmitry Aleksandrovich Krainov (1904—1998)’, *Rossiiskaia arkheologija* [Russian archaeology], no. 4: 245—246.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2003), ‘Dmitry Aleksandrovich Krainov: The fate of a generation in the biography of an archaeologist’, *Rozhdestvenskii sbornik: Istoriia v litsakh (Vydaiushchesia urozhentsy i deiateli Vladimirskogo kraia)* [Christmas collection: History in Faces (Outstanding natives and figures of the Vladimir region)], iss. X, Mashteks, Kovrov, Russia: 138—141.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2006a), ‘Research by D. A. Krainov in the Yaroslavl region’, *Arkheologija: Istoriia i perspektivy: vtoriaia mezhregional'naia konferentsiia: sbornik statei* [Archaeology: History and Prospects: Second Interregional Conference: Collection of Articles], Yaroslavskii muzej-zapovednik; Rostovskii Kreml', Yaroslavl, Russia: 17—24.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2006b), ‘To the centenary of Dmitry Aleksandrovich Krainov’, *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection], iss. 6: in 2 vol., vol. 1: 7—12.

- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2011), ‘Archive of D. A. Krainov in the collections of the Archaeological Museum of Ivanovo State University: New acquisitions’, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriiia: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin, series: Humanities], iss. 3: 3—9.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2012), ‘Krainov and war: Based on materials from the scientist’s personal archive’, in *Materialy po istorii i arkheologii Rossii* [Materials on the history and archeology of Russia], vol. II, Aleksandriia, Ryazan, Russia: 184—204.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2013), ‘Personal archive of Dmitry Aleksandrovich Krainov in the collections of the Archaeological Museum of Ivanovo State University’, *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection], iss. 9, Triada, Tver, Russia: 14—22.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2014), ‘History of excavations of burial grounds of the Fatyanovo culture of the Bronze Age in Central Russia (To the 110th anniversary of the birth of D. A. Krainov)’, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriiia: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin, series: Humanities], iss. 4: 63—70.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2015), ‘Fatyanovsky “trace” in the scientific fate of D. A. Krainov: on the 110th anniversary of his birth’, in Gaidukov, P. G. and Tunkina, I. V. (eds), *Uchenye i idei: stranitsy istorii arkheologicheskogo znaniiia: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Scientists and ideas: pages of the history of archaeological knowledge: abstracts of reports of the International Scientific Conference], Moscow, Russia, 24—25 February 2015, IA RAS, Moscow: 29—30.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2024), ‘Dmitry Aleksandrovich Krainov on the ways of studying the ancient past of the Upper Volga region (on the 120th anniversary of his birth)’, *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection], iss. 13, Triada, Tver, Russia: 635—642.
- Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. and Engovatova, A. V. (2005), ‘To the centenary of Dmitry Aleksandrovich Krainov’, *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], no. 1: 188—190.
- Krupnov, E. I. (1964), ‘To the 60th anniversary of Dmitry Aleksandrovich Krainov’, *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology], no. 4: 64—67.
- Utkin, A. V. and Kostyleva, E. L. (1994a), ‘To the 90th anniversary of Dmitry Aleksandrovich Krainov’, *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], no. 4: 235—236.
- Utkin, A. V. and Kostyleva, E. L. (1994b), ‘To the 90th anniversary of Dmitry Aleksandrovich Krainov’, *Problemy izucheniiia epokhi pervobytnosti i*

- rannego srednevekov'ia lesnoi zony Vostochnoi Evropy* [Problems of studying the epoch of primitiveness and the early Middle Ages in the forest zone of Eastern Europe], iss. I, bez izdate'l'stva, Ivanovo, Russia: 3—14.
- Zhilin, M. G. (2006), ‘Works by D. A. Krainov and the problems of studying the Paleolithic and Mesolithic of the Upper Volga region’, in Leon-tiev, A. E. (ed.), *Arkheologiya: istoriia i perspektivy: vtoraja mezhre-gional'naia konferentsiia: sbornik statei* [Archaeology: history and prospects: second interregional conference: collection of articles], Rybinskii dom pechati, Yaroslavl, Russia: 6—15.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

E. L. Костылёва — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

E. L. Kostyleva — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

A. B. Уткин — независимый исследователь, Иваново, Россия.

A. V. Utkin — independent researcher, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 42—66.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 42—66.

Научная статья

УДК 316.343.652(571.6)

EDN <https://elibrary.ru/cnvyyuo>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.3

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации

«ПИСАТЬ НЕОБХОДИМО, ЖИТЬ НЕ НЕОБХОДИМО»: ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТОРЫ КОНЦА ХХ — НАЧАЛА XXI В. НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

Елена Сергеевна Волкова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия,
elenavolkova1@yandex.ru, SPIN-код: 7769-1793,
<http://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации в литературной сфере Дальнего Востока России в постсоветский период. Основным историческим источником выступают художественные тексты, ряд из них впервые вводится в научный оборот. Этот опыт саморефлексии — о себе, коллегах, читателях, современной литературе — представляет значительный интерес для изучения общественной жизни конца XX — начала XXI в. в антропологическом ключе. Анализ источников показывает, что энтузиазм в писательской среде, порожденный гласностью и обретением свободы слова, вскоре сходит на нет. Федеральная власть самоустраняется от регулирования литературного процесса, государственная система книгоиздания и книгораспространения приходит в упадок, идеологическая цензура по факту заменяется финансовой. Творческие союзы утрачивают централизованное финансирование и, соответственно, свою роль в общественной жизни, шаг за шагом превращаясь в «спящий институт». Авторы художественных произведений свидетельствуют, что в 1990-е гг. происходит девальвация серьезной художественной литературы, широкое распространение

получает массовое чтиво, потакающее животным инстинктам рядового читателя. Общественный статус литератора падает, былые привилегии сходят на нет, писательство из профессии превращается в увлечение для души, что приводит к кризису идентичности. Установлено, что многие авторы болезненно переживали трансформационные процессы в литературной сфере, наряду с адаптационными механизмами в художественных произведениях зафиксированы и деструктивные практики. Тем не менее литература продолжается, она по-прежнему объединяет и вдохновляет людей пишущих; постепенно они приспособливаются к новым социально-экономическим условиям и, несмотря на сокращение читательской аудитории, сохраняют приверженность литературе как делу своей жизни.

Ключевые слова: Дальний Восток России, 1990-е, 2000-е, постсоветский период, художественная литература, писатели, художественная интеллигенция

Для цитирования: Волкова Е. С. «Писать необходимо, жить не необходимо»: литература и литераторы конца XX — начала XXI в. на страницах художественных произведений дальневосточных авторов // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 42—66.

Original article

“IT IS NECESSARY TO WRITE, IT IS NOT NECESSARY TO LIVE”: LITERATURE AND WRITERS OF THE LATE XX — EARLY XXI CENTURIES IN THE FICTION OF THE RUSSIAN FAR EAST

Elena S. Volkova

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, elenavolkova1@yandex.ru, SPIN-код: 7769-1793, <http://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Abstract. The article deals with the processes of transformation in the literary sphere of the Russian Far East in the post-Soviet period. The main historical source consists of literary texts, some of which are being introduced into scholarly discourse for the first time. This experience of self-reflection — about the author of the article, colleagues, readers and modern literature — is of considerable interest for studying public life in the late twentieth and early twenty-first centuries from an anthropological perspective. The sources analysis shows that the enthusiasm in the writing community, generated by glasnost and the acquisition of freedom of speech, soon fades away. The federal government withdrew from the regulation of

the literary process, and the state system of book publishing and distribution declined. Ideological censorship was actually replaced by financial one. Creative unions lost centralized funding and, as a consequence, their role in public life, gradually turning into a “dormant institution”. The authors of literary texts testify that in the 1990s serious fiction was devalued, and mass-produced fiction was widely distributed, indulging the animal instincts of the average reader. The social status of a writer fell, former privileges disappeared, professional writing became a hobby for pleasure, which led to an identity crisis. Many authors were stated to go through the transformational processes in the literary sphere with difficulty; along with adaptive mechanisms, destructive practices were also recorded in fiction. Nevertheless, literature continues to evolve, it still unites and inspires people who write, they gradually adapt to new socio-economic conditions and, despite the shrinking readership, remain committed to literature as their life's work.

Keywords: Russian Far East, 1990s, 2000s, post-Soviet period, fiction, writers, artistic intelligentsia

For citation: Volkova, E. S. (2025), “It is necessary to write, it is not necessary to live”: literature and writers of the late XX — early XXI centuries in the fiction of the Russian Far East’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 42—66 (in Russ.).

Введение

Социальная история постсоветского периода является одним из актуальных направлений научного поиска. Многие процессы, инициированные в период радикальных реформ, внесли важный вклад в формирование облика современного российского общества, и дальневосточный регион, составляющий весомую часть территории страны, в условиях объявленного федеральным центром «поворота на Восток», безусловно, заслуживает пристального внимания. Исследование трансформации литературной сферы под воздействием рыночных реформ, на наш взгляд, важно для изучения не только истории культуры, но — истории пореформенного периода в целом. В советские времена художественная литература играла в общественной жизни, без преувеличения, ведущую роль, и последующие изменения в этой сфере представляют особый интерес.

Начиная с 1990-х гг. рассматриваемые процессы находят отражение в публикациях литературных критиков, а затем и исследователей. Как тематически близкие настоящей статье, отметим работы Л. А. Данилкина [Данилкин, 2009], Н. Б. Ивановой [Иванова, 2022],

Ю. М. Полякова [Поляков, 2004; 2020], а также коллективную монографию «Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs новые возможности» [Кризис литературоцентризма, 2014], исследующую изменение роли литературы в культурном контексте. Последствия радикальных реформ применительно к дальневосточной литературе рассматривают А. М. Лобычев [Лобычев, 2007], В. Н. Катеринич [Катеринич, 2017; 2019], автор настоящего материала [Волкова, 2023] и др.

В нашей работе основным историческим источником выступают художественные тексты современников, которым суждено было в полной мере испытать на себе действие «ветров перемен». Отметим, что подобное исследование на материалах произведений дальневосточных авторов предпринимается впервые. Художественные тексты являются ценным источником для историка, действующего в русле антропологического подхода и концептуально следующего за Ю. М. Лотманом, А. К. Соколовым, С. О. Шмидтом, поскольку несут в себе «живые черты времени»¹, позволяя воссоздать повседневные структуры, образ мышления, ценностные ориентиры, стиль взаимоотношений, паттерны поведения современников [Шмидт, 2002: 45—46].

Методология и методы исследования

При работе над статьей использованы дискурс-анализ, системно-структурный, сравнительный, социально-психологический методы, исторический синтез.

Отметим также, что для данного исследования методологически важными представляются работы П. Штомпки, автора теории культурной травмы, З. Баумана, препарировавшего индивидуализированное общество, П. Бурдье, сформулировавшего понятие литературного поля, Л. Г. Ионина, анализировавшего социокультурную трансформацию постсоветского общества. Последний, в частности, констатировал, что в период радикальных реформ ни одна из групп российского социума не сохранила своего статуса, и в полной мере это заключение относится к творческой интеллигенции, «мгновенно утратившей прежние … привилегии и практически исчезнувшей из фокуса общественного внимания» [Ионин, 2000: 236]. Добавим, что из всей художественной интеллигенции именно

¹ Выражение Н. М. Карамзина.

писателей, на наш взгляд, следует признать группой, пережившей наиболее радикальные перемены. Падать им пришлось с большой высоты — и удар был сильным.

Основная часть

В середине 1980-х, когда повеяли ветры перемен, литераторы в большинстве своем полагали, что основной проблемой, которая тормозит, обедняет, уродует художественный процесс, препятствует его полноценному развитию, является цензура. Свобода творчества рассматривалась как главная цель реформирования культурной сферы. И вскоре, по выражению М. С. Горбачёва, «процесс пошёл»: в 1986 г. на XXVII съезде КПСС был взят курс на демократизацию и гласность. Съезд завершился 6 марта, а в апреле в журнале «Огонек» (тиражом 1,5 млн экз.) выходит подборка стихов Н. С. Гумилева — к столетию поэта, расстрелянного по обвинению в антисоветской деятельности. Многие читатели признавались, что эта публикация ознаменовала для них начало новой эпохи в жизни страны². В 1990 г. был принят закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», отменяющий цензуру; в 1991 г. ликвидирован Главлит; в 1993 г. право граждан на свободу художественного творчества закреплено в новой российской Конституции (ст. 44).

За несколько лет увидело свет огромное количество ранее запрещенных произведений. Издательства бросились выпускать большими тиражами и так называемую «макулатурную» литературу³. «На прилавки лавиной хлынули книги», — читаем в романе сахалинского прозаика И. Д. Левитес [Левитес, 2009: 185]. В городах появились стихийные книжные рынки, книгами торговали с лотков на тротуарах и площадях, в холлах образовательных, медицинских и прочих учреждений. В эти благословенные для книгоманов времена

² См., напр.: Чернов А. Ю. Николай Гумилев в «Огоньке» (1986, № 17). URL: https://nestoriana.wordpress.com/2018/11/24/gumiljov_v_1986/ (дата обращения: 16.01.2025).

³ «Макулатурная» серия была основана в 1974 г. и включала в себя книги, которые не поступали в открытую продажу и официально могли быть приобретены только при условии сдачи макулатуры (20 кг за одну книгу), неофициально — по блату или на черном рынке по завышенной цене (в основном, это были зарубежные детективы, фантастика, исторические романы, а также произведения И. А. Ефремова, И. А. Бунина, М. М. Зощенко, М. А. Булгакова и др.).

героиня Левитес, испытывающая книжный голод, как и многие ее соотечественники, «*подолгу простоявала у развалов, манящих россыпью сокровищ, <...> ухватив добычу, торопливо бежала домой, волнуясь, как на свидание, и, дождавшись позднего вечера, уходила, уносилась, уплывала вслед за чужой вымышенной жизнью*» [Там же: 185—186].

В среде художественной интеллигенции распространяются эйфорические настроения. «...Свобода и гласность были тогда не просто отвлеченными понятиями, которые вызывают сегодня неловкость своим затасканным видом, а самим воздухом, которым дышали и хмелели куда как сильно», — вспоминает владивостокский литературный критик А. М. Лобычев [Лобычев, 2007: 131].

Вскоре выяснилось, что не всё так просто; надежды с каждым годом таяли. Главными посылами, который несли в себе «Основы законодательства РФ о культуре» (1992), стали отказ федеральной власти от регулирования художественного процесса и коммерциализация культурной сферы. Десятилетиями выстраиваемая система книгораспространения разрушалась. Госиздательства выпускали всё меньше художественной литературы, сокращали сотрудников. В повести сахалинского писателя А. С. Тоболяка редактор издательства делится с коллегой наболевшим: «*Мы же нищие сегодня. ... В долгах. На нас давят типографии. Смотри, что выпускаем, чтобы поправить дело! ... Некто Поллак. “Все красавицы по ранжиру”. Сексуально-детективный роман. Дикая пошлятина. Антилитература. А что делать?*» [Тоболяк].

В тот период издательства (как государственные, так и частные) отдавали приоритет отнюдь не современным произведениям местных авторов. В обществе был востребован «запретный плод», который наконец-то стал доступным: диссидентская, эмигрантская литература, произведения на «лагерную тему», западные триллеры и детективы, эротические романы. Такие книги раскупались, как горячие пирожки. Что касается живых, действующих дальневосточных литераторов, для них приметой времени становится «*рукопись, лежащая в столе*» [Соломатов, 2001: 65] — эта тема красной нити проходит через художественные произведения 1990-х.

«*Не то сегодня положенье, / Когда б писатель мог сказать: / “Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать”*», — пишет приамурский литератор Н. И. Фотьев [Фотьев, 2002: 179]. И далее

поясняет, что в современных условиях для издания пусть даже гениального произведения в подавляющем большинстве случаев нужны «живые» деньги — будь то твои личные сбережения или спонсорские средства. Государство уходит из книжной сферы, теперь писателям никто ничего не должен. В конце столетия типографии начинают использовать электронный набор, технологии совершенствуются, в результате книгоиздание становится более доступным для частного заказчика. Всё чаще в книгах и книжечках с тиражами, как правило, мизерными, появляется строка: «*Издание осуществлено на средства автора*» [Мамонтов, 2014: 33].

Еще один распространенный сюжет 1990—2000-х — поиск спонсоров. Лирический герой А. С. Тоболяка, известный в своем городе литератор, по протекции друга обращается к генеральному директору фирмы «Зевс» (название не случайно: спонсор для литератора является кем-то вроде небожителя). Директор «долго и с видимым отвращением изучал издательское “проишествие” и калькуляцию. Наконец, поднял на нас глаза... / — А книжка-то хоть хорошая?... / Я пожал плечами: что тут скажешь?» [Тоболяк, 1998: 30].

Мы видим, что процедура встречи с потенциальным спонсором унизительна для писателя, но другого выхода у него нет. «*Искусство делают явлением, фактом своего времени зрители, читатели, слушатели, — пишет приморский автор И. И. Шепета. — ... Без обратной связи, без людей искусство — всего лишь род художественного сектантства. А порой и диагноз одинокого, психически не вполне здорового человека*» [Шепета, 2022: 19].

Герою приамурского прозаика В. А. Куприенко повезло — издание книги спонсировали два его старых друга. Бывший одноклассник литератора, преуспевающий бизнесмен, не может в это поверить: «*Херня всё это. Стал бы я собственные бабки давать на чужую книгу. При всем уважении к тебе, дружок*» [Куприенко, 2008: 87]. Тем не менее спонсорство, особенно в первые постсоветские годы, было достаточно распространено.

Поскольку в 1990-е гг. люди пишущие осознали, что шансы издать свои произведения в новой реальности невелики, широкое распространение на Дальнем Востоке (как и по всей стране) получили литературные клубы, где авторы могли пообщаться и почтить свои опусы

собратьям по перу. В рассказе уроженки Хабаровска Д. М. Асламовой⁴ читаем: «*Литературные группировки в провинции составляются по сходству комплексов и обычно придумывают себе пышные названия. К примеру, “Платиновый век”*»⁵ [Асламова]. С развитием Рунета многие стали публиковать свои произведения во всемирной сети, что в условиях трансформации книгоиздательской отрасликазалось хорошим подспорьем. Но профильные интернет-ресурсы вскоре превращаются в огромный котел, где настоящая литература соседствует с откровенным мусором и выловить что-то стоящее — сложно.

Писательские гонорары постепенно стремятся к нулю: иногда автору выплачивается незначительная сумма, а в большинстве случаев речи о гонорарах вообще не идет (исключение составляют столичные «звезды»). В рассказе В. А. Куприенко однокашники спрашивают литератора, сколько он получил за только что изданную книгу. «*Писатель аж поперхнулся от наглой наивности вопроса: “Какой гонорар, мужики? Вы где живете? ... У нас о гонорарах говорилось и делалось только в пору развитого социализма. А теперь гонорары только в Москве у Даэры Донцовой...”*» [Куприенко, 2008: 86].

Отсутствие гонораров остро поставило вопрос о средствах к существованию. «*Денег нету*», — констатирует в «лихие девяностые» лирический герой магаданского поэта А. А. Пчёлкина, между делом упоминая о том, как жена штопает его до дыр протертые носки. «*Что же я за чудь, / к жизни непригодная ничуть — / помесь держака и динозавра?*» — сокрушается поэт [Пчёлкин, 2000: 24, 55]. «*Раньше писатели писарни содержали, а нынешние одну собачонку прокормить не могут... Нынче писателю себя бы прокормить*», — сочувственно говорит бомж из рассказа хабаровского автора В. А. Русскова [Руссков, 1997: 120—121].

Лирический герой К. А. Партики уже в 2000-е признаёт: «*...Я больше ничего не хочу в жизни, ни к чему не стремлюсь, кроме работы над своими рукописями. Но, предавшись этому благородному занятию, я скорее всего, подохну с голода. Попытки пристроить свои произведения в центральные коммерческие издательства окончились*

⁴ Отец «дрянной девчонки» поэт М. Ф. Асламов в 1987—2018 гг. возглавлял Хабаровскую краевую писательскую организацию.

⁵ «Платиновый век» — название литературного клуба, основанного в 1990-е гг. в Хабаровске поэтессой Г. Н. Ключниковой (литературный псевдоним — Галия Ключ).

ничем. Там не желают читать рукописи провинциальных сочинителей с далекого края России. ...Недавно, благодаря писательской организации, вышел мой новый сборник повестей “Аваллон” тиражом... пятьсот экземпляров. Из которых сто причитаются автору... в счёт гонорара. А что тут такого?! Выдавали же в недавнем прошлом зарплату на обувных фабриках сапогами» [Партика, [2017].

Персонаж владивостокского прозаика Е. А. Мамонтова испытывает жесткий кризис идентичности, поскольку считает литературу своим призванием, но вместе с тем осознаёт невозможность обеспечить себя и семью писательским трудом и вынужден работать сторожем: «*Я веду тусклую жизнь сторожа, безвестного литератора, мужа, не способного прокормить семью и классически губящего молодость жены. И вот, глядя в зеркало на себя, ... “я имею задать себе один вопрос” — кто я?*» Герой констатирует раздвоение собственной личности, отмечая, что обе «половинки» погрязли во взаимных претензиях, и дает неутешительный прогноз: «*Ближе к старости я, видимо, перейду на его содержание, ибо у сторожа больше шансов заработать себе пенсию, чем у писателя*» [Мамонтов, 2014: 81—82].

Далекие от литературной сферы люди не были осведомлены о произошедших переменах, что порождало анекдотические (с точки зрения причастных) случаи. В повести хабаровского писателя К. А. Партики в редакцию «толстого» журнала приходит неизвестный юноша с вопросом: «*Если напечатать у вас роман, сколько вы заплатите?*». Приведем весьма показательный фрагмент полилога (в разговоре участвуют ответственный секретарь журнала («Я»)⁶; юноша, не имеющий опыта литературной работы, но, по собственному признанию, уже дописывающий роман; наконец, поэтесса, заглянувшая в редакцию по своим делам):

⁶ К. А. Партика в 1994—2000 гг. работал ответственным секретарем литературного журнала «Дальний Восток», который для дальневосточных литераторов играл роль спасательного круга в девяностые, когда шансы опубликовать свои произведения у многих, даже признанных, авторов были крайне низкими. В этот период журнал и сам находился на грани выживания, но общими усилиями литераторов, спонсоров, региональных властей его удалось сохранить. С 1999 г. «Дальний Восток» финансируется из бюджета Хабаровского края [Волкова, 2023: 85].

«Я — юноше: — *Как вам пришла в голову мысль заняться сочинительством?*»

Он: — *Видите ли, мне нужны деньги.*

Поэтесса — с сарказмом: — *Шел бы бананами торговать!*

Он — серьезно: — *Пробовал. Не получилось.*

Я: — *А роман, вы полагаете, получился?*» [Партика, [2017]].

Писательство в постсоветский период теряет статус профессии, фактически (и юридически) превращаясь в хобби⁷, зарабатывать на жизнь приходится на другом поприще. Н. И. Фотьев и В. А. Куприенко в своих произведениях отмечают, что далеко не каждый литератор готов работать на заказ, обслуживая, например, кандидатов в ходе предвыборной кампании [Фотьев, 2002: 134—135] или делая так называемые представительские книги «для богатеньких буратин». «Это была изнурительная и унизительная работа. Как правило, таких книг хотели люди недалекие, — заключает герой Куприенко. — Хваткие, цепкие в бизнесе, но недалекие в своем интеллектуальном развитии. ... Приглашался писатель. Он слушал и записывал их самовосхваление и делал из этого деръма конфетку» [Куприенко, 2008: 89].

Говоря об официальных творческих организациях, отметим, что раскол в Союзе писателей РСФСР на «почвенников» и «либералов» (Союз писателей России (СПР) и Союз российских писателей (СРП) соответственно), как и формирование других союзов, в изобилии расплодившихся в постсоветский период, не получил сколько-нибудь существенного отражения в дальневосточной художественной литературе (по крайней мере, на момент исследования эта тема не обнаружена). Если в тексте заходит речь о творческих организациях, автор порой даже не конкретизирует, о какой из них идет речь. Многие дальневосточные авторы (К. А. Партика, Е. А. Мамонтов, В. А. Куприенко, И. И. Шепета и др.) отзываются о писательских союзах с иронией, а иногда и с неприкрытым сарказмом. Численность региональных отделений в 1990-е гг. уверенно росла, правила приема упростились. В рассказе В. А. Куприенко местная

⁷ «...В реестре профессий писатели вообще отсутствуют. Нет такой профессии! — с горечью говорит московский писатель Ю. М. Поляков. — Пока не будет принят закон о творческой деятельности, любое объединение литераторов для власти по статусу останется примерно тем же, чем является общество любителей розовых черепашек» [Поляков, 2020: 284].

писательская организация всеми силами затягивает в свои ряды IT-специалиста, руководящего компьютерным центром в солидном банке. Витя что-то там пописывает, а главное — он готов оказывать союзу материальную помощь на регулярной основе. «Корочки» писательской организации дают основание называть себя профессиональным литератором, и вскоре Витя оставляет денежную работу по специальности, намереваясь сделать писательскую карьеру и получить Букеровскую премию. Однако по прошествии года Витя осознаёт, что на новом поприще он не заработал ни копейки, а жена подступает к нему с претензиями (*«Вставай, иди зарабатывай или щас по тыкве сковородкой получишь»*), в итоге незадачливый литератор возвращается в сферу информационных технологий [Там же: 64—65].

В постсоветский период государство перестало рассматривать литературу как идеологическое оружие, а союзы писателей — как идеологический институт. Прекращение централизованного финансирования творческих организаций приводит к тому, чточество в союзе писателей утрачивает экономический смысл, и целый ряд авторов уже не стремятся вступить в какую бы то ни было творческую организацию. *«Друзья! Прекрасен ваш Союз, / Но я туда не тороплюсь!»* — пишет хабаровский поэт М. Г. Петросов [Петров, 2021].

В. М. Фатеев в своем романе фиксирует еще одну проблему девяностых — нашествие бульварного чтива жуткого качества: прилавки заполонила *«низкопробная литература, ...проповедующая самую темную, скотскую сторону человеческого бытия, рассчитанная на самые низменные инстинкты»* [Фатеев]⁸. В рассказе владивостокского автора В. Н. Вещунова в только что открывшемся книжном магазине героя встречает *«чтиво в шоколадных обертках: “Смерть по высшему разряду”, “Что сказал покойник”, “Покойник в прямом эфире”, “Объятия смерти”, “Месть Бешеного”, “Путана”, “Воровская колода”, “Слово авторитета”, манерные развлечаловки Акунина, каббалы, макияжи, камасутры...»* [Вещунов, 2009: 176]. В романе Ю. С. Рытхэу, уроженца Чукотки, персонаж, живущий в глубинке, оказалвшись

⁸ Пародии на массовую культуру, в частности на эротические романы, можно встретить, например, в постмодернистском тексте А. С. Тоболяка *«Невозможно остановиться»*, жанр которого автор определил как *«легко-мысленный роман»* [Литература Сахалина, 2014: 182].

в Анадыре, «по инерции» заходит в знакомый книжный и обнаруживает, что «там обосновался большой парфюмерно-косметический салон... Книгам была отведена всего лишь одна полка. На глянцевых обложках — полуоголые девицы, какие-то звероподобные физиономии, лезвия ножей, дула пистолетов, трупы с закатившимися глазами. Таких книг Пестеров в жизни не держал в руках. Хотел было купить, но цены ошеломили» [Рытхэу, 2002: 312].

С середины 1990-х книжный бум пошел на спад, список «запрещёнки» иссяк, рыночные реформы привели к резкому падению доходов широких слоев населения — а если едва хватает денег на продукты, человеку уже не до книг. «Каждый раз, когда нам удается выпустить новую книгу, я рассматриваю ее как маленькое чудо, — говорит директор областного издательства в романе магаданского прозаика В. М. Фатеева. — ... Разве не чудо сегодня, без копейки оборотных средств, при общей нищете и инфляции, выпустить хорошую книгу? Последнее время чудеса случаются всё реже и реже, и вины моей здесь нет. Половина издательств России не-платежеспособны. <...> Мы выпускаем книгу и рассчитываем, что она будет куплена. Только тогда мы погасим все расходы, уплатим налоги, получим зарплату и приступим к следующей книге. Но если нашему потенциальному покупателю, простите, жрать нечего, не говоря уж о других насущных потребностях, книгу нашу он не купит» [Фатеев].

Герой приамурского литератора П. М. Никиткина рассказывает брату, как «прикупил по случаю — почти за бесценок — книжный магазин. Стоял он заброшенный. Торговать книгами сейчас только дурак будет. Заменил книгу “ящик”. Вся информация идет из него. Сейчас книгу издать — нужны большие деньги. Ушли те времена, когда просвещение стоило копейки. Да. А если книга дорогая, то кто ее купит? ... Перепрофилировал магазин в продовольственный. Дело пошло» [Никиткин, 242].

Еще недавно за книгами гонялись, стояли в очередях, «доставали» по блату⁹, а теперь — продают на рынке на развес, читаем

⁹ «...Чтобы купить что-нибудь стоящее, нужно было обладать солидными связями с нужными людьми, имеющими доступ к дефициту, или сдавать тонны макулатуры в обмен на двухтомник “Королевы Марго”, или добиваться благосклонности членов месткома, распределявших блага, в том

в повести сахалинского автора А. А. Сафоновой: «*Вам связочку? Собрание сочинений целиком брать будем или по томику?*» [Сафонова, 2020: 122]. Героиня владивостокского прозаика Т. Ф. Алёшиной сокрушаются: на рынке «*толстый том Пастернака не брали и за цену двух батонов хлеба, при социализме дали бы месячную зарплату*» [Алёшина, 2004: 119]. Книги, выброшенные на помойку — еще одна типичная картина, которая нашла отражение в дальневосточной литературе.

Впрочем, встречаются на страницах художественных произведений и люди, подбирающие выброшенные книги — чтобы читать¹⁰ — и по-прежнему берегущие, лелеяющие, пополняющие свои домашние библиотеки. «*И что это за дом без книг?*» — недоумевает Нина, героиня И. Д. Левитес. В период рыночных реформ Нина с мужем, некогда успешные научные сотрудники, принимают решение уехать из страны, поскольку близки к отчаянию: «*Отправленные в бессрочный отпуск без содержания, они изворачивались на всяких мыслимых и немыслимых работах*», а в семье двое детей и бабушка-диабетик. Но однажды ночью Нина просыпается и понимает, что книги с собой за границу взять нельзя, но и оставить невозможно: «*Как их бросить в чужих руках? Многие из бабушкиного дома. И будут они неприкаянными сиротами скитаться, пока не окончат жизнь где-нибудь на свалке или в печи. Нина представила, как огненные языки лижут старые пожелтевшие страницы, как сворачиваются в трубку переплеты, изгибаясь от жара, как наутро холодную золу выбрасывают в мокрый снег...*» Мысли героини несутся дальше, и вскоре она осознаёт, что невозможно взять с собой и вербу за окном, и скрипучие качели во дворе, и «*друзей, понимающих с полуслова. Русский язык, в конце концов...*» [Левитес, 2009: 381, 387—388]. В итоге Нина остается на Сахалине. И спустя годы, объездив много стран, не жалеет об этом.

Дальневосточные литераторы констатируют: коммерциализация книжной сферы приводит к снижению качества книгоиздания (произведения часто выходят в свет «в авторской редакции»,

числе и книжные, или покупать книги за бешеные деньги у букинистов» [Левитес, 2009: 338].

¹⁰ Так делает, например, бывший ветеринарный фельдшер в рассказе В. А. Русскова, по семейным обстоятельствам оставшийся без жилья и теперь обитающий в подвале и подрабатывавший то дворником, то лифтером [Руссков, 1997: 121].

то есть без редактуры и корректуры) и — обилию графоманской продукции. Н. И. Фотьев сокрушаются: *Любой, кто при деньгах, издаст / В обложке новомодной и красивой / Хоть чушь, хоть бред кобылы своей...»* [Фотьев, 2002: 179].

Е. А. Мамонтов описывает графомана, живущего в трущобах владивостокской Миллионки, который с напором декламирует свои беспомощные вирши, издал на собственные средства «книжку в бледной обложке, напоминавшей дешевые обои», и даже создал дома, в одной из комнат, музей собственного творчества. Лирический герой квалифицирует подобное поведение как «настоящее безумие» и спасается бегством. Но это безумие, как выясняется, разно, и вот уже герой, который по дороге домой намеревался выбросить собственные рассказы, вместо этого сел за стол и, «внутренне бесья и насмехаясь над собой, прорывая пером бумагу титульного листа, вывел каллиграфическим почерком ярости: “Избранное”» [Мамонтов, 2014: 33, 39—40].

По словам А. М. Лобычева, вместе с цензурой исчезли и фильмы, позволяющие отделять качественную литературу от графоманских опусов, литературная критика пришла в упадок, и в результате простому читателю очень сложно стало разобраться в пестром книжном море¹¹. У Н. И. Фотьева читаем:

*На всё съестное нынче, говорят,
Есть документ — сертификат.
Но что касается духовной пищи —
Сей документ нигде не сыщешь* [Фотьев, 2002: 203].

В самом деле, критериев принадлежности к Литературе с большой буквы, к писательскому сообществу, теперь не стало вовсе, и от этого пострадали не только люди пишущие, но и читатели. Героиня И. Д. Левитес, читатель образованный и вдумчивый, с хорошим вкусом, «несколько раз купилась на броское название, наткнувшись на бездарную пошлость, убогую дилетантскую выскочку, прикинувшуюся книгой, но потом научилась узнавать самозванок» [Левитес, 2009: 186]. К сожалению, этому научились не все. А когда среди огромного, недифференциированного вала книжной продукции выбираешь наугад,

¹¹ Архив Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Инт. П 03.

риск испытать разочарование очень велик. Это во многом способствовало снижению интереса к художественной литературе в целом.

Другими немаловажными факторами стали развитие телевидения, интернета, индустрии развлечений, лавинообразный рост выпуска аудио- и видеопродукции, компьютерных игр и пр. «*Впрочем, уже и державы, как и читателя, нет...*» — пишет поэт А. И. Кобенков [Кобенков, 2008: 230]. «Самая читающая страна в мире» прекратила свое существование. Исследователи констатируют, что в постсоветский период «традиция работы со сложными текстами (интерпретация которых требует аналитических усилий, времени, внутренней подготовки), составляющая одну из важнейших особенностей отечественной культуры, девальвирует. Автор из пророка, учителя превратился в ремесленника, даже шута, чья задача — развлекать публику» [Кризис литературоцентризма, 2014: 6].

Следствием стало падение престижа писательства; литераторов всё чаще называют «писаками» или «писателишками», а вместо «поэзии» говорят «стишки»... А. А. Пчёлкин в своих произведениях сожалеет о былых временах, когда поэт находился в центре общественного внимания. А теперь, увы, «*не издают. / Изданное — тоже не читают. / Счастье, хоть на улицах не бьют, / Да — порой — в музеях выставляют*» [Пчёлкин, 2000: 75]. Для сравнения приведем отрывок из пьесы московского автора Д. А. Данилова, где литератор на вопросы следователя о погибшем коллеге откровенно отвечает: «...*У него одна книга, а у меня три, ну и что? Толку-то от них. Никто всё равно не читает. Возимся в песочнице своей. Так уж, если по-честному*» [Данилов, 2021: 127].

«*Кому нужна поэзия моя?* — риторически вопрошал уссурийский литератор В. В. Кузьмин в 1993 г. — ...*И стоит ли сегодня воевать за честь принадлежать литературе?*» [Кузьмин, 1993: 105]. Молодой поэт И. И. Шепета, задавшись подобными вопросами, дал себе отрицательный ответ и вообще перестал писать — пошел торговать китайскими овощами. «*Я разочаровался в литературе и напоминал попа-расстригу, которого заинтересовала жизнь как таковая, со всеми её безобразиями. На поэтов я уже смотрел как на недоделанных мужчин, а не как на одухотворенных жрецов*

светского культа», — признаётся Шепета в автобиографическом рассказе-эссе [Шепета, 2022: 76]¹².

Вожделенная свобода творчества уже через несколько лет перестала воодушевлять литераторов. Магаданский поэт А. А. Гарипов саркастически замечает:

*Мы не говорим на языке Эзопа, —
у нас свобода, гласность, демократия.
И мы в форточку можем высунуть жопу
в знак протеста, ну, например, бюрократии* [Гарипов, 2020: 62].

Лирический герой К. А. Партики в начале нового столетия рассуждает: «*Быть может, смысл не в самом освобождении, а в стремлении к нему? (Ведь безгранична свобода девяностых... не привнесла в литературу почти ничего)*» [Партика, [2017]]¹³. Вот такая суровая отповедь.

Московский критик Н. Б. Иванова отмечает, что на рубеже веков российская литература скрупулезно «рефлексирует над самой собой. Над своим утраченным статусом, над потерей публики, читателей, над концом литературоцентризма» [Иванова, 2022]. Это высказывание абсолютно справедливо и для дальневосточных авторов. Судя по всему, они даже острее переживали кризисный период — здесь сыграл свою роль региональный фактор. Дальневосточники, в советский период по праву ощущавшие себя хранителями стратегически важных территорий на окраине державы, с началом радикальных реформ почувствовали себя ненужными, брошенными федеральным центром (именно тогда в руководстве страны начались разговоры о сжатии социально-экономического пространства и освоении отдаленных территорий вахтовым методом). По сравнению с другими регионами страны Дальний Восток в 1990-е гг. «просел» гораздо сильнее и стал быстро терять население. Целый ряд дальневосточных литераторов в постсоветский период покидают

¹² Тем не менее в 2006 г. И. И. Шепета издает книгу своих стихов «Суровые стансы» «как знак возвращения в литературу после 15-летнего перерыва» [Шепета, 2011: 58].

¹³ Для сравнения приведем цитату из интервью Ю. М. Полякова от 27.11.1993: «...Мы за эти годы относительной свободы слова не сказали о жизни и сотой части того, что удалось сказать нашим предшественникам в условиях жесточайшего идеологического контроля» [Поляков, 2004: 125].

регион, выезжая на постоянное место жительства — чаще всего — в города европейской части России¹⁴, реже — за границу.

Ненадежность, нестабильность, неопределенность — таковы, по словам З. Баумана, основные характеристики современных социальных условий, порождающих хроническую неуверенность [Бауман, 2005: 194, 201]. И эта новая реальность, безусловно, оказывала травмирующее действие — прежде всего, речь идет о состоявшихся литераторах, сформировавшихся в рамках советской системы, где писательская профессия имела вес. Камчатский прозаик Е. В. Гропянов резюмирует: «*Писатели, толкавшие Россию к распятию, вдруг растерялись и замолчали. Графоманы и сексуальные психопаты заполнили прилавки: везде убивали, грабили, насиливали... Графоманы зажигали. Их скоро стали признавать за писателей. Писатели возмущались, плевались — но у них не было рукописей для рыночного потребления. Писатели умирали...*» (1996 г) [Гропянов, 2022: 161—162]. Т. Ф. Алёшина, в 2010-е рассказывая о своем герое, бодром пожилом литераторе, замечает: «*Сколько его друзей, знакомых, просто “поэтиц” спилось, отравилось паленым алкоголем, просто “неожиданно” умерло в девяностые*» [Алёшина, 2018: 1472]. Д. М. Асламова применительно к хабаровским литераторам в этот период тоже пишет об отчаянии, «которое лечат водкой, а иногда веревкой, прыжком из окна или пьяной дракой», и далее с черной иронией добавляет: «*Самоубийства и трагические случаи — явление столь частое среди творческой интеллигенции Хабаровска, что об этом уже говорят с оттенком небрежности в голосе и тайным смакованием. Похороны поэтов и художников похожи в Хабаровске на дипломатический коктейль, — на них собираются лучшие представители города*» [Асламова]. «*Поэты — они как дети*», — констатирует И. И. Шепета в одном из своих стихотворений, акцентируя повышенную чувствительность, уязвимость творческой личности [Шепета, 2014: 63].

¹⁴ Если в советское время литераторы, покидая дальневосточный регион, ехали в основном в Москву или Ленинград — за столичной культурной средой, за славой, то миграцию в период радикальных реформ можно рассматривать как бегство из депрессивного региона и одну из практик адаптации к новой реальности (среди пунктов назначения — не только столицы, но также Владимир, Нижний Новгород, Тверь, Приозёрск и пр.).

Но, несмотря на все катаклизмы, дальневосточная литература живет и прирастает новыми произведениями. «Всё меньшие издается книг, всё большие талантов отворачиваются от самих себя и ныряют в лоточничество, в коммерцию, — констатировал в 1994 г. В. М. Тыцких, в то время возглавлявший Приморскую писательскую организацию Союза писателей России, — Но хрупкая, нежная, от всего беззащитно, почти болезненно, зависимая, странная эта штука — поэзия демонстрирует неожиданную крепость, являет враждебную времени и теряющему рассудок человеку поразительную волю постоять за себя» [Тыцких, 1994: 55].

Владивостокский поэт А. В. Бочинин пишет о своей бытовой неустроенности, бесприютности, напрямую связывая их с поэтическим призванием: «Мне Бог талант не поскупившись дал — / И мир житъя за это не дает» [Поэт-изгой...]; далее — «Грешу стихами. А душа / Под стать помятой миске. / В карманах пусто. Ни гроша. / И паспорт без прописки» [Бочинин, 1999: 124]; и наконец — «Я ушел бы на отдых, да что вы!.. Не уходят поэты на пенсию» [Поэт-изгой...]. Д. М. Асламова констатирует, что целый ряд провинциальных литераторов в «лихие девяностые» едва сводят концы с концами, но беспрепетно несут свой крест: «Они бросаются в литературу, как в воду с камнем на шею, и потому стихи их полны многочисленных горьких и непонятных намеков на то, какую злую шутку сыграла с ними судьба». В своем рассказе Асламова приводит слова хабаровской поэтессы Г. Н. Ключниковой: «Наказать такой жизнью, как у меня, нельзя — жестоко. Эту жизнь можно только выбрать. Добровольно» [Асламова]. А. А. Пчёлкин, тоже не в силах справиться с потребностью писать, философски заключает: «Поэты, хоть посмертно, а правы» [Пчёлкин, 2000: 90]. И. И. Шепета выносит в название своей книги знаковую строчку из стихотворения — «Стихи как оправданье жизни» [Шепета, 2014].

А. С. Тоболяк приводит диалог лирического героя со своим другом:

— Да всё равно ведь не издашут! Кому ты нужен!

— Пусть не издают, их дело. А я писал и буду писать. Пока бьётся сердце. До последнего вздоха.

Мой старинный дружок хохотнул.

— Типичный клинический случай, — резюмировал он. — <...> В той психушке тебе самое место [Тоболяк, 1998: 61].

Тем не менее герой продолжает работать над очередным опусом, стойчески формулируя свое кредо: «Жить не необходимо, писать необходимо» [Там же: 85]¹⁵. Исследователь В. И. Пинковский заключает, что это верный рецепт: в любую, даже самую что ни на есть «непоэтическую эпоху» следует «так же писать, издавать и читать, браниться, не питая надежды на скорые радостные перемены, но и не пропускать мимо удачной строчки, полустрочки, хорошего слова, – создавать движение» [Пинковский, 2020: 179].

Заключение

Подводя итог, отметим, что путь от больших надежд к глубокому разочарованию (а для кого-то — и отчаянию) был пройден дальневосточными литераторами очень быстро. Реактивная трансформация повседневных структур, инициированная распадом СССР и радикальными реформами, выступила травмирующим фактором для миллионов россиян, а тонкая душевная организация, присущая людям творческим (в особой степени — поэтам), усиливала травмирующий эффект.

Государство уходило из книжной сферы, книгоиздание и книгораспространение становились делом частным, региональные издательства мельчали и закрывались одно за другим. По сути, на смену идеологической цензуре пришла финансовая. Опубликовать свои произведения литераторам становилось всё сложнее, часто в издание книг приходилось вкладывать собственные средства или привлекать спонсоров. Вожделенный ветер перемен превратился в разрушительный ураган. После непродолжительного книжного бума тиражи упали, качество книгоиздания снизилось, серьезная художественная литература утонула в море чтива, потакающего непрятательным вкусам массового читателя. Гонорары становились всё скромнее, а во многих случаях не выплачивались вовсе. Членство в союзе писателей уже не являлось признаком профессионализма и не обеспечивало стабильный заработок, критерии качествастерлись. Как следствие — писательство перестало быть престижным, утратило статус полноценной профессии, перейдя в разряд хобби с негарантированным доходом. Все эти процессы в лихие девяностые вынуждают литераторов в буквальном смысле слова

¹⁵ Здесь очевидна отсылка к латинскому изречению: «Плавать по морю необходимо, жить не так уж необходимо».

бороться за выживание и порождают кризис идентичности, который у дальневосточных авторов осложнялся региональным фактором. Анализ художественных текстов показывает, что восприятие перемен для многих было болезненным, особенно это касается тех, кто имел опыт работы в рамках советской системы. Отметим, что информация, извлеченная из литературных произведений, в целом согласуется с данными других источников.

В начале нового столетия острый кризис сменяется затяжным, литераторы шаг за шагом адаптируются к новым реалиям. Публикация художественных произведений в интернете упрощает доступ к читателю, бумажная книга постепенно приобретает цивилизованный вид, ряд авторов, поставивших свою писательскую деятельность на паузу, возвращаются к ней. А главное — литература продолжается, она находит заинтересованного и вдумчивого читателя (пусть и не столь многочисленного, как раньше) и по-прежнему выступает существенным признаком, объединяющим людей пишущих¹⁶. Писательская деятельность, по словам П. Бурдье, дает человеку специфическую, чисто символическую власть «пролить свет, сделать эксплицитным, объективированным опыт, в большей или меньшей степени спутанный, неясный, не сформулированный и даже не формулируемый, о природном и социальном мире и тем самым заставить его существовать» [Бурдье, 1994: 217]. Иными словами, писательство позволяет человеку почувствовать себя со-зидателем, придает жизни смысл, именно поэтому в современном мире, несмотря на все трансформации и катаклизмы, оно для многих остается притягательным и желанным.

Список источников

- Алёшина Т. Ф. Несекретная жизнь. Владивосток: Роза ветров, 2004. 120 с.
Алёшина Т. Ф. Девушка. Море. Эренбург. Владивосток: Роза ветров, 2018. 164 с.
Асламова Д. М. В любви, как на войне. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-contemporary/139125-darya-aslamova-v-lyubvi-kak-na-voyne.html> (дата обращения: 05.02.2025).
Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иониной. М.: Логос, 2005. 390 с.

¹⁶ Литературное сообщество тяготеет, скорее, к геттоизации, стремясь к обособлению от внешнего мира и мало с ним сообщаясь [Ионин, 2014: 15, 22—23].

- Бочинин А. В.* Из ничего Бог создал пустоту... // Дальний Восток. 1999. № 9—10. С. 124.
- Бурдьё П.* Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
- Вещунов В. Н.* Встреча с жизнью: повести и рассказы. Владивосток: Дюма, 2009. 269 с.
- Волкова Е. С.* Хабаровское отделение Союза писателей России в период рыночных реформ 1990-х годов (по материалам ГАХК) // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 79—90.
- Гарипов А. А.* Небесное коромысло. Магадан: Охотник, 2020. 195 с.
- Гропянов Е. В.* Разные разности. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2022. 244 с.
- Данилкин Л. А.* Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе М.: АСТ: Астрель, 2009. 285 с.
- Данилов Д. А.* «Человек из Подольска» и другие пьесы. М.: Городец, 2021. 264 с.
- Иванова Н. Б.* Когда погребают эпоху // Знамя. 2022. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/4/kogda-pogrebatueronu.html> (дата обращения: 28.01.2025).
- Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
- Ионин Л. Г.* Парад меньшинств. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив; Гnosis, 2014. 176 с.
- Катеринич В. Н.* К 70-летию поэта Виктора Еращенко // Дальний Восток. 2017. № 2. С. 127—129.
- Катеринич В. Н.* Двойной портрет: к юбилеям М. Ф. Асламова и Л. И. Миланич // Дальний Восток. 2019. № 5. С. 142—148.
- Кобенков А. И.* Однажды досказать...: последние стихотворения / сост. С. Захарян, Г. Сапронов. Иркутск: Сапронов; Владивосток: Рубеж, 2008. 447 с.
- Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs новые возможности / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2014. 576 с.
- Кузьмин В. Якорь* // Дальний Восток. 1993. № 6. С. 105.
- Куприенко В. А.* Рагу из мухоморов: с миру по строчке. Благовещенск: [Б. и.], 2008. 160 с.
- Левитес И. Д.* Переходный возраст: избранное. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2009. 393 с.
- Литература Сахалина и Курильских островов / отв. ред. Е. А. Иконникова. Южно-Сахалинск: Сахалин. гос. ун-т, 2014. 257 с.
- Лобычев А. М.* На краю русской речи: Статьи, рецензии, эссе. Владивосток: Рубеж, 2007. 336 с.

- Мамонтов Е. А.* Безумный милиционер & the early years. Владивосток: Niding.publ.UnLTd., 2014. 84 с.
- Никиткин П. М.* Русский берег: роман. 2-е изд. Благовещенск: [Б. и.], 2015. 255 с.
- Партыка К. А.* Записки рокера в погонах [2017]. URL: <http://www.proza.ru/2017/12/28/287> (дата обращения: 05.02.2025).
- Петросов М. Г.* Членам СП [2021]. URL: <https://stihi.ru/2021/06/05/4684?ysclid=m64qzhcjg2726625828> (дата обращения: 20.01.2025).
- Поэт-изгой Анатолий Бочинин // Для тебя. Христианская газета. URL: <http://www.foru.ru/slovo.10054.1.html> (дата обращения: 15.01.2025).
- Пинковский В. И.* Предисловие к книге «Небо ноября» // А. А. Гарипов. Небесное коромысло. Магадан: Охотник, 2020. С. 178—179.
- Поляков Ю. М.* Апофегей российского масштаба: Интервью разных лет. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2004. 540 с.
- Поляков Ю. М.* Зачем вы, мастера культуры? О русской литературе и искусстве. М.: Книжный мир, 2020. 544 с.
- Пчёлкин А. А.* Непогоды: стихи перестроенных лет. Магадан: Магадан. обл. типограф., 2000. 94 с.
- Сафонова А. А.* Хорошая девочка. Южно-Сахалинск: ИРОСО, 2020. 228 с.
- Соломатов В. И.* Избранное. Биробиджан: Приз, 2001. 145 с.
- Руссков В. А.* Святое дело // Дальний Восток. 1997. № 8—9. С. 120—121.
- Рытхэу Ю. С.* Чукотский анекдот. СПб.: Звезда, 2002. 352 с.
- Тоболяк А. С.* Денежная история. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-contemporary/387668-anatoliy-tobolyak-denezhnaya-istoriya.html#book> (дата обращения: 16.10.2024).
- Тоболяк А. С.* Во все тяжкие... // Дальний Восток. 1998. № 2. С. 13—95.
- Тыцких В. М.* Голоса молодых // Дальний Восток. 1994. № 11. С. 55.
- Фатеев В. М.* Город в законе. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=281728&p=22> (дата обращения: 16.12.2024).
- Фотьев Н. И.* Мой путь: лирика, стихи для детей, басни, сатирические стихи и миниатюры, узелки. Благовещенск: Дальневосточ. гос. ун-т, 2002. 215 с.
- Шепета И. И.* Образ действия — обстоятельства. Владивосток: Валентин, 2011. 92 с.
- Шепета И. И.* Стихи как оправданье жизни: избранные стихотворения. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2014. Кн. 6. 69 с.
- Шепета И. И.* Иван Иванович: рассказы, эссе, публицистика, воспоминания друзей. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2022. 163 с.
- Шмидт С. О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40—49.

References

- Aleshina, T. F. (2004), *Nesekretnaia zhizn'* [A Non-Secret Life], Roza vetrov, Vladivostok, Russia.
- Aleshina, T. F. (2018), *Devushka, More, Erenburg* [A Girl, The Sea, Erenburg], Roza vetrov, Vladivostok, Russia.
- Aslamova, D. M., ‘*In Love as in War*’, available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/139125-darya-aslamova-v-lyubvi-kak-na-voyne.html> (Accessed 5 February 2025).
- Bauman, Z. (2005), *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Translated by Inozemtsev, V. L., Logos, Moscow, Russia.
- Bochinin, A. V. (1999), ‘From Nothing, God Created Emptiness...’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 9—10: 124.
- Bourdieu, P. (1994), *Nachala* [Beginnings], Translated by Shmatko, N. A., Socio-Logos, Moscow, Russia.
- Danilkin, L. A., (2009), *Numeratsiia s khvosta, Putevoditel' po russkoi literatury* [Numbering from the Tail, Guide to Russian Literature], AST; Astrel', Moscow, Russia.
- Danilov, D. A. (2021), “*Chelovek iz Podol'ska*” i drugie p'esy [“The Man from Podolsk” and Other Plays], Gorodets, Moscow, Russia.
- Fateev, V. M., ‘*The City in the Law*’, available at: <https://www.litmir.me/br/?b=281728&p=22> (Accessed 16 December 2024).
- Fotiev, N. I. (2002), *Moi put': lirika, stikhi dla detei, basni, satiricheskie stikhi i miniatiury, uzelki* [My Path: Lyrics, Poems for Children, Fables, Satirical Poems and Miniatures, Knots], Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet, Blagoveschchensk, Russia.
- Garipov, A. A. (2020), *Nebesnoe koromyslo* [The Heavenly Rocker], Okhotnik, Magadan, Russia.
- Gropyanov, E. V. (2022), *Raznye raznosti* [Different differences], Novaia kniga, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia.
- Ikonnikova, E. A. (ed.) (2014), *Literatura Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov* [Literature of Sakhalin and the Kuril Islands], Sakhalinskii gosudarstvennyi universitet, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Ionin, L. G. (2000), *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysiacheletie* [Sociology of Culture: The Path to the New Millennium], Logos, Moscow, Russia.
- Ionin, L. G. (2014), *Parad men'shinstv* [Parade of minorities], Tsentr gumanitarnykh initiativ; Gnozis, Moscow; Saint Petersburg, Russia.
- Ivanova, N. B. (2022), ‘*When an era is buried*’, *Znamia* [Banner], no. 4, available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/4/kogda-pogrebayut-epochu.html> (Accessed 28 January 2025).
- Katerinich, V. N. (2017), ‘On the 70th Anniversary of Poet Viktor Erashchenko’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 2: 127—129.

- Katerinich, V. N. (2019), ‘Double Portrait: On the Anniversaries of M. F. Aslamov and L. I. Milanich’, *Dal’niy Vostok* [Far East], no. 5: 142—148.
- Kobenkov, A. I. (2008), *Odnazhdy doskazat’...: poslednie stikhovreniya* [Once to Finish Telling...: Last Poems], in Zakharian, S. and Sapronov, G (comps), Sapronov, Irkutsk; Rubezh, Vladivostok, Russia.
- Kovtun, N. V. (ed.) (2014), *Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti* [The Crisis of Literature-Centrism: Loss of Identity vs. New Opportunities], Flinta; Nauka, Moscow, Russia.
- Kuprienko, V. A. (2008), *Ragu iz mukhomorov: s miru po strochke* [Fly Agaric Stew: A Line from Everyone], bez izdatel’stva, Blagoveschensk, Russia.
- Kuzmin, V. (1993), ‘Anchor’, *Dal’niy Vostok* [Far East], no. 6: 105.
- Levites, I. D. (2009), *Perekhodnyi vozrast: izbrannoe* [Age of Transition: Selected Works], Sakhalinskoe knizhnoe izdatel’stvo, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Lobychev, A. M. (2007), *Na kraiu russkoi rechi: Stat’i, retsenzii, esse* [On the Edge of Russian Speech: Articles, Reviews, Essays], Rubezh, Vladivostok, Russia.
- Mamontov, E. A. (2014), *Bezumnyi militsioner & the early years* [The Mad Policeman & the Early Years], Niding.publ.UnLTd, Vladivostok, Russia.
- Nikitkin, P. M. (2015), *Russkii bereg: roman* [The Russian Shore: A Novel], 2nd ed., bez izdatel’stva, Blagoveschensk, Russia.
- Partyka, K. A. (2017), ‘Notes of a Rockstar in Uniform’, available at: <http://www.proza.ru/2017/12/28/287> (Accessed on 5 February 2025).
- Pchelkin, A. A. (2000), *Nepogod’: stikhi perestroechnykh let* [Bad Weather: Poems of the Perestroika Years], Magadanckaia oblastnaia tipografija, Magadan, Russia.
- Petrosov, M. G. (2021), ‘To the Members of the Union of Poets’, available at: <https://stihi.ru/2021/06/05/4684?ysclid=m64qzhcjg2726625828> (Accessed on 20 January 2025).
- Pinkovskii, V. I. (2020), Preface to the book “November Sky”, in Garipov, A. A., *Nebesnoe koromyslo* [The Heavenly rocker], Okhotnik, Magadan, Russia: 178—179.
- Polyakov, Yu. M. (2004) *Apofegei rossiiskogo masshtaba: Interv’iu raznykh let* [Apofegei of Russian scale: Interviews of different years], ROSMEN-PRESS, Moscow, Russia.
- Polyakov, Yu. M. (2020), *Zachem vy, mastera kul’tury? O russkoi literature i iskusstve* [Why You, Masters of Culture? On Russian Literature and Art], Knizhnyi mir, Moscow, Russia.
- Russkov, V. A. (1997), ‘A Holy Cause’], *Dal’niy Vostok* [Far East], no. 8—9: 120—121.
- Rytkheu, Yu. S. (2002), *Chukotskii anekdot* [Chukchi anecdote], Zvezda, Saint Petersburg, Russia.

- Safonova, A. A. (2020), *Khoroshaia devochka* [A Good Girl], Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Shepeta, I. I. (2011), *Obraz deistviia — obstoiate'lstva* [The Image of Action — Circumstances], Valentin, Vladivostok, Russia.
- Shepeta, I. I. *Stikhi kak opravdan'e zhizni: izbrannye stikhovoreniiia* [Poems as a Justification of Life: Selected Poems], Book 6, Izdatel'stvo Ivana Shepety, Vladivostok, Russia.
- Shepeta, I. I. (2022), *Ivan Ivanovich: rasskazy, esse, publitsistika, vospominaniia druzei* [Ivan Ivanovich: Stories, Essays, Journalism, Memoires of Friends], Izdatel'stvo Ivana Shepety, Vladivostok, Russia.
- Shmidt, S. O. (2002), ‘Monuments of fiction as a source of historical knowledge’, *Otechestvennaia istoriia* [Russian History], no. 1: 40—49.
- Solomatov, V. I. (2001), *Izbrannoe* [Selected Works], Priz, Birobidzhan, Russia.
- The Outcast Poet Anatoly Bochinin, *Dlia tebia. Khristianskaia gazeta* [For You, The Christian Newspaper], available at: <http://www.foru.ru/slovo.10054.1.html> (Accessed 15 January 2025).
- Tobolyak, A. S., ‘Money history’, available at: <https://libking.ru/books/prose/prose-contemporary/387668-anatoliy-tobolyak-denezhnaya-istoriya.html#book> (Accessed 16 October 2024).
- Tobolyak, A. S. (1998), ‘In All Seriousness...’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 2.
- Tytskikh, V. M. (1994), ‘Voices of the Young’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 11: 55.
- Veshchunov, V. N. (2009), *Vstrecha s zhizn'iu: povesti i rasskazy* [Meeting with Life: Novellas and Stories], Diuma, Vladivostok, Russia.
- Volkova, E. S. (2023), ‘Khabarovsk branch of the Union of writers of Russia during the period of market reforms of the 1990s (based on materials of the State archive of the Khabarovsk Territory)’, *Izvestiia Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], no. 4: 79—90.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

E. C. Volkova — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

E. S. Volkova — Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the RAS.

А-ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
PERSONALITY IN THE DISCOURSE
OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 67—92.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 67—92.

Научная статья

УДК 94(4).08

EDN <https://elibrary.ru/baoyni>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.4

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

**ВЕХИ БИОГРАФИИ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ. СИОНИЗМ
И АНТИСЕМИТИЗМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
(Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир».
2025. № 3. С. 108—128)**

Александр Ефимович Локшин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ale-lokshin@yandex.ru,
SPIN-код: 9023-6560, <https://orcid.org/0000-0003-41-85-5729>

Ключевые слова: Австро-Венгрия, антисемитизм, Германия, Герцль, евреи, Палестина, «Протоколы сионских мудрецов», дело Дрейфуса, Российская империя, сионизм, Франция

Для цитирования: Локшин А. Е. Вехи биографии Теодора Герцля. Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. (Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 108—128) // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 67—92.

**MILESTONES IN THE BIOGRAPHY OF THEODOR
HERZL. ZIONISM AND ANTISEMISM
IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES**
**(Continuation. Beginning: “Intelligentsia i mir”. 2025,
no. 3: 108—128)**

Aleksander Ye. Lokshin

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia,
ale-lokshin@yandex.ru, SPIN: 9023-6560,
<https://orcid.org/0000-0003-41-85-5729>

Keywords: Austria-Hungary, antisemitism, Germany, Herzl, Jews, Palestine, “Protocols of the Elders of Zion”, Dreyfus affair, Russian Empire, Zionism, France

For citation: Lokshin, A. Ye. (2025), ‘Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and Antisemitism in the late XIX — early XXI centuries (Continuation. Beginning: “Intelligentsia i mir”. 2025, no. 3: 108—128))’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 67—92 (in Russ.).

Антисемиты на марше

В последние десятилетия XIX в. разнообразные формы антисемитизма стали мобилизующей идеологией и легли в основу программных установок новых движений, обществ и партий. Этот процесс был постепенным, неравномерным и имел свою специфику в различных государствах Европы. В ту пору появились антисемитские писания Генриха фон Трейчке, Вильгельма Марра, Евгения Дюринга, Адольфа Штёккера, Эдуарда Дрюомона и др.

В статье «О нашем еврействе» профессор истории Берлинского университета Г. фон Трейчке в 1880 г. заявлял: «Наши требования к согражданам-евреям элементарны: пусть они станут немцами. <...> Мы не хотим, чтобы на смену тысячелетней культуре в Германии пришла эпоха смешанной еврейско-немецкой культуры <...>. Все чаще звучит: “Евреи — это наше несчастье” <...>. Единственный выход для наших сограждан-евреев — это беспрекословное решение стать немцами <...> на наше и на их счастье» [Treitschke, 1880: 76—81].

Получили немалую известность и антиеврейские взгляды немецкого журналиста В. Марра. Его опус «Победа иудаизма над германизмом», опубликованный в 1879 г. [Marr, 1879], был переиздан 12 раз. Он ввел понятие «антисемитизм», означавший любую антиеврейскую деятельность. «Семитский народ породил неописуемые несчастья <...>. Римская империя со всей своей вооруженной мощью не может равняться своими победами с семитизмом, торжествующим в странах Европы и особенно в Германии» [Ibid.: 15]. Марр предложил переселить всех европейских евреев в Палестину, где они могли бы направить свою безграничную энергию и ресурсы на создание образцового государства. Со временем настроение этого журналиста становилось всё более мрачным. Он посчитал Первый сионистский конгресс 1897 года «грязной еврейской аферой, с целью отвлечь внимание европейских народов от еврейской проблемы» (По: [Zimmermann, 1986: 88]).

Преподаватель Берлинского университета Е. Дюринг, уволенный за нарушение университетских порядков и потерявший в 30 лет зрение, в своих сочинениях выступил как ярый проповедник расистского антисемитизма. Наиболее опасными из евреев, утверждал Дюринг, являются евреи ассимилированные, которых трудно опознать. Их опасность таится в загрязнении крови и ослаблении расы. Но особенно опасными он считал выкрестов, женившихся на христианках. В книге «Еврейская проблема как проблема расы, нравственности и культуры» (1881) Дюринг заявлял: «Проблема евреев не исчезнет, даже если все они отрекутся от своей веры. <...> Выкrestы смогли беспрепятственно проникнуть во все поры общества и политической жизни <...>. Еврейский вопрос станет в будущем гораздо более острым» [Dühring, 1881: 88]. Он предложил сократить, а лучше полностью убрать евреев из государственной службы, из журналистики и преподавания, ввести дополнительные налоги на их предприятия, запретить смешанные браки. Дюринг потребовал также покончить с эманципацией и вернуть евреев в гетто. Он писал, что не верит в возможный отказ евреев от кочевого образа жизни: «Кочевничество — это их всемирно-историческое естественное состояние. Без него они съели бы друг друга. <...> еврейское государство, означало бы уничтожение евреев самими евреями. <...> они предпочитают жить в самых угнетающих условиях среди неевреев, а не среди себе подобных. И, если еврейское государство было бы создано, <...>

у еврейской змеи, опоясавшей земной шар, теперь появилась бы голова: это повлекло бы за собой возвращение истории вспять» [Dühring, 1892: 122—123, 127—128].

Заметное влияние на массы сочинений Е. Дюринга побудило одного из основоположников идеологии коммунизма Фридриха Энгельса написать книгу с резкой критикой его сочинений. В 1878 г. он издал фундаментальный труд с ироничным заглавием «Переворот в науке, совершенный господином Дюрингом», более известный как «Анти-Дюринг». В данном произведении, ставшем классикой марксизма, Ф. Энгельс уделил внимание критике антисемитских воззрений Дюринга («Дюринг — первый горлопан из тех, кто сегодня есть среди равных ему антисемитов») и высмеял попытки этого несостоявшегося преподавателя Берлинского университета создать новую философию, навязав «свое отвращение к табаку, кошкам и к евреям — в качестве всеобщего закона — всему остальному человечеству, включая евреев». Обстоятельно проанализировав сущность взглядов Дюринга, Энгельс отмечал: «Даже утрированное до карикатуры юдофобство, которое при всяком случае выставляет напоказ г-н Дюринг, и то составляет если не специфически прусскую, то всё же специфически ост-эльбскую особенность. <...> [Этот] философ действительности, который суверенно смотрит сверху вниз на все предрассудки и суеверия, сам до такой степени находится во власти личных причуд, что сохранившийся от средневекового ханжества народный предрассудок против евреев он называет “естественным суждением”, покоящимся на “естественнных основаниях”, и даже доходит до следующего монументального утверждения: “социализм — это единственная сила, способная успешно бороться против состояний населения с сильной еврейской подмесью” <...>» [Энгельс, 1961: 114]. «Научные заблуждения и самомнения» Дюринга Энгельс объяснял его «личными качествами», сутью которых была «невменяемость как результат мании величия» [Там же: 338, разрядка Ф. Энгельса].

Многие ассимилированные евреи той поры в Австро-Венгрии и Германии занимали «позицию страуса» и предпочитали не замечать изменения в общественных настроениях: подъем и восприятие антисемитских взглядов в самых различных слоях населения этих стран. Теодор Герцль в то время, очевидно, оставался достаточно типичным австрийским евреем из среднего класса, который

по-прежнему уповал на прогресс, просвещение и императора Франца-Иосифа I. Писания Е. Дюринга стали для Т. Герцля, которому едва минуло 22 года, настоящим потрясением, ударом по самолюбию. Он сам считал то время поворотным пунктом к его движению к сионизму, но внешне это еще никак не проявлялось, каких-либо выводов для себя он еще не делал.

Не меньший радикализм отличал речи и писания богослова и проповедника А. Штёккера. Его националистические речи привлекли внимание кайзера Вильгельма I. Священника пригласили в Берлин на должность придворного проповедника. В 1879 г. была издана его речь «Наши требования к современному еврейству». Штёккер заявлял: «Наше будущее в опасности, наш дух объевреен, экономика ослаблена. Нашим девизом станет возвращение к немецкой экономике, немецкому закону, поворот к христианской вере». Важнейший пункт еврейского вопроса, по утверждению Штёккера, заключался в том, «научатся ли немецкие евреи участвовать во всех отраслях немецкой экономики, включая тяжелую физическую работу рабочих и крестьян». Следует покончить с их стремлением стать властителями Германии. <...> еврейская пресса должна стать более терпимой». Проповедник предлагал принять ряд ограничительных законов для уменьшения влияния евреев в экономике, сократить число евреев-судей, удалить из школ евреев-учителей. Он обращался прежде всего к рабочим, низшим слоям общества, членам социал-демократической партии [Stoecker, 1879: 15—18].

В 1878 г. Штёккер основал в Берлине Христианско-социалистическую партию рабочих. Ее, по сути, единственной целью явилась борьба с социал-демократией и за вытеснение евреев изо всех сфер экономики, политики и культуры, распространение в среде рабочего класса идей антисемитизма. Однако пропаганда антисемитизма привлекала в партию, прежде всего, не рабочих, а ремесленников, мелких чиновников и торговцев. Выступления Штёккера на митингах нередко заканчивались скандалами. Клеветнические статьи, ссоры с канцлером Германии Отто фон Бисмарком привели Адольфа Штёккера к отлучению от дворца. В одной из своих речей он заявил: «Князю Бисмарку принадлежит заслуга превращения евреев и их соратников в господствующую клику в Германии <...>. Евреи и их соратники составляют его общество, с ними он постоянно встречается, они служат у него политическими

советниками, они являются главными проводниками его культуркампфа» [Ibid.: 17].

В своих выступлениях Штёккер прибегал к закамуфлированным обвинениям евреев, предлагая слушателям самим делать выводы. Вот один из образчиков его «ораторского искусства». В одной из речей, обращаясь к публике, Штёккер возгласил: «Дамы и господа! Недавно неподалеку было найдено тело. Его освидетельствовали. Присутствовали городской врач — еврей, следователь — еврей, юрист — еврей. И только труп был немцем» (цит. по: [Энциклопедия..., 2005: 302]).

Берлин — столица родившейся в 1871 г. Германской империи — в начале 1880-х гг. стал местом, где участились случаи физического насилия над евреями. Организованные банды открыто нападали на представителей этого народа на улицах города, выгоняли их из кафе, били стекла в витринах принадлежащих евреям магазинов. В провинции участились поджоги синагог. То была, по убеждению Штёккера, подлинно расовая война, которую вел немецкий народ с евреями и иудаизмом. Возникшие в ту пору различные антисемитские лиги и ассоциации соперничали друг с другом, желая добиться политического веса и влияния в обществе. На выборах 1890 г. созданная депутатом рейхстага Отто Бёккелем Антисемитская народная партия получила около 48 тыс. голосов, добившись 4 мест в парламенте, при общем числе избирателей в 7 млн человек. Через три года за эту партию проголосовали уже 260 тыс. человек. В результате Антисемитская народная партия получила 16 мест в рейхстаге. Впрочем, вскоре активность этого политического объединения пошла на спад, а фракция депутатов-юдофобов уменьшилась. Причину ослабления влияния ультраправых французский историк Л. Поляков объяснял тем, что «архаические страхи и предубеждения, на которых держится антисемитизм, нашли для себя, частично, новые объекты» [Поляков, 1997: 236]. Многие христианские богословы уже с XVIII столетия критиковали этику Ветхого Завета, они считали ее явно ниже принципов Нового Завета. Особенно жесткой критике подвергались священные книги иудаизма, созданные в эпоху изгнания — многовековой период диаспоры. Прежде всего, это трактаты Вавилонского Талмуда (III—VII вв.).

Антисемитскими настроениями были глубоко пропитаны нравы буржуазного общества в странах Центральной и Западной Европы. Эта черта была свойственна всей «la belle époque» — «прекрасной эпохе»: с последних десятилетий XIX в. вплоть до Первой мировой войны. В Германской империи антисемитизм в той или иной степени был характерен для идеологии всех националистических и консервативных партий и движений.

Заметной фигурой среди антисемитов в Австро-Венгрии был депутат венгерского сейма аристократ Геза (Виктор) Иштоци. В 1878 г. он выступил в парламенте с речью «Восстановление еврейского государства в Палестине», в которой сравнивал опасность «еврейской оккупации» Венгрии с турецким захватом, угрожавшим этой стране в XVI в. [Handler, 1989: 152—158]. По мнению Г. Иштоци, в настоящее время, когда в Берлине на конгрессе подводились итоги поражения Османской империи в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., настал час для отторжения от ослабленной Турции Палестины и переселения туда евреев со всей Европы. Иштоци предложил венгерскому парламенту принять резолюцию, в которой указывалось бы, что «по отношению к еврейскому народу, насильственно изгнанному со своей родной земли XVIII веков назад, должна быть восстановлена справедливость. Палестина должна быть восстановлена как независимое еврейское государство». Тем самым, по словам этого депутата венгерского сейма, будет воссоздан «еврейский народ, который при нынешних темпах роста сдерживает развитие европейских народов и угрожает христианской цивилизации. Возвращаясь со всего света, они быстро акклиматизируются на родине своих предков» [Ibid: 158]. Иштоци утверждал также, что такое государство возродит «ослабленный и отсталый Восток», привнесет еврейское богатство в «энергичный, мощный и новый влиятельный элемент цивилизации» [Ibid: 152].

Вскоре Иштоци потерял интерес к своему проекту по созданию еврейского государства в Палестине. В последующие десятилетия он оказался в кругу тех политиков и публицистов, кто выступал с нападками на мнимое еврейское господство в финансах, торговле и журналистике. Правда, в 1906 г. выступил в поддержку сионистского движения. В своем памфлете Иштоци по этому поводу заявлял: «Мы, антисемиты, не хотим ничего иного,

по сравнению с сионистами, т. е. восстановления с помощью европейской дипломатии, еврейского государства где угодно, кроме Венгрии — предпочтительно в Палестине. <...> мы, антисемиты, провозглашаем себя не-еврейскими сионистами» [цит. по: Никифорович, 2022: 389]. Позже Иштоци утверждал, что его парламентская речь в 1878 г. «дала решительный толчок сионистскому движению» [Там же]. В связи с данным заявлением венгерского политика-антисемита заметим, что Герцль, покинувший Будапешт в возрасте 18 лет, ни в дневниках, ни в публикациях не упоминал имя Иштоци.

В целом, многие антисемитские идеологи времен *«la belle époque»* нередко представляли сионизм как некий трюк, совершенный агентами всемирного еврейского заговора. Европейский антисемитский дискурс XIX столетия неизменно указывал на связь евреев с современным капитализмом и ускоренной трансформацией общества и культуры. Древние и средневековые истории о еврейской алчности, ненависти и употреблении в ритуалах крови неевреев превратились в современный стереотип международного еврейского заговора. Показательно, что миф о всемирном еврейском заговоре получил распространение и среди ранних социалистических мыслителей во Франции и Германии еще в 1840-х гг. То было десятилетие экономических потрясений, отчасти обусловленных влиянием индустриализации на крестьян и ремесленников, которые составляли большую часть населения. Отождествление еврейства с капиталистической эксплуатацией и угнетением, а в более широком смысле чуть ли не со всеми язвами современности, было движущей силой антисемитизма конца XIX в. — «социализма дураков». Это определение тогдашнего антисемитизма обычно связывают с именем одного из лидеров немецкой социал-демократии Августом Бебелем [Brustein, Roberts, 2015].

Только две крупные политические силы в Германии — социал-демократия и католическая партия Центр — не выражали ненависти и враждебности к евреям, хотя и они не очень желали касаться этой острой темы. В этом отношении весьма симптоматичен ответ, данный в июне 1893 г. Фридрихом Энгельсом на просьбу австрийского драматурга и критика Германа Бара высказаться по еврейскому вопросу. Ответы Ф. Энгельса Г. Бар намеревался опубликовать в редактируемой им венской газете *«Deutsche Zeitung»*

(«Немецкой газете»), среди других высказываний об антисемитизме, в серии интервью видных немецких и австрийских литераторов и общественных деятелей. Однако Энгельс отказался. Он исходил из того, что момент для интервью и публикации неудачен. В июне 1893 г. в Германии проходили выборы в рейхstag, и Энгельс посчитал, что его независимое от позиции партии суждение об антисемитизме, его критика этого явления может уменьшить популярность социал-демократов среди избирателей [Энгельс, 1966: 68—69].

Вскоре внимание европейской общественности привлекли бурные события на выборах 1895 года в Вене — столице Австро-Венгрии. Карл Люгер — глава местной антисемитской Христианско-социалистической партии, аналогичной партии Штёккера в Германии, — получил необходимое число голосов. Император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I и его министры вынуждены были утвердить К. Люгера на посту бургомистра столицы. В течение ряда лет он выступал с популистскими антикапиталистическими, антисемитскими речами, направленными против «привилегированного положения евреев в христианском государстве» [Wistrich, 1983: 251—262]. В итоге Вена стала единственным европейским городом, возглавляемым ярым юдофобом, при котором евреи постепенно были вытеснены из всей сферы городского управления [подр. см.: Schorske, 1981].

Еще одним знамением времени стали международные антисемитские конгрессы. Первый из них состоялся в Дрездене в сентябре 1882 г. В этом форуме вместе с приглашенными лицами приняли участие не менее 300 человек — активисты из ряда земель Германии и Австро-Венгрии. Событие не получило широкой огласки — прежде всего, потому, что репортеры были допущены на заседания конгресса в ограниченном числе и не сразу. На сцене зала заседаний рядом с портретами императоров Германии, Австро-Венгрии и короля Саксонии было помещено изображение 14-летней Эстер Шолимоши. Эта девочка-подросток пропала в венгерском городе Тиса-Эслар незадолго до рассматриваемого собрания, в июле 1882 г. Ее исчезновение антисемиты быстро связали с еврейским «ритуальным преступлением». На сцене антисемитского конгресса в Дрездене Э. Шолимоши была изображена босой на фоне синагоги и зловещей фигуры еврея-мясника. Евреи, обвиненные в убийстве девочки, вскоре были оправданы окружным, а в 1884 г. и Верховным судом Венгрии.

Одним из немногих исследователей, обращавшихся к истории антиеврейских конгрессов, был российский и советский историк С. Г. Лозинский. Он обратил внимание на принятый после бурных споров «Манифест к правительствам и народам христианских государств, гибнущих от еврейства». Этот документ составил упоминавшийся выше Ишгоци, который сам и зачитал его на одном из заседаний. В «Манифесте», в частности, заявлялось: «Все народы в большей или меньшей степени угнетены еврейской расой и все они должны действовать сообща в интересах законной самообороны» (цит. по: [Лозинский, [б. д. (а)]: 704]). Далее автор документа призывал вести «борьбу с евреями» в парламентах, народных собраниях и в печати, повсеместно организовать антиеврейские союзы. К данному обращению было приложено «восемь тезисов» другого упоминавшегося антисемита — Штёккера, в которых, среди прочего, утверждалось: «...влияние евреев зиждется на бессовестном приобретении и израсходовании денег и на враждебности к христианскому государственному и общественному строю; ... евреи неспособны сделаться органической частью христианского народа; просвещенные евреи не только не составляют исключения, но даже опаснее невежественной массы; ... эманципация евреев противоречит самому существу христианской идеи; высшие должности не должны быть уделом евреев, равно как не следует допускать их к преподаванию в христианских учебных заведениях» (цит. по: [Там же: 704—705]). На конгрессе предлагалось также ограничить влияние еврейского капитала и организовать бойкот еврейских купцов.

Среди участников дрезденского конгресса был еще один депутат венгерского парламента — Иван фон Шимони. Он выступил с «доказательствами» о ритуальном характере убийства в Тиса-Эсларе. В резолюции, принятой по этому докладу, выражалось полное доверие судьям, занимавшимся «ритуальным делом», а также горячо одобрялись новые дискриминационные ограничения, налагаемые на евреев в Российской империи. Речь шла о т. н. «Майских законах» 1882 г., введенных в стране вскоре после вступления на престол Александра III [Зайончковский, 1970: 131—138]. Делегаты дрезденского антисемитского конгресса не обошли вниманием и волну европейских погромов в Российской империи 1881—1882 годов. Они увидели в них «народную реакцию» на «страдания», которые исходили для населения от евреев [Погромы, 2016: 57—78]. Выступивший на конгрессе берлинский радикал д-р Эрнст Генрици

предлагал сделать «пребывание евреям посреди нас неприятным и неприбыльным» и даже удалить их из Германии: «...нам нет дела до того, куда они уберутся: пусть они идут куда хотят, мы их к себе не звали, и нам незачем заботиться о их новом месте поселения» (цит. по: [Лозинский: II, 705]). Однако предложение об удалении евреев из Германии принято не было.

Спустя 15 лет участник дрезденского съезда И. фон Шимони, оставшийся верным своим прежним взглядам, опубликовал в братиславской газете «Westungrischer Grenzbote» («Вестник западно-венгерской границы») восторженную рецензию на только что появившийся трактат Т. Герцля «Еврейское государство». Он пожелал лично встретиться с автором и выразить ему свое восхищение его сочинением. Герцль не преминул полуслугливо зафиксировать ту встречу в своем дневнике: «Мой странный последователь, братиславский антисемит Иван фон Шимони, нанес мне визит. Сверхвозбуждимый, сверхговорливый старик с удивительной симпатией к евреям. В разговоре он постоянно смешивает толковые соображения и полную чушь, современные идеи. Он меня любит!» (цит. по: [Никифорович: 391]).

Антисемитские конгрессы, но со значительно меньшим числом делегатов, прошли и в других городах Германии: в Хемнице (1883 г.), в Касселе (1886 г.) и Бохуме (1889 г.). На съездах выявились значительные разногласия между сторонниками принятия радикальных и умеренных мер для «решения еврейского вопроса». Еще один «международный антисемитский конгресс» состоялся в 1886 г. в Бухаресте, на котором «присутствовало очень мало делегатов из других стран» [Борецкий-Бергфельд, [б. д.]: 727].

Антисемитское движение на Западе — и, прежде всего, в Германии — вызвало интерес и у некоторых общественных деятелей в России. Невзирая на свои славянофильские убеждения, Иван Сергеевич Аксаков призывал учиться антисемитизму у Европы. В редактируемой им газете «Русь» он заявлял: «Антисемитское движение, <...> возникшее недавно в Германии, в стране, стоящей во главе европейской культуры, — это не есть исчадие религиозной нетерпимости, продукт грубого невежества, ретроградства и т. д., как думают наши наивные “либералы”. Это есть признак времени, свидетельствующий о пробуждении общественного сознания, —

пробуждении, может быть, слишком позднем»¹. И. С. Аксаков, писал известный англо-американский историк Дж. Д. Клиер, являлся главным проводником зарубежного, преимущественно немецкого антисемитизма в России [Klier, 1995: 409—416]. «Западные заимствования в русскую культуру, — отмечал этот же исследователь в другом месте, — могли иметь и темную, зловещую сторону» [Клиер, 2000: 12].

В 1869 г. вышла в свет «Книга кагала» — переводы протокольных записей решений руководства еврейской общины в Минске, осуществленных принявшим православие Яковом Брафманом и воспитанниками раввинского училища в Вильно [Брафман, 1869]. «Книга кагала» представляла собой сборник почти 300 тенденциозно подобранных, искаженных и превратно истолкованных законодательных актов еврейской общины (кагала) Минска за 1794—1803 гг. Их перевод содержал немало ошибок, а разъяснения и комментарии автора, не знакомого с основами еврейского права, подчас прямо противоречили содержанию документов. Хотя кагалы — самоуправление общин — были указом императора Николая I упразднены еще в 1844 г., Я. Брафман уверял, что они тайно существуют и простые евреи не могут выйти из-под их власти под страхом смерти. Кроме того, этот составитель «Книги кагала» утверждал, что евреи представляют собой *status in statu* (государство в государстве), считают для себя законы Российской империи вредными и не обязательными для исполнения, что под властью кагала находятся все евреи. Кроме того, Брафман искусно проводил мысль об «умозатмении» и эксплуатации евреями христиан. Под пером этого автора еврейский народ представлял перед читателями неким спаянным общими преступлениями тайным сообществом, из которого даже при желании невозможно вырваться. Российский историк Ю. И. Гессен, подводя итог наследию Я. Брафмана, подчеркивал, что ему «удалось внушить множеству отдельных лиц фанатическую ненависть к еврейскому народу как к “всемирному врагу христиан”». Позже именно это положение Ю. Гессена в одной из своих книг процитирует А. И. Солженицын [Солженицын, 2001: 166].

В 1875 г. уже в Санкт-Петербурге вышло двухтомное дополненное издание «Книги кагала» невиданным для той поры тиражом в

¹ Аксаков И. Иудаизм как всемирное явление // Русь. 1881.13 июня.

более чем 20 тыс. экземпляров. В первый том вошли мнения и выводы Брафмана о собранном материале, во второй — перевод более 1000 новых судебных актов и решений минской общины. Третье издание так же вышло в Петербурге в 1882 г. «Книга кагала» была переведена на французский и польский и частично — на немецкий и английский языки. Опус Брафмана, вероятно, стал самым востребованным юдофобским сочинением в России, а его автор снискал себе «громкое имя первого научного исследователя еврейского вопроса».

«Книга кагала» была встречена консервативной печатью благожелательными рецензиями, отметившими открытие «темных страниц русского еврейства». Царская администрация отнеслась к трактату с полным доверием. «Книга» была разослана во все присутственные места, а ее чтение должностными лицами стало обязательным. Чиновники ссылались на «Книгу Кагала» чуть ли не как на свод законов Российской империи. В домашней библиотеке Федора Михайловича Достоевского хранился преподнесенный ему Яковом Брафманом экземпляр его сочинения. Из «Книги кагала» всемирно известный писатель, религиозный мыслитель и публицист воспринял идею о том, что евреи представляют *status in statu*. В «Дневнике писателя за 1877 г.» Ф. М. Достоевский писал, что «такой беспримерный в мире народ», каким являются евреи, «не мог существовать без *status in statu*, который он сохранял всегда и везде, во время самых страшных, тысячелетних рассеяний и гонений своих». На поставленный Достоевским вопрос: «Но в чем, однако, заключается этот *status in statu*, в чем вековечно-неизменная идея его и в чем суть этой идеи?» — следовал замысловатый ответ, по сути, заимствованный из той же «Книги кагала»: «Признаки эти: отчужденность, <...> неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность — еврей. <...> Верь в победу над всем миром <...>, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй <...>. Вот суть идеи этого *status in statu*, а затем, конечно, есть внутренние, а может быть, и таинственные законы, ограждающие эту идею» [Достоевский, 1983: 77—79].

Особым нападкам Брафман подвергал французский Всемирный еврейский союз или Альянс (*Alliance Israélite Universelle*), созданный в 1860 г. в Париже. Его деятельность была направлена на оказание правовой помощи евреям, страдающим от дискриминации и гонений в разных странах, а также на организацию профессиональных школ для еврейских детей. В фантазиях Брафмана Альянс

представлялся «всесильным и всемирным органом еврейства», деятельность которого, как и всех еврейских организаций, была совсем иной, чем об этом заявлялось публично. На самом деле, по словам Брафмана, истинная цель Союза состояла в том, чтобы «ограждать иудейство от гибельного на него влияния христианской цивилизации». Под началом Альянса действует и кагал, что, по мнению Брафмана, являлось еще одним свидетельством существования мирового еврейского заговора.

В конце XIX в. антисемитская мифология дополнилась новой фобией, связанной со страхом перед мировым заговором еврейства и верой в реальность ритуальных убийств христиан, совершаемых евреями. Клиер писал, что Россия внесла свой собственный «вклад» в развитие стержневых антисемитских мифов в виде упоминавшейся выше «Книги кагала» Я. Брафмана и «Протоколов сионских мудрецов» [Клиер, 2000: 12]. Распространение антисемитских настроений вызвало у заметной части русской общественности тревогу и протест. Выразить их публично в условиях политической реакции царствования Александра III было непросто и требовало гражданского мужества. Тем не менее уже во второй половине 1880-х гг. религиозный философ и писатель Владимир Сергеевич Соловьёв, крайне обеспокоенный юдофобскими статьями в проправительственных и консервативных периодических изданиях, задумал подготовить для публикации обращение к российскому обществу с протестом против антисемитизма, распространяемого консервативной печатью. С просьбой написать этот текст В. С. Соловьёв обратился к Льву Николаевичу Толстому. Затем собирался распространить его для коллективного подписания видными деятелями русской литературы и науки. Соловьёв надеялся напечатать «протест» в либеральной газете «Русские ведомости», издававшейся товариществом, состоявшим в основном из профессоров Московского университета и демократических публицистов. Л. Н. Толстой поддержал В. С. Соловьёва, но предложил ему самому составить текст: «Вы выражите и мои мысли и чувства потому, что основа вашего отвращения от мер угнетения европейской национальности одна и та же: сознание братской любви со всеми народами и особенно с евреями...» [Соловьёв, 1909а: 159, прим. 1].

Соловьёв в мае 1890 г. написал «Протест против антисемитического движения в печати». В нем отмечалось: «Движение против еврейства <...> представляет небывалое прежде нарушение

самых основных требований справедливости и человеколюбия. <...> уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России» [Его же, 1909b: 160—161]. «Протест» подписали более ста виднейших представителей русской интеллигенции: Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, В. И. Герье, С. А. Муромцев, П. Н. Милюков, А. Н. Веселовский и другие. Но опубликовать его не удалось. По словам писателя Владимира Галактионовича Короленко, «пока Соловьёв хлопотал и собирал подписи, толки об его затее широко распространились в литературной среде. Дошли они ... и до известного публициста ретроградного лагеря, г-на Иловайского, который сейчас же и ударил по этому поводу в набат. Тревогу подхватила по всей линии антисемитская и ретроградная прессы. <...> выдающаяся черта ее состояла в том, что эти господа обрушились не на высказанное мнение, а на самое намерение его высказать. ... гг. Иловайские провозглашали отечество в опасности, ... зловещими чертами рисуя надвигающуюся “крамолу”. Шумная трескотня возымела обычное действие» [Короленко, 1914: 260]. Цензурное ведомство Российской империи — Главное управление по делам печати — запретило публикацию «Протеста». «Затяянная В. С. Соловьевым декларация, — констатировал В. Г. Короленко, — в то время в России так и не появилась. Как настоящая “крамола” она была напечатана за границей...» [Там же]. Впервые «Протест» был опубликован в английском переводе в лондонской газете «Times»².

События в далекой России, описанные выше, впрочем, прошли мимо внимания Т. Герцля и даже, если предположить обратное, маловероятно, чтобы они могли в ту пору его заинтересовать. Тоже, очевидно, можно сказать и о «Протоколах сионских мудрецов» — сфабрикованной фальшивке, вскоре получившей распространение в Европе и России, а в последние десятилетия в Иране и ряде арабских государств. В них заявлялось, что конечной целью еврейства является власть над всем миром. Из текста следовало, что средством для ее достижения является всемирный заговор. «Протоколы сионских мудрецов» являлись плагиатом, главным образом, французского памфлета «Диалог в аду между Монтескье

² Times. 1890. 10 Dec.: 3.

и Макиавелли», написанным публицистом Морисом Жоли. В том трактате евреи даже не упоминались. Он был направлен против режима французского императора Наполеона III [Кон, 1990; Бурцев, 1991; Микелис, 2006]. К изготовлению этой фальшивки и переправке ее в Россию, возможно, были причастны находившийся в Париже руководитель заграничного политического сыска Департамента полиции Российской империи Петр Иванович Рачковский и ряд лиц, напрямую связанных с ним (О П. И. Рачковском см.: [Брачев, 1997]).

Во время революции 1905 г. в здании С.-Петербургского жандармского управления этот полицейский чиновник оборудовал типографию, в которой печатались листовки погромного характера. Вероятно, «Протоколами» П. И. Рачковский хотел обратить внимание правящей элиты и самого императора Николая II на опасность существующему порядку, исходящую от либералов и евреев. Доставленные в Москву «Протоколы» оказались у лиц, близких к известному своими антисемитскими взглядами вел. кн. Сергею Александровичу. После назначения в начале 1891 г. генерал-губернатором Москвы он стал инициатором «очищения» первопрестольной от евреев. В 1891—1892 гг. из Москвы были высланы 20 тыс. евреев [Зайончковский, 1970: 136—137]. «Протоколы» были напечатаны в губернской типографии в Москве в 1898 г. Позже переизданы писателем и мистиком Сергеем Александровичем Нилусом [Нилус, 1905].

Ознакомившись с «Протоколами», А. С. Нилус связал их с деятельностью «масоно-еврейских кругов». Речь шла о «плане завоевания евреями мира», который разработал со своими мудрецами еще царь Соломон. Евреи на протяжении столетий проводили подрывную работу против всех государств. О том, что конец света близок, по мнению Нилуса, говорил целый ряд фактов, в их числе — подготовка Государственной думой проекта закона о равноправии евреев, готовность союзников передать евреям Палестину, рост популярности эзотерики. Европу, уверял он, уже захватили «масоны и евреи», а православная Святая Русь осталась последним оплотом «светлых сил», поэтому «враги Христовы» желали покончить и с Россией.

После отречения Николая II в феврале 1917 г. А. С. Нилус заявил, что отныне воспрепятствовать антихристу некому и наступает

«торжество вождей талмудистского Израиля» [Шнирельман, 2019: 492]. План, начертанный «Протоколами», по убеждению С. Нилуса, огласил Т. Герцль «совету старейшин» на Первом сионистском конгрессе в 1897 г., а сами «Протоколы» являлись не чем иным, как программой сионизма.

Изданные в России «Протоколы» вновь оказались на Западе и стали еще одним источником оправдания антисемитизма новейшего времени. На судебном процессе в 1934—1935 гг. в швейцарском Берне, рассматривавшем вопрос о подлинности «Протоколов», выступил и председатель Всемирной сионистской организации Хаим Вейцман. Он заявил: «У нас, сионистов, нет ни стремления к мировому господству, ни даже тенденции подобного рода <...> всё это злонамеренная ложь» (цит. по: [Бен-Итто, 2001: 350]).

Одним из немногих (если ли не единственным) объектов инсинаций из сионистских деятелей со стороны воинствующих антисемитов стал философ и публицист Ахад-ха-Ам (псевдоним Ашера (Ушера) Гинцберга). Х. Вейцман вспоминал, что никогда не мог понять, почему «именно Ахад-ха-Аму ... антисемиты отвели роль главы таинственного “еврейского заговора”, объявили автором “Протоколов сионских мудрецов”», и заявляли, «что за кулисами этого “зловещего заговора”, имеющего целью порабощение всего мира», стоит именно он. По мнению Вейцмана, «утверждать, что этот ... человек, все мысли которого были заняты философскими концепциями и никогда не выходили за пределы чисто еврейских проблем, является махровым заговорщиком и главой “сионских мудрецов”, поистине верх нелепости. Впрочем, нечего и пытаться искать здравый смысл в непостижимой логике антисемитской мысли» [Вейцман, 1983, I: 105].

Имя Ахад-ха-Ама, наряду с Герцлем, оказалось в центре внимания упомянутого судебного процесса в Берне, который в итоге признал «Протоколы сионских мудрецов» фальсификацией [Бурцев, 1991: 331], как и тот факт, что А. Гинцберг не был и не мог быть их автором.

Необходимо отметить, что «полицейская версия» происхождения «Протоколов» была поставлена под сомнение в середине 1990-х гг. итальянским филологом Ч. де Микелисом. В своей новаторской книге он писал, что «Протоколы» — дело рук радикальных правых кругов в России, и отнес их появление к началу XX в. Микелис, в частности, отметил, что «Протоколы» были напечатаны

в крайне правых газетах империи: в августе — сентябре 1903 г. в «Знамени» Павла Крушевана и в начале 1906 г. в «Казанском телеграфе» [Микелис, 2006].

Между тем в конце XIX в. центром антисемитского движения стала Франция. Самым ярким и успешным антисемитским сочинителем того времени стал французский журналист и депутат Национального собрания Эдуард Дрюмон. В 1886 г. он издал книгу «France Juive» («Еврейская Франция»). Это сочинение имело огромный успех и за короткое время выдержало около 100 изданий [Лозинский [б. д. (б)]: 351]. Э. Дрюмон убеждал своих читателей в том, что евреи являются представителями низшей расы, разворачивают Францию и стремятся ее погубить. Еврейская плуто-кратия и евреи, выступающие за ассимиляцию, представлялись им как величайшая угроза христианской цивилизации в мире. Во Франции, согласно Дрюмону, евреи распоряжались судьбами страны и были повинны в ее бедах. Именно их этот журналист и политик объявил ответственными за поражение во Франко-пруссской войне 1870—1871 гг., за Парижскую коммуну 1871 г. и упадок общественной морали.

Слухи об инициативе некого Т. Герцля провести в самом центре Европы международный конгресс евреев стали сенсацией. Корреспондент «Journal de Paris» («Парижский журнал») взял у Герцля интервью. Рупор Дрю mona — основанная им в 1892 г. ежедневная газета «La Libre Parole» («Свободное слово») — с энтузиазмом приветствовала известие о готовящемся открытии Сионистского конгресса. Дрюмон даже поместил хвалебную статью о конгрессе и его инициаторе. Десять лет спустя, когда Герцля уже не было в живых, а сионистское движение в Западной Европе, вслед за начальным периодом эйфории, переживало кризис, Дрюмон приложил немало усилий для мобилизации поддержки сионизма со стороны своих единомышленников. Во время VIII сионистского конгресса в 1907 г. он заявил, что сионизм представляет собой «будущее еврейского вопроса и, следовательно, будущее человечества в целом». Если бы евреи, писал он, были переселены из Европы в Палестину, «этот еврейский вопрос, который <...> доминирует над всеми человеческими делами, включая социальный вопрос, был бы решен, по крайней мере на время, и для

мира, наконец, настал бы период и относительной безопасности»³. Дрюмон выражал восхищение сионистами, которых противопоставил их противникам. Он писал: «Еврей, который стремится восстановить родину, достоин уважения. Еврей, который разрушает родину других, достоин всякого рода презрения. Еврей, который хочет иметь флаг и религию, является добродетельным евреем, и мы никогда не произнесем против него ни одного обидного слова <...>. У нас есть всевозможные причины предпочитать евреев-сионистов тем высокомерным евреям, которые стремятся не только вмешиваться в наши дела, но и навязывать свои идеи и свою волю, которые относятся к нам на нашей собственной родине как к представителям низшей расы, как к побежденным и изгоям»⁴. Вместе с тем «La Libre Parole» подвергала грубым нападкам офицеров еврейского происхождения, заявив, что они готовят «будущие изменения, национальные бедствия» и поражение Франции в случае новой войны с Германией».

Летом 1892 г. капитан драгун, еврей А. Кремье-Фуа направил вызов Э. Дрюмону. Тот его принял и «заявил, что "французские шпаги" готовы сражаться с евреями до тех пор, пока Ф[ранция] не увидит "свежий еврейский труп"»⁵. В поединке оба противника были ранены. Затем состоялись еще две дуэли. Во время одной из них лидером Антисемитской лиги маркизом Моррасом был смертельно ранен молодой офицер Ж. Майер. Общественное мнение Франции выступило в защиту евреев. Все парижские газеты, за исключением «Libre parole», осудили кампанию травли. Военный министр Шарль Фрейсине, говоря о смерти Ж. Майера и о вызовах на дуэль офицеров, заявил, что «армия знает французов, а не католиков, протестантов, евреев. Ей чужды каственные предрассудки и страсти прошлых веков. Если призывы к взаимной ненависти — дело отнюдь не похвальное, то натравливание одних офицеров на других, сечение вражды между одной частью армии и другой должны быть названы национальным преступлением против самого отечества»⁶.

³ Le Congre's sioniste // La Libre Parole. 1907. 20 Août.

⁴ Ibid.

⁵ Франция // Краткая еврейская энциклопедия: в 11 т. Иерусалим: Кеттер; Общество по исследованию еврейских общин; Еврейский университет в Иерусалиме, 1976—2005. Т. 9: Фейдман — Чуэтас. 1999. Стлб. 362.

⁶ Цит. по: Там же.

Майеру были устроены похороны, в которых принимало участие около 100 тыс. человек: воинские части, представляющие все рода войск, министры, руководители еврейской общины. У французских евреев такая реакция общественности страны на смерть Майера вызвала бурю восторга. Ведущая еврейская газета писала: «Нет. Антисемитизм — этот немецкий импорт — не укоренился в нашей стране. Нет, Франция не откажется от трудов эманципации и от завоеваний Французской революции. Нет, народ, который справедливо был назван солдатом права и справедливости, не откажется от своего слова и своей миссии» (цит. по: Прайсман, 2020: 39]). Антисемитизму, как считали многие, нанесен удар, от которого он уже никогда не оправится. Но суд присяжных оправдал Морраса.

Продолжение следует

Список источников

- Бен-Итто Х.* Ложь, которая не хочет умирать. «Протоколы сионских мудрецов»: столетняя история / пер. с англ. С. Ильина. М.: Рудомино, 2001. 479 с.
- Борецкий-Бергфельд Н.* Антисемитизм в Румынии // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврейской культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинбурга. С.-Пб.: Об-во для науч. еврейск. изд-ий и изд-во «Брокгауз—Еフрон», [б. д.]. Т. II: Алмогады—Арабский язык. Стлб. 723—728.
- Брачев В. С.* Мастер политического сыска Пётр Иванович Рачковский // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб.: Лики России, 1997. С. 291—324.
- Брафман Я.* Книга кагала. Материалы для изучения еврейского быта. Вильна: Печатня Виленск. губ. правл., 1869. 161 с.
- Бурцев В.* В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М.: СП «Слово», 1991. 431 с.
- Вейцман Х.* В поисках пути: в 2 ч. / пер. с англ. Иерусалим: Библиотека Алия, 1983. Ч. I. 213 с.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г. Глава третья // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972—1990. Т. 25, 1983. С. 74—88.
- Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
- Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772—1825: пер. с англ. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 351 с.

- Кон Н.* Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» / пер. с англ. С. С. Бычкова; ред. и посл. Т. А. Карасовой и Д. А. Черняховского. М.: Прогресс, 1990. 245 с.
- Короленко В. Г.* «Декларация» В. С. Соловьева // Полн. собр. соч.: в 9 т. Т. 9. С.-Пб.: А. Ф. Маркс, 1914: С. 257—260.
- Лозинский С.* Антисемитизм в Германии // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврейской культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинбурга. С.-Пб.: Об-во для науч. еврейск. изд-ий и изд-во «Брокгауз—Ефрон», [б. д. (а)]. Т. II: Алмогады—Арабский язык. Стлб. 683—710.
- Лозинский С.* Дрюмон, Эдуард-Адолф // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврейской культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинбурга. С.-Пб.: Об-во для науч. еврейск. изд-ий и изд-во «Брокгауз—Ефрон», [б. д. (б)]. Т. VII: Данциг—Ибн-Эзра. Стлб. 351—352.
- Микелис де Ч.* Протоколы сионских мудрецов. Несуществующий манускрипт, или Подлог века / пер. с итал. Г. Ротенберга. М.: Kovcheg, 2006. 528 с.
- Никифорович Г.* Дрезденские страсти прекрасной эпохи // Горенштейн Ф. Дрезденские страсти. Повесть из истории антисемитского движения / под ред. Ю. Векслера; комм. и посл. Г. Никифоровича. М.: Книжники, 2022. С. 375—397.
- Нилус С. А.* Великое в малом и Антихрист, как близкая политическая возможность: записки православного. 2-е изд., испр. и доп. Царское село: Тип. Царскосельск. ком. Красн. Креста, 1905. 419 с.
- Погромы в российской истории Нового времени (1881—1921) / под ред. Дж. Д. Клиера и Ш. Ламброзы; пер. с англ. В. Ванникова. М.: Книжники, 2016. 398 с.
- Поляков Л.* История антисемитизма. Эпоха веры / пер. с фр. М.: Лехаим; Иерусалим: Гешарим, 1997. 427 с.
- Прайсман Л. Г.* Дело Дрейфуса. С.-Пб.: Нестор-История, 2020. 176 с.
- Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795—1995): в 2 ч. М.: Рус. путь, 2001—2002. Ч. I. 2001. 509 с.
- Соловьев В. С.* Письмо Ф. Гецу. В мае 1860 г. // Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э. Л. Радлова. С.-Пб.: Тип. тов-ва «Обществ. Польза»; Время, 1908—1923. Т. 2. 1909а. С. 159.
- Соловьев В. С.* Текст протеста против антисемитического движения в печати. Составленный Вл. С. Соловьевым в мае 1860 г. // Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э. Л. Радлова. С.-Пб.: Тип. тов-ва «Обществ. Польза»; Время, 1908—1923. Т. 2. 1909б. С. 160—161.

- Шнирельман В. А. Антихрист, катехон и Русская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2019. № 1—2. С. 488—515.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд.: в [50 т.]* М.: Госполитиздат, 1954—1984. Т. 20. 1961. С. 5—338.
- Энгельс Ф. Герману Бару в Лондоне [Лондон, начало июня 1893 г.] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд.: в [50 т.]* М.: Госполитиздат, 1954—1984. Т. 39. 1966. С. 68—69.
- Энциклопедия Третьего рейха / сост. С. Воропаев. М.: Локид-Пресс, 2005. 203 с.
- Brustein W., Roberts L. The Socialism of fools?: Leftist Origins of Modern Anti-semitism.* Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 218 p.
- Dühring E. Die Judenfrage als Racen-, Sitten- und Kulturfrage.* Karlsruhe; Leipzig: G. Reimer, 1881. 167 S.
- Dühring E. Die Judenfrage als Frage der Racenschädlichkeit für Existenz, Sitte und Cultur der Völker: mit einer weltgeschichtlichen, religionsbezüglich, social und politisch freiheitlichen Antwort.* B.: H. Reuther, 1892. 184 S.
- Handler A. An Early Blueprint for Zionism: Gyöző Istóczy's Political Anti-Semitism.* Boulder: East European Monographs; N. Y.: Distributed by Columbia University Press, 1989. 206 p.
- Klier J. Imperial Russia's Jewish Question, 1855—1881.* Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 534 p.
- Marr W. Das Sieg des Judentums über das Germanentum.* Bern: R. Costenoble, 1879. 55 S.
- Schorske C. Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture.* N. Y.: Vintage Books, 1981. 384 p.
- Stoecker A. Unsere Forderungen an das moderne Judentum.* B., 1879. 19 S.
- Treitschke H. Ein Wort über unser Judentum.* B.: G. Reimer, 1880. 33 S.
- Wistrich R. Karl Lueger and the Ambiguities of Viennese antisemitism // Jewish Social Studies.* 1983. Vol. 45, № 3/4. P. 251—262.
- Zimmermann M. Wilhem Marr: The Patriarch of Anti-Semitism (Studies in Jewish History).* Oxford: Oxford University Press, 1986. 178 p.

References

- Ben-Itto, H. (2001), *Lozh', kotoraya ne khochet umirat', «Protokoly sionskikh mudretsov»: stoletnaiia istoriia* [The Lie That Wouldn't Die, The Protocols of the Elders of Zion: A Centennial History], Translated from English by Ilyin, S., Rudomino, Moscow, Russia.
- Boretsky-Bergfeld, N. [Undated], ‘Anti-Semitism in Romania’, in Katsnelson, L. and Ginnburg, D. G. (eds), *Evreiskaia entsiklopediia, Svod znanii o evreiskoi kul'ture v proshlom i nastoiaishchem* [The Jewish

- Encyclopedia, A Collection of Knowledge on Jewish Culture, Past and Present], Obshchestvo dlia nauchnykh evreiskikh izdanii i izdatel'stvo «Brokgauz—Efron», Saint Petersburg, Russia, vol. II: Almohads—Arabic Language: 723—728.
- Brachev, V. S. (1997), ‘Master of Political Detective Petr Ivanovich Rachkovsky’, *Angliiskaia naberezhnaia*, 4: *Ezhegodnik* [English Embankment, 4: Yearbook], Liki Rossii, Saint Petersburg, Russia: 291—324.
- Brafman, Ya. (1869), *Kniga kagala, Materialy dlia izuchenia evreiskogo byta* [The Book of the Kahal, Materials for the Study of Jewish Life], Pechatnia Vilenskogo gubernskogo pravleniiia, Vilna, Russia.
- Brustein, W. and Roberts, L. (2015), *The Socialism of fools?: Leftist Origins of Modern Anti-semitism*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Burtsev, V. (1991), *V pogone za provokatorami, «Protokoly sionskikh mudretsov» — dokazannyi podlog* [Pursuit of Provocateurs, “The Protocols of the Elders of Zion”— a Proven Forgery], SP «Slovo», Moscow, Russia.
- Dostoevsky, F. M. (1983), ‘Writer’s Diary for 1877. Chapter Three’, in *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vol.], vol. 25, Nauka, Leningradskoe otdelenie, Leningrad, Russia: 74—88.
- Dühring, E. (1881), *Die Judenfrage als Racen-, Sitten- und Kulturfrage*, G. Reimer, Karlsruhe—Leipzig, Germany.
- Dühring, E. (1892), *Die Judenfrage als Frage der Racenschädlichkeit für Existenz, Sitte und Cultur der Völker: mit einer weltgeschichtlichen, religionsbeziiglich, social und politisch freiheitlichen Antwort*, H. Reuther, Berlin, Germany.
- Engels, F. (1961), *Anti-Dühring, Perevorot v nauke, proizvedennyi gospodinom Evgeniem Diuringom* [Anti-Dühring, The Revolution in Science Produced by Herr Eugen Dühring], in Marx, K. and Engels, F. *Sochineniia, 2-e izdanie: v [50 tomakh]* [Works 2nd ed.: in [50 vol.]], vol. 20, Gosudarstvennoe politicheskoe izdatel'stvo, Moscow, Russia: 5—338.
- Engels, F. (1966), ‘To Hermann Bahr in London [London, early June 1893]’, in Marx, K. and Engels, F. *Sochineniia, 2-e izdanie: v [50 tomakh]* [Works 2nd ed.: in [50 vol.]], vol. 39, Gosudarstvennoe politicheskoe izdatel'stvo, Moscow, Russia: 68—69.
- Handler, A. (1989), *An Early Blueprint for Zionism: Gyöző Istóczy’s Political Anti-Semitism*, East European Monographs and Distributed by Columbia University Press, New York, N. Y.
- Klier, J. (1995), *Imperial Russia’s Jewish Question, 1855—1881*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Klier, J. D. (2000), *Rossia sobiraet svoikh evreev, Proiskhozhdenie evreiskogo voprosa v Rossii: 1772—1825* [Russia gathers its Jews. The origins of the

- Jewish question in Russia: 1772—1825], Translated from English, Mosty kul'tury, Moscow; Gesharim, Jerusalem, Russia; Israel.
- Klier, J. D. and Lambrosa, S. (eds) (2016), *Pogromy v rossiiskoi istorii Novogo vremeni (1881—1921)* [Pogroms: anti-jewish violence in modern Russian history], Translated from English by Vannikov, V., Knizhnikи, Moscow, Russia.
- Kon, N. (1990), *Blagoslovenie na genotsid, Mif o vsemirnom zagovore evreev i «Protokolakh sionskikh mudretsov»* [Blessing for genocide, The myth of the worldwide Jewish conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion], Translated from English by Bychkov, S. S., in Karasova, T. A. and Chernyakhovsky, D. A. (eds and afterword), Progress, Moscow, Russia.
- Korolenko, V. G. (1914), “Declaration” of V. S. Solovyov’, in *Polnoe sobranie sochinений: v 9 tomakh* [Complete Works: in 9 vol.], vol. 9, A. F. Marks, Saint Petersburg, Russia: 257—260.
- Lozinsky, S. [Undated (a)], ‘Anti-Semitism in Germany’, in Katsenelson, L. and Ginnburg, D. G. (eds), *Evreiskaia entsiklopedia, Svod znanii o evreiskoi kul'ture v proshlom i nastoiashchem* [The Jewish Encyclopedia, A Collection of Knowledge on Jewish Culture, Past and Present], Obshchestvo dlia nauchnykh evreiskikh izdanii i izdatel'stvo «Brokgauz—Efron», Saint Petersburg, Russia, vol. II: Almohads—Arabic Language: 683—710.
- Lozinsky, S. [Undated (b)], ‘Drumont, Edouard-Adolf’, in Katsenelson, L. and Ginnburg, D. G. (eds), *Evreiskaia entsiklopedia, Svod znanii o evreiskoi kul'ture v proshlom i nastoiashchem* [The Jewish Encyclopedia, A Collection of Knowledge on Jewish Culture, Past and Present], Obshchestvo dlia nauchnykh evreiskikh izdanii i izdatel'stvo «Brokgauz—Efron», Saint Petersburg, Russia, vol. VII: Danzig—Ibn Ezra: 351—352.
- Marr, W. (1879), *Das Sieg des Judentums über das Germanentum*, R. Costenoble, Bern, Switzerland.
- Michelis de, C. (2006), *Protokoly sionskikh mudretsov, Nesushchestvuiushchii manuskrift, ili Podlog veka* [The Protocols of the Elders of Zion, The Non-Existent Manuscript, or the Forgery of the Century], Translated from Italian by Rotenberg, G., Kovcheg, Moscow, Russia.
- Nikiforovich, G. (2022), ‘The Dresden Passions of the Belle Époque’, in Gorenstein, F. *Drezdenskie strasti, Povest' iz istorii antisemitskogo dvizheniya* [The Dresden Passions, A Tale from the History of the Anti-Semitic Movement], in Veksler Yu. (ed.), Nikiforovich, G. (commentary and afterword), Knizhnikи, Moscow, Russia: 375—397.
- Nilus, S. A. (1905), *Velikoe v malom i Antikhrist, kak blizkaia politicheskaiia vozmozhnost': zapiski pravoslavnogo* [The Great in Minor and the Antichrist as a Near Political Opportunity: Notes of an Orthodox

- Christian], 2nd ed., correct. and supplemented, Tipografiia Tsarskogo komiteta Krasnogo Kresta, Tsarskoye Selo, Russia.
- Polyakov, L. (1997), *Istoriia antisemitizma, Epokha very* [History of Anti-Semitism, The Age of Faith], Translated from French, Lekhaim; Ge-sharim, Moscow—Jerusalem, Russia; Israel.
- Praisman, L. G. (2020), *Delo Dreifusa* [The Dreyfus Affair], Nestor-Istoriia, Saint Petersburg, Russia.
- Schorske, C. (1981), *Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture*, Vintage Books, New York, N. Y.
- Shnirelman, V. A. (2019), ‘Antichrist, Katechon, and the Russian Revolution’, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], no. 1—2: 488—515.
- Solovyov, V. S. (1909a), ‘Letter to F. Goetz. In May 1860’, in Radlov, E. L. (ed.) *Pis’ma Vladimira Sergeevicha Solovieva: v 4 tomakh* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov: in 4 vol.], vol. 2, Tipografija tovarishchestva «Obshchestvennaia Pol’za», Saint Petersburg, Russia: 159.
- Solovyov, V. S. (1909b), ‘Text of a protest against the anti-Semitic movement in the press, Compiled by Vl. S. Solovyov in May 1860’, in Radlov, E. L. (ed.) *Pis’ma Vladimira Sergeevicha Solovieva: v 4 tomakh* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov: in 4 vol.], vol. 2, Tipografija tovarishchestva «Obshchestvennaia Pol’za», Saint Petersburg, Russia: 160—161.
- Solzhenitsyn, A. I. (2001), *Dvesti let vmeste (1795—1995): v 2 chastiakh* [Two Hundred Years Together (1795—1995): in 2 parts], part I, Russkii put', Moscow, Russia.
- Stoecker, A. (1879), *Unsere Forderungen an das moderne Judentum*, Berlin, Germany.
- Treitschke, H. (1880), *Ein Wort über unser Judentum*, G. Reimer, Berlin, Germany.
- Voropaev, S. (comp.) (2005), *Entsiklopediia Tret’ego reikha* [Encyclopedia of the Third Reich], Moscow, Russia.
- Weizmann, H. (1983), *V poiskakh puti* [Trial and Error: in 2 parts], Translation from English, part I, Biblioteka-Aliia, Jerusalem, Israel.
- Wistrich, R. (1983), ‘Karl Lueger and the Ambiguities of Viennese antisemitism’, *Jewish Social Studies*, vol. 45, no. 3/4: 251—262.
- Zayonchkovsky, P. A. (1970), *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiiia (politicheskaiia reaktsiia 80-kh — nachala 90-kh godov)* [Russian autocracy at the end of the XIX century (Political reaction of the 80s — early 90s)], Mysl', Moscow, Russia.
- Zimmermann, M. (1986), *Wilhem Marr: The Patriarch of Anti-Semitism (Studies in Jewish History)*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

A. E. Локшин — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

A. Ye. Lokshin — Candidate of Science (History), Leading Research Fellow at the Department of Israel and Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 93—104.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 93—104.

Научная статья

УДК 811.133.1+908(470.315)

EDN <https://elibrary.ru/hhxvkc>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.5

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.9.2. Литературы народов мира

НАТАЛИ САРРОТ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА ИВАНОВО

Александр Николаевич Таганов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

shishtag@mail.ru, SPIN-код: 8947-6147,

<https://orcid.org/0000-0003-3270-1277>

Аннотация. Поводом для написания статьи явился ежегодно проводящийся уже на протяжении семи лет в городе Иваново фестиваль «Первая Фабрика Авангарда». В рамках его проведения неизменно организуются ярмарки интеллектуальной литературы «Откройте» имени Натали Саррот. В связи с этим возникают, естественно, вопросы, почему и как эта французская писательница связана с культурным имиджем города, организующего это событие, и с атмосферой авангарда. Используя краеведческие изыскания, а также художественные и литературно-критические тексты Саррот, мы обосновываем возможность рассматривать творчество писательницы, биографически связанной с городом Иваново-Вознесенском фактом своего рождения в нем, как проявление авангардного искусства. В нем отчетливо просматривается лиминальная направленность, выражаяющаяся в отказе от традиционных атрибутов романного жанра. Основанием кардинального пересмотра классических литературных форм в творчестве Саррот становится созданная ею теория «тропизмов» — необъяснимых и неуловимых глубинных движений психики, которые, по мысли автора, оказываются теми побудительными причинами, которые определяют наше поведение, наши действия и, в конечном итоге, — нашу жизнь. Будучи не столь броским,

не столь громким, как теории самых радикальных художественных групп авангарда, авангардизм Саррот столь же дерзок в своем поиске нового художественного языка и новаторских литературных форм. Писательница пытается рассмотреть основы человеческого поведения изнутри, показывая через сферу языка взаимодействие глубинных подсознательных импульсов, представляющих область «тропизмов», с социальной средой, обусловленной идеологическими, моральными, поведенческими и другими стереотипами, которые заставляют индивидуальное сознание и слова, порожденные им, приспособливаться к правилам игры, ритуала, заданным пространством «общих мест».

Ключевые слова: «Первая Фабрика Авангарда», Натали Саррот, «тропизмы», авангард, лиминальность, традиция, «эра подозрения», художественная условность, художественный язык

Для цитирования: Таганов А. Н. Натали Саррот в контексте интеллектуальной жизни города Иваново // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 93—104.

Original article

NATALIE SARRAUTE IN THE CONTEXT OF IVANOVO'S INTELLECTUAL LIFE

Alexandr N. Taganov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, shishtag@mail.ru,
SPIN-код: 8947-6147, <https://orcid.org/0000-0003-3270-1277>

Abstract. The reason for writing this article was the annual festival “The First Factory of the Avant-Garde”, which has been held annually in Ivanovo for seven years, and the Natalie Sarraute intellectual literature fair «Open» is always organized as a part of it. In this regard, questions naturally arise as to why and how this French writer is connected with the cultural image of the city that organizes this event and with the atmosphere of the avant-garde. Using local history research, as well as Sarraute's artistic and literary-critical texts, the article substantiates the possibility of considering the work of the writer, biographically connected with the city of Ivanovo-Voznesensk by the fact of her birth in it, as a manifestation of avant-garde art. It clearly shows a liminal orientation, expressed in the rejection of the traditional attributes of the novel genre. The basis for the radical revision of classical literary forms is the theory of “tropisms” created by her — inexplicable and elusive deep movements of the psyche, which, according to the author, turn out to be the motivating causes that determine our behavior, our actions and, ultimately, our lives. While not as catchy or as loud as the theories of the most

radical avant-garde art groups, Sarraute's avant-gardism is at the same time just as audacious in its search for a new artistic language and innovative literary forms. The writer attempts to examine the foundations of human behavior from the inside, showing through the language sphere the interaction of deep subconscious impulses, representing the realm of “tropisms”, with the social environment, which are explained by ideological, moral, behavioral, and other stereotypes that force individual consciousness and the words generated by them to adapt to the rules of the game, ritual, and the space of “common places”.

Keywords: “The First Factory of the Avant-garde”, Natalie Sarraute, “tropisms”, avant-garde, liminality, tradition, “era of suspicion”, artistic convention, artistic language

For citation: Taganov, A. N. (2025), ‘Natalie Sarraute in the context of Ivanovo’s intellectual life’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 93—104 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В сложной структуре городской жизни ее культурно-эстетическая составляющая, бесспорно, представляет собой важнейший фактор, определяющий комфортность и качественную сторону личностного существования. В последнее время об этой проблеме много говорится в связи с проблемой развития малых городов, хотя она не менее актуальна и значима для урбанистического пространства любого масштаба.

Постановка вопроса. Поводом к написанию данной статьи послужило одно из явлений, представляющее наряду с другими яркими событиями специфику духовной жизни Иванова. Осенью 2025 году в седьмой раз здесь состоится фестиваль «Первая Фабрика Авангарда», чья программа, как и все предыдущие, будет насыщена различного рода мероприятиями¹. В рамках его проведения неизменно организуются ярмарки интеллектуальной литературы «Откройте» имени Натали Саррот, в связи с чем возникает естественный вопрос, какое отношение эта французская писательница имеет к культурному имиджу города-организатора данного проекта и к атмосфере авангарда.

¹ От редколлегии: Седьмой Фестиваль современного искусства «Первая Фабрика Авангарда» проходил в Иваново с 25 сентября по 5 октября 2025 года. Подр. см.: О фестивале. URL: <https://firstavantgarde.ru/o-festivale/>

Что касается первого момента, известно, что Натали Саррот, урожденная Наталья Ильинична Черняк, связана с нашим городом биографически. Здесь в 1900 году она родилась, здесь провела свои самые ранние годы, что подтверждается документальными краеведческими свидетельствами: «Одним из примечательных членов местной еврейской общины являлся Илья Евсеевич Черняк. В 1900 г. он открыл в Иваново-Вознесенске около Соковского моста небольшое полукустарное заведение для изготовления красок, вероятно, они сбывались на местных отделочных предприятиях. Его дочерью была Наташа Черняк, проведшая в Иваново-Вознесенске детские годы» [Балдин, 2007: 19; см. также: Молькова, 2018]. Мать Наташи — Полина Шатуновская (во втором браке Борецкая-Бергфельд), была литератором, публиковалась под псевдонимом «Н. Вихровский», написала, в частности, роман «Время» и повесть «Их жизнь». Попутно можно отметить, что литературное Иваново — весьма интересное явление с точки зрения гендерного подхода. С ним прямо или косвенно связаны и другие известные женские имена, имеющие отношение к литературе, такие, например, как Марина Цветаева, Анна Баркова, Аполлинарий Суслова. Не менее любопытна и проблема причастности города к авангардному движению, которое проявляется здесь в разных ипостасях, каждая из которых требует специального исследования — в историко-социальной, промышленной, политической, культурной. В этой связи любопытно сравнить судьбы Н. Саррот и А. Барковой (см. подробнее: [Таганов, 2018]). Одна избрала стезю революционного бунта, другая оказалась бунтаркой в сфере духовной, провозгласив «эру подозрения». Авантурд Барковой выразился в революционно-политической направленности ее творчества; Саррот избрала эстетический авангардизм.

Наряду с упомянутыми исследованиями, посвященными биографии Саррот и ивановскому периоду ее жизни, в отечественном литературоведении существует и целый ряд работ, вполне основательно раскрывающих специфику ее писательской деятельности (см., например: [Еремеев, 1974; Зонина, 1984; Косиков, 2012; Строев, 1995]).

Новизна данной статьи обусловлена тем, что в ней представлена попытка соединить рассмотрение биографического фактора с выявлением авангардных устремлений, которые прослеживаются в эстетике и художественном творчестве Саррот.

Методология и методы исследования

Методология данной работы предусматривает использование принципов аналитического изучения документальных, художественных и литературно-критических текстов. При этом применялись специальные методы исследования: историко-биографический, историко-литературный, культурно-социологический.

Основная часть

В 2025 году ивановский фестиваль «Первая Фабрика Авангарда» будет выстраиваться вокруг темы лиминальности (название одной из выставок в рамках этого события — «Лиминальные зоны»). Понятие «лиминальность», возникшее сравнительно недавно, означает пороговое, переходное состояние между разными стадиями развития человека, общества, культуры.

По сути своей, авангард представляет одну из форм лиминальности, являясь своеобразным пороговым явлением, поскольку он пересматривает принципы традиционного искусства, переходя к поиску новых художественных форм и стратегий. Этот переход может быть шумным, радикальным, пафосным, привлекающим к себе внимание как, например, большинство авангардных направлений начала XX века. Однако он способен принимать и иные, «не криклиевые» формы, предпочитая тональность спокойной дискуссии. Именно такой характер имеет авангардизм Натали Саррот. Он «тихий», вдумчивый и, вместе с тем, подразумевает кардинальный пересмотр традиционных атрибутов романа.

Вообще же, размышляя о соотношении творчества Саррот с эстетикой авангарда, вернее говорить о том, что она объединяет в своем творчестве то, что в современной культурологии скрывается за понятиями «avant-» (идущий впереди — авангард) и «post-» (идущий после — постромантизм, постреализм, постмодернизм и т. д.). С одной стороны, в творчестве Саррот достаточно отчетливо проявляется движение вперед, стремление преодолеть границы старого, выйти за их пределы. С другой стороны, этот прорыв вперед не предполагает у нее той системы отношений с предшествующим эстетическим опытом, который проявляется у радикальных авангардистов, предпочитающих подчеркнуто декларированный разрыв с традицией, отрицание старого преимущественно в форме броского манифеста-памфлета (например — «Труп» у сюрреалистов) или

пародии. Саррот всегда учитывает то предшествующее, за которым она следует в литературе, и на этом основании строит собственную художественную систему, реализуя в ней свой экзистенциальный и эстетический опыт, соединяя его с уже существующим в культурном пространстве, трансформируя его. В этой связи можно отметить, что, в отличие от эстетической устремленности «ортодоксального» авангарда, неизбежно проявляющей в итоге некоторую предельность и тупиковость, творческая стратегия Саррот предполагает развитие, отличается большей открытостью и динамизмом, в ней заложена возможность внутреннего саморазвития.

Лиминальность эстетической концепции Саррот обусловлена ее представлением о человеческой природе, основывающемся на психологических концепциях, появившихся в начале XX века. Ее творческая судьба связана с теорией и практикой так называемого «нового романа» — литературного направления, переосмысливающего традиционные принципы художественного мышления, в первую очередь те, из которых исходит классическая литература.

Писательская деятельность Саррот начинается с публикации книги «Тропизмы» (*«Tropismes»*, 1939), названием которой становится заимствованный из естественных наук термин, означающий реакции простейших живых организмов на внешние раздражители. Применительно к миру людей писательница вкладывает в это естественнонаучное понятие новое значение. С его помощью она обозначает «необъяснимые и невыразимые душевые движения и действия», которые «очень быстро скользят к границам нашего сознания; они лежат в основе наших жестов, нашей речи, в основе выказываемых нами чувств, чувств, которые мы, как мы полагаем, испытываем и которым можно дать определение, можно описать» [Саррот, 2000: 136]. Важность исследования «тропизмов», с точки зрения Саррот, заключается в том, что они оказываются теми побудительными причинами, которые определяют наше поведение, наши действия и, в конечном итоге, — нашу жизнь.

Будучи не броским, не громким, авангардизм Саррот вместе с тем столь же дерзок, как теории самых радикальных художественных групп, и так же, как в их случае, поддержан манифестным заявлением своей позиции. В качестве такого выступает сборник статей Саррот *«Эра подозрения»* (*«L'ère du soupçon»*, 1956). В своих программных выступлениях Саррот не порывает с предшествующей традицией

столь категорично, как это делают авангардисты начала века. Она уважительно относится к своим предшественникам в области литературы, более того, многих из них, таких как Бальзак, Достоевский, Толстой, признает своими учителями. Саррот пытается не столько разорвать связи с традицией, сколько найти возможности соединить между собой, казалось бы, разорванные нити, протягивая их от классиков через модернистов (Пруст, Кафка, Джойс) к новым возможностям литературного письма. В то же время, с ее точки зрения, необходимо на основе опыта модернизма преодоление традиционного порога, установленного классическим романом. Следуя авангардной стратегии, Саррот провозглашает необходимость поиска нового художественного языка. Радикальность лиминальности сарротовского творчества определяется тем, что оно подвергает пересмотру основные традиционные атрибуты романа жанра, такие как все знающий автор, сюжет-история, персонаж-характер, поскольку, по убеждению писательницы, они не помогают проникнуть вглубь человеческой натуры, не позволяют приблизиться к «магме тропизмов». Для этого необходимы новые художественные принципы, освобождающие роман от стереотипных представлений о человеке и его существовании.

В книгах писательницы, последовавших за первым произведением, — «Портрет неизвестного» (*«Portrait d'un inconnu»*, 1948), «Мартеро» (*«Martereau»*, 1953), «Планетарий» (*«Le Planétarium»*, 1959) и других, реализуется провозглашенный ею отказ от классической романной структуры, которая основывается на повествовательной манере с точки зрения «всезнающего автора», претендующего на создание объективной реальности, воплощенной в сюжете, и предлагающего, что по законам традиционной художественной условности читатель должен принять эту авторскую позицию и поверить в достоверность созданной таким образом истории. Вместо подобного повествователя в ее произведениях чаще всего присутствуют анонимные голос или голоса, которые сообщают нам о внутренних психологических движениях и реакциях, которые возникают у авторов этих высказываний в ответ на внешние события-раздражители: события, поступки, «чужие» слова и т. д. Названия многих книг Саррот — «Вы слышите их?» (*«Vous les entendez?»* 1972), «Говорят глупцы» (*«Disent les imbéciles»*, 1976), «Дар слова» (*«L'Usage de la parole»*, 1980) — свидетельствуют об особом ее внимании к слову

произнесенному и слову услышанному, которые становятся главными средствами иллюстрации сложных процессов, происходящих на глубинных уровнях личностной психики.

Что касается персонажей, они также нужны Саррот лишь как субъекты высказываний, передающие речевые результаты переживания «тропизмов». Поэтому они лишены всех привычных контуров традиционных литературных героев, которые вызывают у Саррот подозрение, так как они выстроены на основе такой художественной условности, как характер. Герой-характер, для писательницы, представляет собой лишь поверхностный слой личности, фикцию, «грубую этикетку» (*«l'étiquette grossière»*) [Sarraute, 1996: 1581], созданную на основе стереотипов, царящих в обществе.

В авангардном искусстве всегда важнейшую роль играет поиск нового художественного языка и новаторских форм. Определяя главную направленность своих произведений, Саррот признает: «Моя первая книга в зародыше содержала все, что я без устали развивала в моих последующих работах. Тропизмы продолжали оставаться живой субстанцией всех моих книг» [Саррот, 2000: 138]. Поскольку речь в данном случае идет о «безгласных и темных областях» глубинной сферы человеческой психики, «куда еще не проникло ни единого слова и над которыми еще язык не совершил своего иссушающего и омертвляющего действия» [Sarraute, 1996: 1700], единственная возможность передать эти душевные движения, с точки зрения писательницы, — создание образов, которые хотя бы приближали нас к ним, «порождали бы такие же впечатления» и заставляли бы читателя «испытывать подобные же ощущения» [Саррот, 2000: 137]. Однако создание художественного языка, способного выполнить эту задачу, по убеждению Саррот, оказывается предельно сложной миссией, так как бытование Слова, его смысловая наполненность зависят от многих факторов.

С одной стороны, важно найти верное соотношение между «тропизмами» — сферой «неназываемого» (*non-nommé*) — и языковой структурой, которая представляет собой «предельно упрощенную систему условностей, произвольный код, установленный для удобства общения» [Sarraute, 1996: 1700]. Оно должно представлять собой своего рода равновесие, постоянно находящееся под угрозой разрушения, поскольку язык может потерять связь с

«магмой тропизмов» — «источником, из которого он черпает свою жизнеспособность» [Ibid.: 1701]. С другой стороны, слишком глубокое погружение в «темные зоны молчания» могут привести его в свою очередь к «дезинтеграции», утрате ясности и смысла [Ibid.].

Еще одна сложность в языковой проблеме, неизменно привлекающая внимание Саррот, — бытование Слова в социуме, который она называет пространством «общих мест». Напомним, что постоянно присутствующая в программе ивановского фестиваля ярмарка интеллектуальной книги проходит под знаком имени Саррот и называется «Откройте». Именно так звучит заглавие одного из поздних произведений писательницы, которое помогает глубже понять ее представление о внутреннем мире человека, о связи подсознания, сознания, языка и о природе творчества. Оно в полной мере оправдывает принадлежность Саррот к названию и духу упомянутого фестиваля в Иваново. Книгу «Откройте» трудно определить с точки зрения жанровой принадлежности. Перед нами возникает пространство анонимного индивидуального сознания, в границах которого разыгрывается своего рода спектакль, чаще всего соединяющий в себе черты и комедии, и трагедии, где слова становятся главными драматургическими персонажами. В кратком предисловии автор уведомляет читателя: «Действующие лица этих маленьких драм — слова, выступающие как самостоятельные живые существа. Когда им предстоит встреча с чужими словами, двигается загородка, стена. С внешней стороны остаются только те, кто может оказать визитерам достойный прием. Остальные уходят за загородку, где их накрепко запирают. Но загородка прозрачная, и запертым всё видно и слышно. Иногда происходящее вызывает у них непреодолимое желание вмешаться, они не выдерживают и начинают стучать, звать... Откройте!» [Саррот, 2007: 235].

Саррот, таким образом, пытается рассмотреть основы человеческого поведения изнутри, показывая через сферу языка взаимодействие глубинных подсознательных импульсов со сферой социальных стереотипов. Попадая в пространство «общих мест», слова вынуждены приспосабливаться к правилам игры, ритуала.

С точки зрения Саррот, Слово произнесенное, несущее в себе семантику, заданную движением «тропизмов», входя в сферу «разговора», теряет свою индивидуальность, вступает в игру смыслов, заданных пространством «общих мест». При этом смысл,

порожденный «тропизмами», то есть истинный, инициальный смысл, утрачивается. Остается внешняя оболочка Слова — зрительная и слуховая. Семантическая пустота тут же заполняется значениями, приходящими извне. Первоначальный смысл Слова, обусловленный стихией бессознательного, как правило, остается непрочитанным. Непреодолимый «зазор» между «тропизмами» и словами, пытающимися их обозначить, существует уже в сознании говорящего. Он еще более увеличивается для слушающего. Отсюда — драма Слова неизвестного и непознанного, которая часто разыгрывается у Саррот на уровне повседневного разговора. Драма языка имеет всегда несколько обязательных актов: зарождение Слова в магме «тропизмов», появление на свет — произнесение, вхождение в пространство «общих мест» и его бытие там, истолкование, обретение статуса, саморефлексия, старение (превращение в клише) и, наконец, — смерть.

Заключение

Исходя из всего сказанного, нельзя не признать, что авангардная направленность творчества Саррот проявляется весьма отчетливо. Специфика ее заключается, однако, в том, что она являет свою суть не столь явно и эпатажно, как это происходит у радикальных представителей авангарда. Энергия эстетического отрицания сосредоточена у Саррот, в первую очередь, на проблеме поиска новых художественных структур, способных реализовать ее представления о человеческом существовании, основанные на психологических, философских и эстетических теориях XX века. Таким образом, имя Саррот вполне закономерно вписывается в структуру авангардного движения, а, учитывая ее прямую биографическую причастность к Иванову, оно вполне естественным образом присутствует в его интеллектуальной атмосфере.

Список источников

- Балдин К. Е. Национальные диаспоры в г. Иваново-Вознесенске в начале XX века // Границы. Альманах центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. Вып. 1: Этническая ситуация в Ивановской области. С. 12—23.
- Еремеев Л. А. Французский «новый роман». Киев: Наукова думка, 1974. 224 с.
- Зонина Л. Тропы времени: Заметки об исследованиях французских романистов (60—70 гг.). М.: Худож. лит-ра, 1984. 264 с.

- Косиков Г. К.* Проблема жанра романа и французский «новый роман» (на материале творчества Натали Саррот // Г. К. Косиков. Собр. соч. [в 2 т.] Т. 2: Теория литературы. Методология гуманитарных наук. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 3—243.
- Молькова Е. Б.* Натали Саррот в Иваново-Вознесенске: автобиографический миф // Социокультурное пространство Ивановского края: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс]. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 9—76.
- Sarrot H.* Здесь. Откройте / пер. с фр. И. Кузнецовой. СПб.: ООО ИНАПРЕСС, 1999. 400 с.
- Sarrot H.* Предисловие / пер. с фр. Ю. Розенберг // Н. Саррот. Тропизмы. Эра подозрения. М.: Полинформ-Талбури, 2000. С. 135—142.
- Строев А. Ф.* Натали Саррот // Французская литература 1945—1990. М.: Наследие, 1995. С. 421—433.
- Таганов А. Н. Н.* Саррот и А. Баркова: типология и мифология // Социокультурное пространство Ивановского края: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс]. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 76—88.
- Sarraute N.* *Oeuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1996. 2126 p. (Bibliothèque de la Pléiade).

References

- Baldin, K. E. (2007), ‘National diasporas in Ivanovo-Voznesensk at the beginning of the 20th century’, *Granitsy, Al’manakh tsentra etnicheskikh i natsional’nykh issledovanii Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, vypusk 1: Etnicheskaiia situatsia v Ivanovskoi oblasti* [The borders. Almanac of the Center for Ethnic and National Studies of Ivanovo State University, iss. 1: The ethnic situation in the Ivanovo region], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 12—23.
- Eremeev, L. A. (1974), *Frantsuzskii “novyi roman”* [The French “new novel”], Naukova dumka, Kiev, Ukraine.
- Kosikov, G. K. (2012), ‘The problem of the novel genre and the French “new novel” (based on the work of Natalie Sarrot)’, in *Kosikov, G. K. Sbornik sochinenii [v 2 tomakh], tom 2: Teoriia literatury, Metodologiya gumanitarnykh nauk* [Kosikov, G. K. Collected works [v 2 vols], vol. 2: Theory of literature, Methodology of the humanities], Tsentr knigi Rudimino, Moscow, Russia: 3—243.
- Molkova, E. B. (2018), ‘Natalie Sarraute in Ivanovo-Voznesensk: an autobiographical myth’, *Sotsiokul’turnoe prostranstvo Ivanovskogo kraia: proshloe, nastoianashchee, budushchee* [Elektronnyi resurs] [Socio-cultural space of the Ivanovo region: past, present, future ([Electronic resource])], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 9—76.

- Sarraute N. (1996). *Oeuvres complète*, Gallimard, Paris, France.
- Sarraute, N. (1999), *Here, Open*, Translated from the French by Kuznetsova, I., INAPRESS, Saint Petersburg, Russia.
- Sarraute, N. (2000), ‘Preface’, in Sarrot, N. *Tropismy. Era podozrenia* [Sarraute, N. Tropisms. The era of suspicion], Translated from French by Rosenberg, J., Polynform-Talburi, Moscow, Russia: 135—142.
- Stroev, A. F. (1995), *Nathalie Sarraute, Frantsuzskaia literatura 1945—1990* [French literature 1945—1990], Nasledie, Moscow, Russia.
- Taganov, A. N. (2018), ‘N. Sarraute and A. Barkova: typology and mythology’, *Sotsiokul’turnoe prostranstvo Ivanovskogo kraia: proshloe, nastoiashchee, budushchее [Elektronnyi resurs]* [Socio-cultural space of the Ivanovo region: past, present, future ([Electronic resource])], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 76—88.
- Zonina, L. (1984), *Tropy vremeni: Zametki ob iskaniakh frantsuzskikh romanistov (60—70 gg.)* [The Paths of Time: Notes on the Quest of French Novelists (1960s—1970s)], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Таганов А. Н. — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

Taganov A. N. — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 105—130.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 105—130.

Научная статья

УДК 94(470+571).083:7.07

EDN <https://elibrary.ru/guafye>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.6

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

**«МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ПОСОЛЬСТВО»:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА
В. М. КЛЫКОВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ
КАК ЧАСТНАЯ ПОПЫТКА УКРЕПЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Татьяна Ивановна Долженкова

Советский социально-аграрный техникум имени В. М. Клыкова, Курск,
Россия, dolgenkovatana@mail.ru, SPIN-код: 4211-8639,
<https://orcid.org/0009-0008-7160-5839>

Аннотация. В установлении и развитии внешнеполитических связей в XX веке немаловажное значение имела деятельность художников, литераторов, кинорежиссеров и других представителей творческих профессий. Зачастую дипломатия искусства была эффективнее военных операций и многодневных переговоров. После распада советской системы и разрушения прежних дипломатических отношений новая государственная система была налажена не сразу. Именно в период 1990-х — начала 2000-х годов стало возможным проявление частной инициативы во внешне-политическом поле как общественными организациями, так и отдельными деятелями искусства. Однако этот вопрос недостаточно исследован на современном этапе исторической науки.

Цель данной работы — выявление и анализ общественных проектов и творческих работ народного художника России, скульптора-монументалиста В. М. Клыкова (1939—2006), направленных на укрепление отношений с братскими государствами и славянскими народами.

Исследование построено на ключевых принципах историзма, системности и объективности, с использованием биографического, ретроспективного и проблемно-хронологического методов. В результате работы с опубликованными и документальными источниками нам удалось выяснить, что возглавляемый скульптором Клыковым Фонд славянской письменности и культуры, принявший статус международного, реализовывал программу создания славянских общин, сохранения важных межэтнических связей и выстраивания отношений с государствами «ближнего зарубежья» в рамках популяризации наследия святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Открытие Международного славянского культурного центра в Москве, перенос Благодатного огня из Иерусалима, художественные выставки и творческие вечера, установка монументов и организация встреч на высшем уровне — это лишь часть работы, которую проводил В. М. Клыков для продвижения ценностей русской цивилизации и развития культурного диалога в целом. Отмечая значение деятельности народного художника в этой сфере, автор исходит из того, что частная попытка сохранения прежних контактов была необходима в условиях перестройки дипломатической системы в конце XX века. Поддержка Фондом Югославии, Сербии, Приднестровья, Черногории в период их внутриполитического кризиса при отстраненной позиции официальной российской дипломатии демонстрировала солидарность российского народа с народами этих государств и способствовала сохранению конструктивных межэтнических контактов, ставших платформой для развития дальнейших отношений.

Ключевые слова: скульптура, монументальное искусство, международные отношения, памятник, дар, Международный фонд славянской письменности и культуры, миссия, дипломатия, творчество, русский мир, славянские страны

Для цитирования: Долженкова Т. И. «Монументальное посольство»: деятельность народного художника В. М. Клыкова в России и за рубежом как частная попытка укрепления международных отношений в конце XX — начале XXI века // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 105—130.

Original article

“THE MONUMENTAL EMBASSY”: THE ACTIVITY OF THE PEOPLE'S ARTIST V. M. KLYKOV IN RUSSIA AND ABROAD AS A PRIVATE ATTEMPT TO STRENGTHEN INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 1990S — EARLY 2000S

Tatiana I. Dolzhenkova

V. M. Klykov Soviet Socio-Agrarian Technical School, Kursk, Russia,
SPIN-код: 4211-8639, dolgenkovatana@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-7160-5839>

Abstract. In the establishment and development of foreign policy relations in the twentieth century, the activities of artists, writers, film directors and other representatives of artistic occupations were of no small importance. Art diplomacy was often more effective than military operations and multi-day negotiations. After the collapse of the Soviet system and the destruction of previous diplomatic relations, the new state system was not immediately established. It was during the 1990s and early 2000s that private initiative became possible in the foreign policy field, both by public organizations and individual artists. However, this issue has not been sufficiently investigated at the present stage of historical science.

The purpose of this work was to identify and analyze public projects and creative works of the People's Artist of Russia, muralist V. M. Klykov (1939—2006), aimed at strengthening relations with fraternal states and Slavic peoples.

The research is based on the key principles of historicism, consistency and objectivity, with the use of biographical, retrospective and problem-chronological methods. As a result of working with published and documentary sources, we were able to find out that the Foundation for Slavic Literature and Culture, headed by sculptor Klykov, which assumed international status, implemented a program for the creation of Slavic communities, the preservation of important interethnic ties and the building of relations with the states of the “near abroad” as part of the popularization of the legacy of Saints Cyril and Methodius, Equal-to-the-Apostles. The opening of the International Slavic Cultural Center in Moscow, the delivery of the Holy Fire from Jerusalem, art exhibitions and creative evenings, the installation of monuments and the organization of summit meetings are only part of the work carried out by V. M. Klykov to promote the values of the Russian civilization and the development of cultural dialogue in general. Noting the importance of the national artist's work in this area, the author proceeds from

the fact that a private attempt to preserve previous contacts was necessary in the context of the restructuring of the diplomatic system at the end of the twentieth century. The Foundation's support for Yugoslavia, Serbia, Transnistria, and Montenegro during their internal political crisis, with the uninvolved official position of Russian diplomacy, demonstrated the solidarity of the Russian people with the peoples of these states and contributed to the preservation of constructive interethnic contacts that became a platform for the development of further relations.

Keywords: sculpture, monumental art, international relations, monument, gift, International Foundation of Slavic Literature and Culture, mission, diplomacy, creativity, Russian world, Slavic countries

For citation: Dolzhenkova, T. I. (2025), ““The monumental embassy”: the activity of the people's artist V. M. Klykov in Russia and abroad as a private attempt to strengthen international relations in the 1990s—early 2000s”, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 105—130 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В последнее время многие политологи, социологи и историки всё чаще анализируют культурную дипломатию в контексте формирования позитивного образа России на международной арене (см., напр.: [Ахинова-Арутюнян, 2015; Василенко, 2016; Гавров и Востряков, 2018; Шмагин, 2002]). Некоторые из них даже считают ее «стержнем публичной дипломатии государства», поскольку именно через культуру нация раскрывает миру свою идентичность, представляет свои ценности и идеи [Василенко, 2016: 70]. Специалисты единодушно заявляют, что достижения российской культуры, явленные миру, сделали не меньше, чем военные успехи Российской и советской армии. Даже главы государств и правительств отмечают, что «диалог культур составляет необходимое условие в поиске мирных решений и позволяет бороться против... нетерпимости и экстремизма»¹. Становление новой российской внешней политики в 90-е годы XX века характеризовалось, с одной стороны, отсутствием согласия в официальных кругах по вопросу о ее приоритетных направлениях и сложенной работой компетентных органов власти, а с другой — возможностью

¹ Франкофоны вступились за Ирак // Независимая газета. 2022. 22 окт. URL: http://www.ng.ru/world/2002-10-22/7_france.html (дата обращения: 25.10.2025).

проявления свободы в международном поле [Мальченков, 2014: 53]. В эту переломную эпоху некоторые деятели искусства выступали с частной инициативой по укреплению внешнеполитических связей. Известный отечественный дипломат Е. А. Шмагин отмечал: «В эпоху становления новой России именно культура вновь была призвана работать на укрепление международного авторитета страны, ее доброго имени, демонстрировать открытость российского общества, служить свидетельством возрождения России, ее развития в качестве свободного и демократического государства» [Шмагин, 2002: 62]. Ярким подтверждением этого можно считать творческую деятельность и общественные инициативы В. М. Клыкова (1939—2006) — известного советского и российского скульптора, народного художника России. Однако в этом ключе его деятельность никогда не рассматривалась, да и при изучении культурного наследия скульптора его зарубежным работам уделялось крайне мало внимания [Клыков, 2008: 261—262; Клыков [альбом], 2009]. Мы же видим в проектах скульптора (как общественных, так и монументальных) проявление целенаправленной работы по формированию национальной идентичности в среде соотечественников, живущих за рубежом, приобщению к российской цивилизации традиционно близких славянских государств, созданию благоприятного образа России за границей.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости осознания роли частных культурных инициатив для сохранения внешнеполитических связей с братскими народами в условиях трансформации geopolитической обстановки конца XX века на примере деятельности В. М. Клыкова. Данный аспект творческих и общественных работ скульптора рассматривается впервые, что позволяет говорить о наличии научной новизны.

Постановка вопроса. В данной статье рассматриваются инициативы В. М. Клыкова по установлению или сохранению дружеских отношений с отдельными странами, как правило, славянскими, в переломную эпоху становления нового внешнеполитического курса постсоветской России. При этом во внимание берутся не только творческие, но и общественные проекты скульптора. Здесь же впервые показывается целенаправленность проводимой работы и конкретные мировоззренческие установки неординарного представителя интеллигенции конца XX века,

ставшие основой его деятельности, а также анализируется результативность обозначенных мероприятий. Для решения поставленных задач изучались материалы советской и российской научной и периодической печати, а также музейных фондов.

Методология и методы исследования

Методологическую основу данного исследования составили принципы историзма, системности и объективности в демонстрации исторических условий деятельности скульптора и специфики проявления его индивидуального подхода к реализации международных инициатив. Биографический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы позволили воссоздать последовательность проводимых мероприятий и проанализировать их значимость для сохранения дружеских отношений между отдельными странами и формирования комплиментарного образа России за рубежом в период политической и общественной трансформации государства.

Основная часть

В. М. Клыков — неординарный представитель творческой интеллигенции второй половины XX века

Будущий скульптор родился в курской глубинке, в селе Мармыжи, 19 октября 1939 года. Потом было военное и послевоенное детство, учеба в сельской малокомплектной школе и страстное увлечение рисованием. Окончив школу, он учился в одном из техникумов Курска, затем вошел в первый набор художественно-графического факультета Курского пединститута, а уже оттуда в 1962 году по рекомендации преподавателя А. Г. Шуклина перевелся на факультет скульптуры Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова.

Благодаря упорству, целеустремленности и трудолюбию В. М. Клыков сумел преодолеть все трудности и окончательно определился в своем выборе: «Мне нравилась эта профессия сильных физически, да и духовно людей. Во время учебы в институте установил для себя режим пожестче, чем в армии или даже в монастыре... Это выковало характер, позволивший в дальнейшем справиться со многими задачами, которые для иных казались неразрешимыми [Горовой, 2006: 24].

После окончания 2-го курса В. Клыков отправляет письмо в Курск своему наставнику А. Г. Шуклину, где не только рассказывает о своих успехах и планах, но и рассуждает о роли творческой интелигенции в обществе: «Когда я подумаю, что мы все сидим на шее народа, стыдно становится за жизнь, за искусство большинства художников, артистов и др. представителей “богемы”... В моем представлении художник должен быть сродни могучим эллинам. Сильный физически, пламенный в чувствах, здоровый в искусстве. Только тогда народ поклонится опять искусству и будет брать за образец своей жизни личность художника. Алексей Григорьевич, обещаю Вам, что жизнь я проживу так, чтобы не стыдно стало мне перед моим народом...» (цит. по: [Долженкова, 2021: 19]).

Его старания были вознаграждены: уже на 5-м курсе В. М. Клыков стал участником Первой Московской молодежной художественной выставки, а обе его работы были выкуплены («Мальчик с жеребенком» приобрело Министерство культуры, а «Юность» — Третьяковская галерея) [Кутыкина, 2019: 31]. С этого времени скульптор регулярно участвовал в московских, республиканских, всесоюзных и международных выставках.

В 1968 году В. М. Клыков получил диплом скульптора-монументалиста, а спустя год стал членом Союза художников СССР. Всего им было создано более двухсот работ, среди которых конный монумент Г. К. Жукову на Манежной площади в Москве, Прохоровская звонница на Третьем ратном поле России, многочисленные памятники святым и историческим деятелям. Его профессионализм был по достоинству оценен — он получил почетные звания «Народный художник России» и «Заслуженный деятель искусств РФ», стал лауреатом нескольких государственных премий.

В. М. Клыков был не только плодовитым скульптором, но и активным общественным деятелем со специфическими политическими и религиозно-философскими взглядами. Выходец из крестьянской среды, он был ярым сторонником монархии, глубоко верующим христианином и непримиримым борцом за сохранение национальной идентичности русского народа. Живший на переломе эпох, мастер имел свой уникальный взгляд на прошлое и настоящее, отстаивал идею единения славян, а возведение памятников использовал как способ ее материального воплощения.

Еще при жизни Клыкова его работы вошли в сокровищницу славянской цивилизации, украсив различные города и маленькие населенные пункты не только в России, но и далеко за ее пределами. Места установления монументов за границей выбирались не стихийно — они отражали личные убеждения скульптора о необходимости сохранения контактов с определенными странами, а также способствовали формированию позитивного имиджа России за рубежом, то есть были частной попыткой реализации культурной дипломатии.

Деятельность Международного фонда славянской письменности и культуры по укреплению международных связей

Проводником культурно-дипломатических инициатив В. М. Клыкова стал Международный фонд славянской письменности и культуры, созданный в 1989 году и получивший статус международного в 1991-м [Большаков, 2019: 179]. В 1990 году скульптор стал президентом Фонда и оставался в этой должности на протяжении более 15 лет, до конца своей жизни. Под его руководством эта общественная организация своей повседневной деятельностью доказывала приверженность не только идее славянского просвещения, но и делу укрепления могущества России, воссозданию славянских общин и сохранению важных международных связей, развитию и ретрансляции лучших исторических традиций славянства. Главной целью провозглашалась популяризация наследия святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Как говорил В. М. Клыков, Фонд следует их заветам «будь то в вере, будь то в политике, будь то в отношении к русскому языку, к славянам, к славянскому миру»².

С 1991 года, благодаря усилиям Фонда и лично В. М. Клыкова, День славянской письменности и культуры (25 мая) стал в России официальным ежегодно отмечаемым праздником³,

² В. М. Клыков и славянская идея // Русский вестник. Специально для Курской области. 2000. С. 6 (специальный выпуск еженедельной газеты «Русский вестник» № 16—17 (748—749) 2008 г. решением Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 27.11.2009 внесен в список экстремистских материалов (№ 500)).

³ Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1991 года № 568-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 7 февраля 1991 года. № 6. С. 100.

главной идеей которого, как и самого Фонда, было культурное, духовное, общеславянское единство, приоритет культуры, науки, духовных достижений славянских народов. Также по инициативе Фонда ежегодно проводились празднование годовщины Куликовской битвы и встречи «на стыке» трех великих славянских земель — Белоруссии, России, Украины. Да и возрождением празднования Дня народного единства Россия обязана, прежде всего, Фонду и его руководителю [Полозков 2009: 77].

Нередко в рамках Дней славянской письменности и культуры проходила целая череда значимых межнациональных событий. Так, например, в 1992 году празднование в Москве включало в себя Международный конгресс славянских культур, перенесение Неугасимого огня из Иерусалима, открытие в столице памятника равноапостольным Кириллу и Мефодию и переименование площади, на которой он был установлен, в Славянскую, художественные выставки и конкурсы фольклорных коллективов, театрализованные представления и кинофестиваль «Славянский мир».

Одной из значимых международных акций стала крупномасштабная духовная миссия — перенос Благодатного огня из Иерусалима через все славянские страны в Москву, осуществленная впервые по инициативе Фонда и благословению Святейшего патриарха Алексия II в 1992 году. После пасхальной ночи паломники направились автобусом в Россию, провозя Благодатный огонь через Кипр, Грецию, Югославию, Румынию, Болгарию, Украину, Белоруссию в Россию [Тихон, 2012: 503—505]. За месяц они проехали Константинополь, Салоники, Софию, Белград, Будапешт, Братиславу, Краков, Львов, Киев, Минск, Смоленск, Сергиев Посад. Во главе делегации из 12 человек был епископ Василий Родзянко, а в составе группы — академик Николай Ильич Толстой. На всем пути делегацию встречали прихожане с пасхальными лампадами... Традиции принесения Благодатного огня от Гроба Господня накануне Пасхи, начатая Международным фондом славянской письменности и культуры, была продолжена фондом Андрея Первозванного. Интересен случай, рассказанный кинорежиссером П. М. Ярцевым, бывшим в составе делегации: «Когда мы проезжали по Украине, в одном из городов было объявлено по радио и телевидению, что в кинотеатре вечером будет показан фильм о Благодатном Огне. Когда же мы пришли в кинотеатр, то в зале на

первом ряду сидела одна девочка лет 6—7. Вячеслав Михайлович поблагодарил девочку, и фильм был показан для нее одной»⁴.

По инициативе и при активном участии Вячеслава Михайловича Клыкова Фонд способствовал открытию Международного славянского культурного центра, где принимали делегации из братских государств, проводились православные беседы, литературные и музыкальные вечера с приглашением представителей посольств и диаспор, действовали регулярные книжные ярмарки.

В 1993 году Фондом была организована поездка в Севастополь (Херсон), где проповедовали святые братья. Делегация привезла Неугасимую лампаду из киота памятника на Славянской площади, а также освятила флаг Фонда во время литургии в древней базилике. Спустя год, в мае 1994-го, состоялось путешествие на паруснике «Дружба» в греческий город Салоники, на родину святого великомученика Димитрия Солунского и святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Участникам российской делегации, среди которой были священники РПЦ, писатели, поэты, художники и кинорежиссеры, удалось побывать у святой горы Афон, прикоснуться к святыням, пообщаться с монахами Русского Свято-Пантелеимонова и Сербского Хиландарского монастырей⁵.

Авторитет В. М. Клыкова в славянских странах был необычайно высок, что позволяло ему планировать и осуществлять порой невероятные проекты. Так, в июне 1998 года скульптор стал одним из главных организаторов Международного Славянского съезда в Праге. Он лично готовил многие документы и разрабатывал идеи этого форума, ставшего выдающимся событием в истории славянства. Речь, произнесенная им на этом съезде, была посвящена славянскому единству и продолжала линию русских славянофилов. Все-славянский съезд работал 4 дня с участием делегаций от всех славянских народов, и практически все высказывали обеспокоенность глубоким кризисом славянского мира после распада СССР и прихода к власти либеральных режимов. Была предпринята попытка

⁴ Памяти Вячеслава Клыкова (воспоминания Петра Михайловича Ярцева) // Музей Областного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Советский социально-аграрный техникум имени В. М. Клыкова».

⁵ Там же.

создания Международного славянского комитета (по 5 представителей от каждого государства) под председательством Бржетислава Хвала, бывшего прямым потомком одного из участников первого Славянского съезда 1848 года⁶. Однако действенным органом комитет так и не стал. Его деятельность угасла после смерти В. М. Клыкова.

Сербия — зона особого внимания скульптора

Очень болезненно В. М. Клыков воспринимал события Югославского кризиса. Он говорил: «Если Россия не поможет Балканами, то кто тогда протянет руку славянам? Экспансия в Югославии станет первым шагом на пути покорения России. Если бы наши правители задумывались о стратегических интересах российского государства, связи между славянами укреплялись бы постоянно и на должном уровне. Граждане наших стран не должны забывать друг друга: если забудут — всё позитивное, накопленное вековой историей рухнет»⁷.

Сам скульптор дважды посетил Сербию, которую считал родной. После визитов Вячеслав Михайлович отмечал, что большого национального раскола в этой стране нет, и «одна из причин этого — сохранившееся сербское крестьянство, авторитет сербской православной церкви, патриарха Павла⁸.

Переживая за судьбу сербов, скульптор подарил им два символических памятника, призванных духовно скрепить и защитить этот народ. Монумент Сергею Радонежского (уменьшенная копия известной работы Клыкова) был установлен в 1992 году в центре Дунайского парка во время второго визита скульптора в город Нови-Сад⁹. Спустя 10 лет Вячеслав Михайлович открыл еще

⁶ Платонов О. Всеславянский съезд в Праге // Русский вестник. 2018. 11 авг. С. 1 (специальный выпуск еженедельной газеты «Русский вестник» № 16—17 (748—749) 2008 г. решением Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 27.11.2009 внесен в список экстремистских материалов (№ 500)).

⁷ Клыков В. М. Защищая Сербию — защищаем Россию // Литературная газета. 1992. № 103, 4 декабря. С. 3.

⁸ Клыков В. М. Болезнь под названием «теплохладность» (беседовала Г. Симонова) // Дух христианина. 2006. № 11, 1 июня. С. 19—20.

⁹ Памятник Сергию Радонежскому в Нови-Саде // Rutraveller. URL: <https://rutraveller.ru/place/136012> (дата обращения: 20.01.2025).

один монумент — скульптурное изображение основателя национальной церкви святого Саввы Сербского — на площади около собора Святого Саввы в Белграде. Бронзовую фигуру святого с крестом и книгой в руках автор поместил на высоком постаменте с надписью: «Трудом своим вся приобрете». Монумент был подарен Сербии российским фондом Андрея Первозванного.

С сербами у В. М. Клыкова были особые отношения. Вот что вспоминает об этом Герой Советского Союза, генерал-майор ВДВ А. Солуянов: «При жизни, он, пожалуй, был больше оценен в православной Сербии... В 1999 году в разгар натовских бомбардировок, мы вместе с ним находились там в командировке. Сербы настолько тепло его встречали, как никто не встречал на Родине»¹⁰.

Скульптор отмечал, что в сербский православный крест вписаны 4 буквы «с» — «само слога србинаспасава» (только согласие спасет сербов) и предлагал этот символ прочитать по-другому: «Только согласие спасет славян...»¹¹. Международный Фонд славянской письменности и культуры последовательно и упорно следовал этому принципу, поддерживая сербских братьев: организовывал выставки, дружеские вечера, принимал делегации сербской молодежи, священнослужителей, общественных деятелей. В этот период в Совет Фонда входили три серба: профессор Р. Мароевич, поэт З. Костић и публицист из Нови Сада В. Мичунович¹².

В. М. Клыков осуждал участие российских властей в наложении ООН санкций против Сербии и Черногории, считая это «предательством православной идеи и народа, который историческими судьбами связан с Россией и православием»¹³. В одном из своих интервью говорит: «Что я мог, как скульптор, сделать для Сербии? Я подарил ей памятник преподобного Сергия Радонежского, памятник святому Савве Сербскому, памятник Державной иконе Пресвятой Богородицы. Был бы я генералом, то сам бы возглавил Армию Сербскую... Мы сохраняем дружественные связи. А официальная Россия уже предала Сербию, иначе не было бы сейчас

¹⁰ Скульптуры В. М. Клыкова за рубежом // В. М. Клыков. URL: <https://klykov-museum.ru/biography> (дата обращения: 03.01.2024).

¹¹ Клыков В. М. Болезнь под названием «теплохладность»...

¹² Клыков В. М. Защищая Сербию — защищаем Россию.

¹³ Печерский А. Вячеслав Клыков: «Болит душа за Россию» // Правда. 1992. 2 июля. С. 5.

косовской проблемы. Им стоило лишь проголосовать в Совете Европы, и агрессия в 1991 году была бы предотвращена. Но сербы тоже виноваты: они продали своего президента, а потом землю. Теперь Сербию разваливают на две части: на Сербию и Черногорию и пытаются затоптать»¹⁴.

Вынашивал В. М. Клыков идею создания ассоциации «Два ратных поля — Косово и Куликово», желал создать дружеский «мост» Черноземье — Черногорье для сотрудничества в экономике, культуре и, конечно, духовности¹⁵.

Таким образом, В. М. Клыков не только делал громкие заявления в области внешней политики, но и занимался воплощением конкретных дипломатических инициатив, четко представляя цели своей деятельности и будучи готовым нести за нее ответственность.

Триединство русского народа — центральная идея общественной деятельности скульптора

Являясь поборником объединения триединого русского народа в единое государство, В. М. Клыков заявлял: «Наша задача — сделать все возможное, чтоб объединение свершилось как можно быстрее. Это важно для славян: и для украинцев, и для русских, и для белорусов. Мы не можем друг без друга жить. А процессы разъединения инспирируются врагами славян, врагами России»¹⁶. Его убеждения были подкреплены конкретной работой, направленной на достижение поставленных задач. Так, в 1997 году в Белгороде прошло совещание глав администраций приграничных областей Украины, Белоруссии и России, в котором приняли участие 17 руководителей. Здесь также были озвучены идеи о триединстве русского народа (великороссы, малороссы и белороссы) и необходимости сплочения славян. При этом сам скульптор понимал, что пока к воплощению в жизнь его идей не готовы «не только общественные организации, но и наши правящие чиновники»¹⁷.

¹⁴ Клыков В. М.: Болезнь под названием «теплохладность»... С. 20.

¹⁵ Клыков В. М. Защищая Сербию — защищаем Россию.

¹⁶ Клыков В. «Наш народ не сломлен» / беседу вела И. Панова // Ветеран. 1996. № 36 (сентябрь). С. 10.

¹⁷ Печерский А. Главная идея России // Русь державная: православная народная газета. 1998. № 1 (45). С. 4.

Одним из его общественно-политических проектов по укреплению славянского братства была программа «Славянское село Троицкое», которая даже обсуждалась в Прохоровке на встрече президентов России, Украины, Беларуси, а позднее получила одобрение Президента России В. В. Путина. На стыке трех дорог, что ведут из Украины, Беларуси, России (на территории Брянской области), планировалось построить Троицкий храм и одноименное село, где должны были жить представители трех славянских народов. Это село должно было стать прообразом будущего славянского государства. На вопрос о финансировании проекта В. Клыков отвечал: «Идея часто куда сильнее, чем деньги»¹⁸. Еще в 2011 году, когда уже не было вдохновителя этого проекта, об идее помнили¹⁹, но дальнейшие политические события на Украине не дали осуществить задуманное.

Летом 2001 года по инициативе Клыкова и Фонда в Москве прошел Съезд триединого русского народа, в работе которого приняли участие весьма представительные делегации России, Украины и Беларуси, а также славянская общественность Приднестровья, Средней Азии и Югославии. Всего собралось более тысячи человек. Это был, по сути, первый съезд братских славянских народов после 1991 года. На съезде присутствовал ряд видных политиков, пришли поздравления от Святейшего Патриарха Алексия II, президентов России и Белоруссии²⁰. Здесь снова была высказана идея объединения триединого русского народа в одном государстве.

Широкая общественная деятельность не отменяла творческое самовыражение автора, а дополнялась им. Скульптуры стали вещественным воплощением идей В. М. Клыкова, а так как они выходили за рамки государственных границ, то и его монументы были установлены во многих странах.

¹⁸ Встань за правду, курская земля! // Нива. 2000. 18 окт. С. 1.

¹⁹ Храм трех государств в честь святой Троицы будет построен на стыке границ России, Украины, Белоруссии. URL: <https://pravoslavie.ru/48006.html> (дата обращения: 21.12.2020).

²⁰ Большаков В. В. М. Клыков и Всероссийское соборное движение // Русский вестник. 2014. [Б. д.], № 12 (900). С. 11 (специальный выпуск еженедельной газеты «Русский вестник» № 16—17 (748—749) 2008 г. решением Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 27.11.2009 внесен в список экстремистских материалов (№ 500)).

Скульптура В. М. Клыкова за рубежом

Установка зарубежных памятников происходила, как правило, на территории бывшего Советского Союза и стран социалистического блока и была направлена на расширение российского культурного присутствия в некогда братских республиках, сохранение памяти об общей истории и поддержание культурного единства стран.

Одной из первых заграничных работ стал памятник Александру Сергеевичу Пушкину, установленный в Тирасполе (непризнанная столица Приднестровской Молдавской республики) у Центральной городской библиотеки, с 2002 года носящей его имя. Это торжественное событие произошло 26 мая 1990 года. С тех пор ежегодно по праздникам здесь собираются поклонники великого русского поэта и рассказывают о жизни и творчестве Александра Сергеевича, читают его стихи, показывают театрализованные представления по мотивам его произведений, а в заключение все собравшиеся возлагают цветы к памятнику Пушкину. Монумент изображает поэта в полный рост, опирающегося на классическую колонну, увенчанную небольшой скульптурой Пегаса, символа поэтического творчества и вдохновения²¹.

Еще один монумент А. С. Пушкину В. М. Клыков разместил в центре Софии (Болгария) в саду Русской посольской церкви Святого Николая Чудотворца в соавторстве с болгарским архитектором Святославом Константиновым. Бронзовый бюст на высоком постаменте из черного гранита торжественно был открыт 6 июня 2001 года при поддержке мэра города²². Сама идея установления памятника русскому поэту в Болгарии принадлежит Фонду имени Пушкина, а Вячеслав Клыков на собственные средства изготовил памятник и подарил городу по случаю 202-й годовщины со дня рождения классика²³.

²¹ Кашилева М. Два Пушкина // Приднестровье. 2018. 6 июня. URL: <http://pridnestrovie-daily.net/archives/29950> (дата обращения: 02.01.2025).

²² Памятник Александру Сергеевичу Пушкину в 2025—2026. URL: https://www.turizm.ru/bulgaria/sofia/places/pamyatnik_aleksandru_sergeevichu_pushkinu/ (дата обращения: 30.01.2025).

²³ Скульптуры В. М. Клыкова за рубежом // В. М. Клыков. URL: <https://klykov-museum.ru/biography> (дата обращения: 03.01.2024).

Подобные проекты позволяли разным народам ощутить тесную связь с русской культурой, традиционными для России ценностями, осознать общность цивилизации.

География творчества мастера обширна. Его произведения есть даже в Италии: на русском подворье в храме Святителя Николая г. Бари расположен монумент Николая Чудотворца, выполненный в характерной для Клыкова манере, напоминающей подобные скульптуры в России, что обеспечивало связь православных соотечественников с местом погребения почитаемого ими святого.

В списке творческого наследия Вячеслава Клыкова, в перечне работ, созданных в 1990-е годы, также указаны памятная плита над гробом апостола Петра и памятная доска в виде барельефа с изображением святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в базилике Санта Климента (Рим). Считается, что именно в этой базилике находится место погребения Кирилла, поэтому со временем здесь сложился своеобразный славянский уголок: каждый народ разместил здесь мемориальную доску со словами благодарности своему просветителю. От России здесь сразу две памятные плиты — от имени Русской Православной Церкви и от молодёжи России.

В. М. Клыков, являясь создателем первого памятника первоучителям Кириллу и Мефодию в России (Москва, 1992 год), создал и подарил барельеф святых равноапостольных братьев-просветителей соседней Украине. Эта работа размещена в 2005 году на здании библиотеки имени Тимирязева в городе Винница²⁴. О памятнике и обстоятельствах его установки свидетельствует гранитная плита с текстом на украинском языке.

Если говорить об Украине, то самым грандиозным клыковским монументом на ее территории является изваяние князя Святослава Храброго, находящееся в Запорожье²⁵. Скульптор преподнес его городу в качестве подарка в связи с рядом знаменательных дат: 1040-летие разгрома Хазарского каганата князем Святославом, 235-летие основания города, 62-летие освобождения города от фашизма.

²⁴ Барельеф, посвященный Кириллу и Мефодию в г. Виннице. URL: <https://www.shukach.com/ru/node/4409> (дата обращения: 02.12.2024).

²⁵ Жмуцкий Д. Великий сын России и Украины Вячеслав Клыков // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 2006. 1 июля. URL: https://ruskline.ru/analitika/2006/07/01/velikij_syn_rossii_i_ukrainy_vyacheslav_klykov (дата обращения: 21.03.2023).

Пятиметровый памятник был открыт 15 октября 2005 года в Воскресенском парке на берегу Днепра, напротив острова Хортица. Святослав словно передает потомкам с высокого постамента оружие защиты: «Возьмите меч, несите нашу славу!». Присутствовавший на торжественном мероприятии архиепископ Запорожский и Мелитопольский преподобный Василий сказал: «У нашего народа появился объединяющий символ — прекрасный памятник Святославу...» Эту мысль продолжил и автор памятника Вячеслав Михайлович Клыков: «Ни в коем случае нельзя разделять русских, украинцев и белорусов»²⁶. Монумент стал одним из самых узнаваемых среди многочисленных и многогранных произведений скульптора, в то же время он практически сразу подвергся резкой критике украинских националистов, которые обвинили скульптора в искажении истории Руси и образа князя. На этой волне ряд историков и общественных активистов обратились к тогдашнему президенту Украины Виктору Ющенко с просьбой о демонтаже памятника²⁷.

Не менее узнаваемым можно назвать «клыковский» крест, выполненный в древнерусских традициях и устанавливаемый Международным фондом славянской письменности и культуры в честь первоучителей. Он стоит не только во многих российских городах, но и во втором по величине городе Греции — Салониках. Открытие этого монумента состоялось в мае 1994 года в рамках девятого празднования Дня славянской письменности и культуры и паломнической поездки, о которой говорилось выше. Это один из самых больших «клыковских» крестов — его высота 35 метров [Клыков, 2008: 262].

Интересно, что спустя одиннадцать лет в Греции появился еще один памятник, выполненный мастером в последний год жизни и условно названный «Скорбящая». В мае 2005 года в Афинах на одном из крупнейших проспектов — Сингру — была установлена бронзовая фигура Матери возле мраморного барельефа с изображением сраженного пулей воина в форме советского солдата. На пьедестале начертано: «Советским воинам, павшим за свободу и независимость

²⁶ Емельянов И. Защитник земли русской // Казаки. Спецвыпуск. 2006. Июнь. С. 29.

²⁷ doctor Shishin [блог]. Страсти по Святославу. 2016. 28 февр. URL: <https://cont.ws/@anjaneva/212139?ysclid=m6o45d8gix208775029> (дата обращения: 18.01.2025).

Греции. 1941—1944 гг.». Идея этого произведения — в напоминании о цене, которую заплатили наши солдаты за возвращение мира²⁸. Так средствами искусства в очередной раз была запечатлена общая историческая память.

Последней работой скульптора, направленной на формирование дружественных связей с другими странами, стал памятник основателям Славяно-греко-латинской академии, греческим просветителям братьям Иоанникою и Софонию Лихудам, установленный в Москве в 2007 году уже после смерти В. М. Клыкова. Этот монумент — дар правительства Греции — находится недалеко от Красной площади, рядом с Заиконоспасским и Богоявленским соборами. А в распоряжении об установлении памятника говорится, что это делается «в целях развития общественно-политических и культурных связей с Грецией»²⁹, что наглядно подтверждает указанную нами целенаправленность творческой и общественной деятельности скульптора.

Эффективность «монументального посольства» В. М. Клыкова

В. М. Клыков своими скульптурами, размещенными за границей, пытался укрепить разрушенные связи государства, народа, стараясь объединить национально близкие страны и города. По мнению современников и участников этих событий, «он настоящий богатырь духа, ума и таланта, который выступает защитником того, что мы называем традицией, то есть национальных, культурных, духовных и даже генетических особенностей народа...»³⁰. Всё его творчество есть выражение жизненной и гражданской позиции, которую он яростно отстаивал. Порой позиция скульптора встречала негативную реакцию, как было с одним из памятников князю Святославу, созданному в память о разгроме в 965 году

²⁸ В Афинах поставили памятник советским воинам, павшим за свободу Эллады // Православие.ru. 2005. 20 мая. URL: <http://www.pravoslavie.ru/13534.html> (дата обращения: 08.12.2023).

²⁹ Распоряжение Правительства Москвы № 1005-РП «Об установке в Москве памятника греческим просветителям братьям Иоанникою и Софонию Лихудам» 24.05.2007. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/26440220/> (дата обращения: 18.01.2023).

³⁰ Заева Д. «Он шёл всю жизнь своей дорогой» // Курская быль. 2008. 23 авг. С. 12.

Хазарского каганата. В беседе с корреспондентом газеты у себя на родине Клыков так объяснил побудительный мотив обращения к этому образу: «Восстановление исторической справедливости является для меня синонимом служения русскому народу!»³¹. Однако творческое воплощение выдающегося славянского полководца стало причиной конфликта с Федерацией еврейских общин России (ФЕОР): в скульптурной модели на щите поверженного князем воина была изображена шестиконечная звезда, что объяснялось широким распространением иудаизма в Хазарии того времени. После презентации проекта широкой общественности В. М. Клыкова обвинили в антисемитизме³² [Верховский, 2006]. Конфликт удалось прекратить изменением рисунка щита на основном монументе, который в июле 2006 года, уже после смерти скульптора, был установлен в Белгородской области.

Из множества созданных В. М. Клыковым произведений, в том числе и зарубежных, только установка этого монумента стала причиной наметившегося напряжения в межэтнических отношениях. В целом же, практически все творческие и общественные инициативы мастера способствовали улучшению дипломатических отношений, продвижению ценностей русского мира, формированию позитивного образа российской цивилизации на международной арене и культурного диалога в целом. В. М. Клыков своими скульптурами, размещенными за пределами России, пытался укрепить разрушенные связи государства, народа, стараясь объединить национально близкие страны и города, отстаивая интересы народа в далекой перспективе. «Он думает и видит на 10 лет вперед», — говорили о нем современники³³. Насколько высоко значение культурной дипломатии, особенно монументальных произведений, стало понятно в начале XXI века, когда развернулась настоящая война с памятниками и война памятников (см., напр.: [Кокоулин, 2021; Попов, 2023]).

³¹ Полунина О. Служение русскому народу // Нива. 2006. 18 янв. С. 3.

³² Скульптура Вячеслава Клыкова, установленная в Белгороде, иска- жает историю и оскорбляет чувства верующих: Федерация еврейских об- щин России // ИА REGNUM 2005. 21 ноября URL: <https://regnum.ru/news/547530> (дата обращения: 20.01.2025).

³³ Кондратьева С. Владимир Харин: Нам нужна великая Россия...[бе- седа] // VIP / Взгляд. Информация. Партнерство. Курск. 2016. № 2. URL: <https://www.vipvkurske.com/articles/1757/> (дата обращения: 13.04.2024).

Зарубежные работы В. М. Клыкова в условиях «мемориальных войн»

Общественный памятник как высоко контактное произведение, размещенное в открытом публичном пространстве, обладает расширенной коммуникацией, насыщая окружающую среду смыслами. По мнению А. М. Кулемзина, воспитывающее воздействие монументов можно сопоставить «с действием психотропного оружия: оно повсюду, его влияние не осознается, но оно постоянно воздействует на людей» [Кулемзин, 2008].

Для противников политического режима памятники, напротив, являются олицетворением ценностей «вражеского лагеря». Поэтому смена власти всегда приводила за собой и демонтаж памятников прежней эпохи, своеобразный символический акт осуществляемого переворота. «Расправа над памятниками представляла собой необходимый для наглядно-образного мышления масс ритуал низвержения “неправедного режима” в лице его героев» [Багдасарян, Федулин, 2013]. Война с памятниками и война памятников, охватившая большинство посткоммунистических стран на рубеже XX—XXI веков и после 2014 года, укладывается в определенную идеологическую канву, что в очередной раз доказывает связь монументальной скульптуры и идеологии.

Так, в марте 2022 года подверглась нападению одна из последних работ скульптора — «Скорбящая» в Греции. Памятник облили краской и изрисовали украинской символикой³⁴. После этого случая вандализма остается открытый вопрос о судьбе других монументов за границей. Не станут ли они заложниками или жертвами сменившейся геополитической обстановки и идеологии стран, где они находятся? Какова их судьба и сохранены ли они в настоящее время? Достоверные ответы на эти вопросы пока получить невозможно.

Очевидно, что искусство не может быть ни вне политики, ни вне идеологии. А учитывая особенности современного информационного общества, скульптура, как и многие другие виды творческой деятельности, становится средством ведения борьбы. Уничтожение памятников противника является одним из направлений войны нового поколения. Символическое поле в данном случае не

³⁴ Посольство РФ потребовало от Греции расследовать осквернение Памятника советским воинам // ТАСС. 2022. 19 марта. URL: <https://tass.ru/politika/14124909> (дата обращения: 14.04.2023).

менее важно, чем поле прямых боевых действий [Там же]. Понимание этого приводит к выводу о необходимости формирования собственной государственной политики по созданию символического пространства, в том числе и средствами монументальной скульптуры.

Заключение

В. М. Клыков жил полноценной и насыщенной жизнью, успевал заниматься творчеством, выступать в прессе и участвовать в общественных мероприятиях, одновременно всеми силами добиваясь объединения славян разных государств. Говорил: «Я сознательно подчинил всю свою жизнь русскому делу. Много было предложений из-за рубежа, из Италии, например, или Канады, но я никуда не поехал. Я считаю, что всякий талантливый русский человек должен трудиться во благо и созидание Русской Державы. Россию надо любить, и тогда всё встанет на свои места, в той божественной иерархии, в которой всегда пребывало»³⁵. Его можно по праву назвать одним из самых интересных, самобытных художников нашего времени. Несмотря на крестьянское происхождение, он один из лучших представителей интеллигенции конца XX века, выразитель передовых для своего времени взглядов, истинный патриот и подвижник.

Это подтверждает взгляды В. С. Меметова на сущность интеллигенции не столько как хранителя традиций и консервативного начала культуры, сколько как творца в ней новых идей, идеалов и ценностей [Олейник, 2021: 23]. Справедливым представляется и мнение о необходимости междисциплинарного подхода к изучению феномена интеллигенции и ее роли в различных сферах общественной жизни [Сибиряков, 2024: 62, 68].

Человек неоднозначно оцениваемый, но, несомненно, творческий, В. М. Клыков с присущей ему энергией и масштабом брался за многие проекты и идеи, выражая не только собственное видение прошлого и настоящего своего Отечества, но и решая разнообразные актуальные задачи. Его общественная работа стала своеобразным фильтром, помогающим понять логику выбранных тем и смысловое содержание творческих произведений В. М. Клыкова. Бесспорно то, что и творческая, и общественная его деятельность оказали большое влияние на построение международных отношений в условиях трансформации общественно-

³⁵ Цит. по: *Печерский А.* Вячеслав Клыков: «Болит душа за Россию».

политической и социально-экономической жизни новой России, сплотив на тот период вокруг русской идеи славянские народы, зrimо выразив историческую связь со многими государствами, продемонстрировав дружественное настроение новой России к близким по духу зарубежным странам.

Факты из творческой биографии конкретного представителя искусства подчеркивают имеющиеся возможности благотворного влияния созданных произведений отдельной личности на международные отношения, способности отражения исторической взаимосвязи народов, сохранения уважения к другим культурам, улучшения взаимопонимания опыта и достижений прошлых лет. Все эти задачи актуальны и по сей день. В эпоху военных конфликтов и международной нестабильности роль культуры как инструмента «мягкой силы» в дипломатии невозможно переоценить.

Список источников

- Ахинова-Арутюнян Л.* Искусство как инструмент международных отношений // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. 2015. 2 марта. URL: <https://russia-armenia.info/node/15114> (дата обращения: 02.12.2024).
- Багдасарян В. Э., Федулин А. А.* Монументальная скульптура и борьба идеологий: история и актуальные вызовы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monumentalnaya-skulptura-i-borba-ideologiy-istoriya-i-aktualnye-vyzovy> (дата обращения: 01.02.2023).
- Большаков В. И.* Время собирать камни. М.: Достоинство, 2019. 208 с.
- Василенко Е.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы: электронный журнал. 2016. № 1. С. 67—79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomiya-kak-instrument-myagkoj-sily-gosudarstva> (дата обращения: 22.01.2025).
- Верховский А.* Антисемитизм в России. 2005 год. Основные события и новые тенденции // Сова: исследовательский центр. 2006. Март. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/antisemitism/articles-reports/2006/03/d7539/> (дата обращения: 13.03.2024) (настоящий материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Исследовательский центр «Сова» либо касается деятельности иностранного агента Исследовательский центр «Сова»).
- Гавров С. Н., Востряков Л. Е.* Культурная дипломатия как инструмент конструирования и трансляции притягательного бренда российского государства // Вестник Московского государственного

- университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 26—33.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-kak-instrument-konstruirovaniya-i-translyatsii-prityagatelogo-brenda-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 22.01.2025).
- Горовой Л.* Дыхание вечности // Казаки. Спецвыпуск. 2006. Июнь. С. 22—27.
- Долженкова Т. И.* Курский характер. Курск: Полстар, 2021. 220 с.
- Клыков В. М.* Курский край: в 20 т. Т. 19. Ч. 1: Время. События. Люди / авт.-сост. В. В. Левченко. Курск: Учитель, 2008. С. 261—262.
- Клыков В. М.*: памяти Вячеслава Михайловича Клыкова посвящается: [альбом] / сост. Н. И. Берлизев, И. К. Полозков, В. М. Харин. Мытищи: ИДООО «Роликс», 2009. 122 с.
- Кокоулин В.* «Война памяти» и «война памятников» как фактор дестабилизации российского социума // Суть времени. 2021. 28 мая. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/4675604a> (дата обращения: 15.01.2025).
- Кулемзин А. М.* К толерантности без монументальной пропаганды // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 4—9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-tolerantnosti-bez-monumentalnoy-propagandy> (дата обращения: 01.02.2023).
- Кутыкина Л.* Восславил Русь руками золотыми // Драгоценные жемчужины. 2019. № 3. С. 31—35.
- Мальченков С. А.* Западное и восточное направления во внешней политике России в 90-е гг. XX в. // Вестник Мордовского университета. Серия Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 53—57.
- Олейник О. Ю.* О значении научного наследия В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 9—29.
- Полозков И. К.* Мы знаем его таким / авт. колл. Уваров А. Т., Берлизев Н. И., Ивлев А. Ф., Кононова С. И., Полозкова Н. И. М., 2009. 135 с.
- Попов Д.* «Война с памятниками» как столкновение исторических нарративов в Латвии // Российский совет по международным делам. Аналитика и комментарии. 2023. 6 февр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/voyna-s-pamyatnikami-kak-stolknovenie-istoricheskikh-narrativov-v-latvii/?ysclid=m6o3z6hvci648253338> (дата обращения: 15.01.2025).
- Сибиряков И. В.* Научная школа профессора В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 59—71. doi: 10.46725/IW.2024.1.3.
- Тихон (Шевкунов), митр.* «Несвятые святые» и другие рассказы. 5-е изд., испр. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 640 с.
- Шмагин Е. А.* Культура и дипломатия // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 61—73.

References

- Akhinova-Arutiunian, L. ‘Art as a tool of international relations’, *Tsentr podderzhki russko-armianskikh strategicheskikh i obshchestvennykh initiativ* [Center for Support of Russian-Armenian Strategic and Public Initiatives. 2015. 2 March], available at: <https://www.sarinfo.org/news/pressreview/iskusstvo-kak-instrument-mezhdunarodnyh-otnosheniy.html> (Accessed 02 December 2020).
- Bagdasaryan, V. E. and Fedulin, A. A. (2013), ‘Monumental sculpture and the struggle of ideologies: history and current challenges’, *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Service and Tourism: Current Challenges], no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/monumentalnaya-skulptura-i-borba-ideologiy-istoriya-i-aktualnye-vyzovy> (Accessed 01 February 2023).
- Berlizev, N. I., Polozkov, I. K. and Kharin V. M. (comps) (2009), *Klykov V. M. : pamiatni Viacheslava Mikhailovicha Klykova posviashchetsia: [al'bom]* [Klykov, V. M.: In memory of Vyacheslav Mikhailovich Klykov: [album]], IDOOO “Roliks”, Mytishchi, Russia.
- Bolshakov, V. I. (2019), *Vremia sobirat' kamni* [Time to collect stones], Dostoinstvo, Moscow, Russia.
- Dolzhenkova, T. I. (2021), *Kurskii kharakter* [Kursk character], Polstar, Kursk, Russia.
- Gavrov, S. N. and Vostryakov, L. E. (2018), ‘Cultural diplomacy as a tool for constructing and broadcasting an attractive brand of the Russian state’, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], no. 2 (82): 26—33, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomiya-kak-instrument-konstruirovaniya-i-translyatsii-prityagatel'nogo-brenda-rossiyskogo-gosudarstva> (Accessed 22 January 2025).
- Gorovoy, L. (2006), ‘Breath of Eternity’, *Kazaki. Spetsvypusk* [Cossacks. Special issue], Iiun': 22—27.
- Kokoulin, V. (2021), ““War of Memory” and “War of Monuments” as a factor of destabilization of Russian society”, *Sut' vremeni* [The essence of time], 2008, May 28, available at: <https://rossaprimavera.ru/article/4675604a> (Accessed 15 January 2025).
- Kulemin, A. M. (2008), ‘Towards tolerance without monumental propaganda’, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 5: 4—9, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-tolerantnosti-bez-monumentalnoy-propagandy> (Accessed 01 February 2023).
- Kutyrina, L. (2019), ‘He glorified Rus’ with golden hands’, *Dragotsennye zhemchuzhiny* [Precious pearls], no. 3: 31—35.
- Levchenko, V. V. (author-comp.) (2008), ‘Klykov V. M.’, *Kurskii krai v 20 tomakh, tom 19, chast' 1: Vremia, Sobytiia, Liudi* [Kursk region in

- 20 vol., vol. 19, part 1: Time, Events, People], Uchitel', Kursk, Russia, Russia: 261—262.
- Malchenkov, S. A. (2014), ‘Western and Eastern directions in Russian foreign policy in the 90s XX centuries’, *Vestnik Mordovskogo universiteta, seriya: Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Mordovia University Bulletin, Humanitarian, Economic and Social Sciences], no 3: 53—57.
- Oleynik, O. Yu. (2021), ‘On the significance of the scientific heritage of V. S. Memetov’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 9—29.
- Polozkov, I. K. (2009), *My znaem ego takim* [We know him like this], in Uvarov, A. T., Berlizev, N. I., Ivlev, A. F., Kononova, S. I. and Polozkova, N. I. (eds.), Moskva, Russia.
- Popov, D. (2023), ““War on Monuments” as a clash of historical narratives in Latvia”, *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, analitika i kommentarii* [Russian Council on International Affairs, Analytics and Comments], 6 February, 2023. available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/voyna-s-pamyatnikami-kak-stolknovenie-istoricheskikh-narrativov-v-latvii/?ysclid=m6o3z6hvc648253338> (Accessed 15 January 2025).
- Shmagin, E. A. (2002), ‘Culture and diplomacy’, *Mezhdunarodnaia zhizn'* [International Affairs], no. 3: 61—73.
- Sibiryakov, I. V. (2024), ‘Scientific school of Professor V. S. Memetov’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 1: 59—71, doi: 10.46725/IW.2024.1.3, doi: 10.46725/IW.2024.1.3.
- Tikhon (Shevkunov), Bishop (2012), “*Nesviatye sviatye*” i drugie rasskazy [“Unholy Saints” and other stories], Izdatel'stvo Sretenskogo monasteriya, Moscow, Russia.
- Vasilenko, E. (2016), ‘Cultural diplomacy as a tool of the state’s “soft power”’, *Perspektivy: elektronnyi zhurnal* [Perspectives and prospects: E-journal], no. 1: 67—79, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-kak-instrument-myagkoy-sily-gosudarstva> (Accessed 22 January 2025).
- Verkhovsky A. (2006), ‘Anti-Semitism in Russia. 2005. Main events and new trends’, *Sova: issledovatel'skii tsentr* [Owl: Research Center], 20066 March, available at: <https://www.sova-center.ru/en/xenophobia/reports-analyses/2006/03/d7592/> (Accessed 13 March 2016) (this material (information) was produced and/or distributed by a foreign agent, the Sova Research Center, or concerns the activities of a foreign agent, the Sova Research Center).

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

T. I. Dolzhenkova — кандидат исторических наук, заместитель директора, Советский социально-аграрный техникум имени В. М. Клыкова, Курск, Россия.

T. I. Dolzhenkova — Candidate of Science (History), Deputy Director, V. M. Klykov Soviet Socio-Agrarian Technical School, Kursk, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

SOCIOLOGY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 131—155.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 131—155.

Научная статья

УДК 323.329:94(47+57)"1920"

EDN <https://elibrary.ru/mfnmkc>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.7

Научная специальность ВАК
5.4.5. Политическая социология
5.6.1. Отечественная история

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ 1922 ГОДА

Наталья Анатольевна Хлопаева

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского (Академия Достоевского), Санкт-Петербург,
Россия, hlopaeva@gmail.com, SPIN-код: 7757-6195,
<https://orcid.org/0009-0005-7976-6854>

Мария Евгеньевна Хлопаева

Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации, Москва, Россия, mhlopaeva@ya.ru,
SPIN-код: 9065-8978, <https://orcid.org/0009-0001-0250-5147>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования коммуникационной стратегии большевиков в их взаимодействии с интеллигенцией в 1922 году. Количественный и качественный анализ содержания релевантных материалов советской прессы, опубликованных в течение указанного года, позволил проследить формирование и эволюцию стратегии на обширном иллюстративном материале, определить соотношение оценок деятельности представителей интеллигенции, выявить наиболее часто затрагиваемые в медиаполе темы, семантическое ядро медиатекстов. По

результатам исследования представлены выводы: негативные оценки в публикациях преобладают — 52 %; доля нейтральных оценок составляет 28 %, положительных — 20 %. Главными темами, в контексте которых упоминается взаимодействие власти и интеллигенции, являются «Образование и наука», «Русская эмиграция», «Литература и искусство», «Процесс над эсерами». Коммуникационная стратегия советскойластной элиты, отраженная в материалах прессы, характеризуется как наступательная в кризисных условиях. Это стратегия убеждения, на разных стадиях побуждающая читателя к анализу аргументов, к выводам и действиям. Стратегической целью является победа в борьбе за прочную легитимную власть.

Конфликт власти и интеллигенции в зеркале советской печати представлен не только как идеологическое противостояние, но и как борьба поколенческая, между старым, сложным, неоднозначным, меланхоличным, медленным, с одной стороны, и молодым, доступным, понятным, оптимистичным и энергичным, с другой. Реализация коммуникационной стратегии способствует укреплению легитимности и справедливости решений советской власти в восприятии своих граждан, а также для зарубежной аудитории, развитие экономических связей с которой является одной из приоритетных задач большевиков.

Ключевые слова: власть, интеллигенция, философский пароход, высылка, СМИ, пресса, медиа, медиаисследования, коммуникационная стратегия

Для цитирования: Хлопаева Н. А., Хлопаева М. Е. Власть и интеллигенция: реконструкция коммуникационной стратегии по материалам советской прессы 1922 года // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 131—155.

Original article

TOWARD AN UNDERSTANDING OF BOLSHEVIKS — INTELLIGENTSIA COMMUNICATION STRATEGY (BASED ON THE SOVIET PRESS MATERIALS OF THE 1922)

Natalya A. Khlopaeva

Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (Dostoevsky Academy), Saint Petersburg, Russia, hlopaeva@gmail.com, SPIN-код: 7757-6195, <https://orcid.org/0009-0005-7976-6854>

Maria E. Khlopaeva

The State Duma, The Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow) Moscow, Russia, mhlopaeva@ya.ru, SPIN-код: 9065-8978, <https://orcid.org/0009-0001-0250-5147>

Abstract. The article presents some results of the study of the Soviet Press representation of “Bolsheviks—Intelligentsia” Communication Strategy. The goal of media investigation was to characterize the evolution of communication strategy; to determine the tone of media coverage; to classify the themes which are covered widely across the media; to examine the context in which “Bolsheviks—Intelligentsia” is referred to most often. Based on the quantitative and qualitative analyses of Soviet Press articles in 1922, this study has revealed that: media articles portrayed Intelligentsia negatively (52 %), neutrally (28 %), positively (20 %). The thematic analysis reveals that “Bolsheviks—Intelligentsia” — related news articles are generally framed via three main themes: “Science & Education”, “White Emigrants”, “Art & Literature” and «Trial of the Socialist Revolutionaries». Communication Strategy of the Bolshevik Party is offensive Strategy in the Context of Crisis. It is also Persuasion Strategy aimed at convincing an audience to think analytically about the arguments in the news articles. The Strategic Goal is stable legitimate Power. «Bolsheviks—Intelligentsia» conflict in press is not only ideological confrontation, but also generational conflict referred to a strong disagreement between old and young, ambiguous and clear, melancholic and optimistic, slow and agile. The implementation of a communication strategy contributes to strengthening the legitimacy and fairness of Soviet government decisions among its citizens, as well as for a foreign audience, developing economic ties with the latter being a Bolshevik priority.

Keywords: Bolsheviks, Intelligentsia, Philosophers’ Ship, deportation, mass media, periodicals, media representation, media research, communication strategy

For citation: Khlopaeva, N. A. and Khlopaeva, M. E. (2025), ‘Toward an understanding of bolsheviks — intelligentsia communication strategy (based on the Soviet press materials of the 1922)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 131—155 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В 1922 году Советская Республика готовилась к пятой годовщине Октябрьской революции. Продолжалась Гражданская война, формирования белогвардейцев оставались угрозой территориальной целостности РСФСР, голод в десятках регионов повлек миллионные жертвы и вспышки крестьянских восстаний. «Экзамен» международного признания республики, в определенной мере выдержаный на Генуэзской конференции, не способствовал полному преодолению дипломатической изоляции. Новая экономическая политика трактовалась политическими

оппонентами как капитуляция большевиков. В столь сложных условиях советское руководство определяло приоритеты внутренней политики: в их числе борьба за идеологию и культуру, нейтрализация политических соперников, реформирование системы образования, дальнейшее внедрение рабочих факультетов, «завоевание науки» как орудия для достижения социальных задач.

Интеллигенция могла как помочь в реализации этих целей, так и препятствовать им. Власть стремилась к сотрудничеству с интеллигенцией, одновременно «перевоспитывая» ее, применяя формы воздействия в спектре от назначения представителей «старой» интеллигенции на высшие государственные должности до арестов и административной высылки тех, кто продолжал новой власти противостоять («философский пароход»). «Красная» интеллигенция привлекалась к подготовке следственных дел на инакомыслящих.

Периодическая печать выступала одним из главных каналов трансляции официальной позиции действующей власти и инструментом формирования общественного мнения. Материалы советской периодики рассматриваются в качестве источника по истории интеллигенции [Шмидт, 1997: 52, 89; Федорова, 1985: 5—9] и привлекают внимание исследователей в рамках изучения различных аспектов проблематики, в частности, подготовки высылки 1922 года [Аблажей, 2011: 22—24], презентации в советской прессе образов советской власти [Шалаева, 2011: 46—49; Танцевова, 2020: 92—96], творческой интеллигенции [Миронова, 2008: 68—72; Кузьмина, 2009: 297—301]. Вместе с тем комплексное социологическое исследование материалов центральной и региональной печати позволяет добавить к системному изучению истории интеллигенции медиаизмерение, восстановить целостность и хронологию медийного контекста отношений власти и интеллигенции в 1922 году.

Постановка вопроса. Цель настоящего исследования — анализ формирования и эволюции коммуникационной стратегии советской властной элиты в ее взаимодействии с интеллигенцией на основе материалов советской прессы, опубликованных в течение 1922 года.

Источниковой базой стали 640 выпусков газет и журналов за 1922 год. Выборка включала релевантные публикации газет «Правда», «Известия», «Рабочая газета», «Рабочий», «Юношеская

правда», «Призыв» (Владимир), «Звезда» (Пермь), «Зритель» (Одесса); журнала «Крокодил»; «Окна сатиры РОСТА».

Методология и методы исследования

Медиаисследование с помощью методов количественного и качественного анализа содержания медиатекстов позволило выполнить задачи определения основных параметров коммуникационной стратегии советской властной элиты как долгосрочной программы действий в медиапространстве [Семенова, Корсунская, 2010: 32—35; Гавра, 2015: 231—232], основных параметров присутствия в медиаполе образа интеллигенции, тематических направлений, в контексте которых обсуждаются отношения власти и интеллигенции, характера оценок в публикациях (положительные, негативные, нейтральные), выявления семантического ядра темы «власть—интеллигенция», частоты и специфики упоминаний ключевых слов.

Основная часть

Тема отношений «власть—интеллигенция» присутствует в советской прессе практически на ежедневной основе. В одном номере центральной газеты может содержаться от 1 до 8 сообщений, в контексте которых затрагиваются вопросы взаимодействия власти и интеллигенции, — от развернутой статьи на первой полосе до кратких анонсов на последних страницах.

*Рис. 1. Власть и интеллигенция в советской прессе 1922 года:
тематические направления*

Чаще всего отношения власти и интеллигенции обсуждаются в рамках тематического блока «Просвещение и наука», включающего вопросы реформирования системы образования, ликвидации безграмотности, внедрения рабочих факультетов и нового устава высшей школы, сращивания науки с производством и активного противодействия этому со стороны «старой» профессуры, лишенной «живой трепетной революционной современности». Доля соответствующих публикаций составляет 48 % от всего массива текстов. Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала.

«В государственных школах и университетах учат (вернее, разворачивают) молодежь старые буржуазные учёные старому буржуазному хламу»¹.

«Чтобы ярче понять всю глубину возмущения жрецов чистой математики, надо знать, что один из них, профессор Власов, отказался дать в печать свои труды по геометрии из-за отсутствия буквы ять и ждет свержения Советской власти, после чего, он уверен, благонамеренная буква будет восстановлена в своих правах»².

«Не может же Советская власть мириться с таким положением, когда не взирая ни на какие способности одна только принадлежность к рабочему классу или наличие партийного билета, закрывает путь к преподавательской деятельности»³.

«Чем больше рабфаковцев будет вливаться в вузы, тем скорее они из буржуазных оплотов превратятся в научные крепости, работающие для нужд пролетарской Республики»⁴.

«Нам нужно готовить свою пролетарскую интеллигенцию, способную руководить громадной страной, до зубов вооруженную знанием»⁵.

Второе по частоте упоминаний тематическое направление представляет собой заочную полемику представителей советской и эмигрантской прессы (15 %). В частности, в газете «Правда»

¹ Ленин Н. Новая книга // Правда. 1922. № 64. 21 марта.

² Окунев Як. Накипь (очерки нового быта) // Там же. № 38. 17 февр.

³ Тимирязев А. По поводу проведения в жизнь нового устава высших школ // Правда. 1922. № 70. 28 марта.

⁴ Рабочие факультеты // Призыв. 1922. № 116. 10 окт.

⁵ На третьем фронте // Там же. № 121. 21 окт.

рубрика «Из белогвардейской печати» (позже — «По белой прессе») присутствует на регулярной основе, нередко сопровождается карикатурами и сатирическими стихами. Советская властная элита демонстрирует свою осведомленность и пристальное внимание к деятельности белой эмиграции, комментируя новости из-за рубежа день в день. Приводятся цитаты из новейших материалов белых изданий «Последние Новости», «Руль», «Новое Время» и других. Научную интеллигенцию прямо обвиняют в связях с белоэмигрантами: «Профессура бастует по директивам Милюкова». Читателей приглашают к самостоятельным выводам на основе документов: «Пусть любой честный гражданин республики сравнил их и оценит объективно позицию профессуры и дела ее».

Интонация публикаций этого тематического блока иронически-насмешливая, для них характерны фельетонные заголовки («Больные люди», «Трезвый реалист», «Попали по адресу», «Выкрутасы»). В зеркале советской прессы политические оппоненты большевиков выглядят оторванными от реальности ретроградами. Подчеркивается неспособность договориться между собой представителей различных лагерей эмиграции: «Надо полагать, что к тридцатой годовщине революции эмигранты договорятся о наказаниях для ее вождей»⁶. После покушения на П. Н. Милюкова и убийства В. Д. Набокова выходит серия публикаций о расколе в эмигрантских группировках, ликвидирующих одна другую.

Русская эмиграция получает нелестные сравнения. Так, на первой полосе «Правды» читатель видит карикатуру с заголовком «На парижском бульваре». К сидящему на лавочке Пуанкаре подсаживается подписанная как «Российская эмиграция» дама в вольной позе и с сигаретой: «Мужчина, душка, пойдем со мной»⁷. Формирование образа продолжает карикатура из юмористического журнала «Крокодил»: «В передовице “Последних Новостей” Милюков пишет: “...Если вот эта эмигрантская демократия громко крикнет: “Мы здесь”, то дело освобождения России сразу подвинется к развязке”. Милюков: — Мы здесь! Рабочий: — Хорошо, что я лупу захватил!...»⁸. От столичных изданий не отставал

⁶ Кольцов М. По белой прессе // Правда. 1922. № 239. 22 окт.

⁷ Дени [В.] На парижском бульваре // Правда. 1922. № 29. 7 февр.

⁸ Карикатура без названия // Крокодил. 1922. № 13 (25). С. 7.

одесский журнал «Зритель»: «Песни о голоде под поклоны берлинских кельнеров. Это кажется господам эмигрантам таким острым: слушать песню о голодной России под аккомпанемент булькающего вина и разрезываемых шницелей»⁹.

Доля публикаций о деятельности **литераторов и работников искусства** составляет 13 %. Их призывают соответствовать времени: «Поэты! Дайте новые песни красным полкам! / Работники искусства! Влейте в духовную жизнь красного солдата новое прекрасное содержание»¹⁰.

«Сузdalский “рабис” ставит старые, допотопные вещи, интеллигентское нытье. Пора понять рабису, что новая жизнь требует нового отражения»¹¹.

«Ах, каким непохожим на свой литературный портрет оказался народ!.. Портрет выражал чувствительную благодарность интеллигенции за учительство и готов был итти у нее на помочах до скончания веков, — оригинал предъявил к уплате потные векселя и оказался сугубо неблагодарным, отказавшись дальше кредитовать своим доверием обанкротившуюся интеллигентскую мысль»¹².

Значительная доля печатных площадей посвящены процессу года — суду над эсерами, активистами партии социалистов-революционеров (12 %). Публикуются открытые обличительные письма бывших соратников, карикатуры, обвинения во лжи. В рамках освещения суда над эсерами интеллигент прямо называется убийцей: «Ни у одного рабочего даже члена с-р партии, не поднялась рука на Ленина. <...> Только один человек из всей группы решился послать отправленные пули в тело мирового рабочего вождя. Это была огалтелая мелко-буржуазная интелигентка Каплан»¹³. За совершенное преступление должна последовать жестокая расплата: «28 тысяч трудащихся Перми требуют суровой кары... Пролетарская рука не дрогнет опустить тяжелую гирю на голову убийц красных вождей»¹⁴.

⁹ Зильберг, проф. Берлинские вечера («Ванька–Встанька») // Зритель. 1922. № 1. С. 5.

¹⁰ П-к Ал. курсант. К работникам искусства // Правда. 1922. № 40. 19 февр.

¹¹ Ставьте новые пьесы // Призыв. 1922. № 110. 26 сент.

¹² Окунев Як. Литература и искусство // Правда. 1922. № 74. 1 апр.

¹³ К процессу эсеров. Кто же она? // Рабочий. 1922. № 81. С. 10.

¹⁴ К суду над правыми эсерами. Отклики // Звезда. 1922. № 123. 7 июня.

«Почему вся выброшенная за границу буржуазная нечисть на стороне эсеров?.. Почему все враги революции за эсеров? Потому, что эсеры за кадетов, за буржуазию, за врагов народа и революции»¹⁵.

Доля анонсов мероприятий и объявлений составляет 6 %. Преимущественно это нейтральные по оценке и краткие по форме сообщения о выходе новых книг, учреждении научных обществ, проведении мероприятий, в т. ч. съездов работников Пролеткульта, работников печати и других.

Следует отметить, что трагическая тема голода широко освещается в советской печати и занимает практически половину всех ее площадей в течение нескольких лет бедствия. Вместе с тем доля публикаций, в контексте которых упоминается деятельность Помгола, созданного в дальнейшем высланными С. Н. Прокоповичем и Е. Д. Кусковой («Прокукиш»), составляет порядка 3 %. Градус обвинений в адрес интеллигентов «на пайках» резко повышают опубликованные на соседних полосах в «Правде» сообщения о случаях каннибализма среди голодающих: «Интеллигенция плохо помогает в борьбе с голодом. Хуже всего медперсонал. Немало шкурничества»¹⁶. В развитии темы главный печатный орган РКП(б) констатировал: «Рабочий класс, отрывающий от своего рта черствый кусок хлеба для жрецов чистой науки, имеет право потребовать от тех, от кого это зависит: — Откройте вентилятор и проветрите ученую каталажку»¹⁷.

«Дама приятная во всех отношениях Е. Д. Кускова, попав из Москвы в эмигрантские захолустья Берлина и Парижа, проследовала прямо с поезда на эмигрантский митинг, где сообщила все столичные сплетни, а заодно и нижеследующие потрясающие вещи: 1) “Большевики — наши дети”. 2) “Октябрьская Революция — национальна”. Перецелох в эмигрантской деревне начался невероятный»¹⁸.

Сквозной темой 1922 года становится административная высылка антисоветски настроенных представителей интеллигенции за границу. Информационная кампания в поддержку решения

¹⁵ Эсер и кадет // Рабочая газета. 1922. № 99. 2 июля.

¹⁶ Семашко Н. Интеллигенция и голод // Правда. 1922. № 19. 26 янв.

¹⁷ Окунев Як. Накипь (Очерки нового быта) // Там же. 17 февр. № 38.

¹⁸ Кольцов М. По белой прессе // Там же. № 219. 29 сент.

о высылке в советской прессе проводится в течение всего года. Отметим, что материалы, отражающие кампанию против членов Помгола («Прокукиш»), появляются еще раньше, в 1921 году.

Представители интеллигенции, «помогающие контрреволюции», были высланы из Советской России за границу в соответствии с Декретом ВЦИК об административной высылке от 10 августа 1922 года¹⁹. Однако мы обнаруживаем, что еще в феврале 1922 года в газете «Правда» опубликован «синопсис» высылки: «Господа жрецы, мы не можем отказаться от рабфаков. Скорее мы можем отказаться от некоторых черносотенных профессоров, отправив их к Милюкову в Париж... Неужели в великой тяжбе классов сотня профессорских вицмундиров может иметь какое-либо значение?»²⁰.

В начале 1922 года советская печать объявляет гражданам стратегические задачи (борьба с голодом, восстановление хозяйства, обеспечение права рабочих на образование). В феврале, на фоне профессорских забастовок, аудитории предлагается роль внимательного наблюдателя: «Борьба развертывается. За ней внимательно следят г. г. дирижеры из “Последних Новостей”. За ней будем внимательно смотреть и мы»²¹. В марте появляются сигналы о переходе к более решительным действиям. Публикуется речь В. И. Ленина на XI съезде РКП(б) с говорящим заголовком «Прекращение отступления»²². К концу весны, с приближением международных конференций, формулировки становятся более категоричными в связи с тем, что агенты влияния «эмигрантской буржуазии» могут проявиться: «Но поскольку перед нами симптомы перехода на платформу борьбы с революционной властью, т. е. на платформу контр-революции, постольку наша практика неизбежно должна становиться более жестокой»²³.

¹⁹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922. М.: Б. и., 1950. С. 1134.

²⁰ Сосновский Л. Заговор касты против рабочего класса // Правда. 1922. № 42. 22 февр.

²¹ Я. Я. Кадеты за работой // Там же. № 38. 17 февр.

²² XI Съезд РКП. Речь тов. Ленина. Прекращение отступления // Там же. № 71. 29 марта.

²³ Иллюзии контр-революционной «демократии» // Там же. № 108. 17 мая.

В начале июня 1922 г. выходит статья Л. Д. Троцкого «Диктатура, где твой хлыст?»²⁴ (в черновике первоначально — «бич»; зачеркнуто, сверху вписан более яркий фонетически «хлыст»). Статья публикуется за подписью «О»; вместе с тем обращает на себя внимание сигнал соседства материалов: на первой полосе рядом с заголовком статьи — стихи: «Товарищ Троцкий словцо обронит, — убьет человека и похоронит...»²⁵. Целевая аудитория статьи гораздо шире обозначенной в ней персоны: «Представители, защитники, адвокаты и эстеты старого мира в рабочей республике — безродные псы. В этом великолепно прав Блок. ...Хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержанства, к которому он принадлежит по праву...»²⁶.

В июле в «Правде» публикуется критическая статья в адрес авторов журнала «Экономист»: «Сорокин рассматривает массу, как голодную, разнужданную “толпу”, а коммунистическую идеологию трактует, как боязькую идеологию... Ленин квалифицировал этих господ, как “современных, образованных крепостников”»²⁷.

В конце лета 1922 г. в «Правде» появилась серия материалов, разъясняющих аудитории отношения власти и интеллигенции. В статье «Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитработы» говорилось: «Но было ли в нашей революции самое “изничтожение интеллигенции”? — Ложь, клевета!.. Такого “изничтожения” не было... Что было? Была и есть пролетарская революция. Были, есть и будут жертвы с обоих сторон баррикад. На одной стороне, буржуазной, очень мало пролетарского элемента и очень много буржуазно-интеллигентского; на другой стороне, пролетарской, очень много пролетарского и очень мало интеллигентского. Эти две стороны чуть ли не пять лет как воюют одна с другой. На войне, как на войне»²⁸. В августе главный печатный орган РКП(б) опубликовал заключительную речь одного из руководителей партии Г. Е. Зиновьева на Всероссийской конференции большевиков,

²⁴ О. Диктатура, где твой хлыст? // Там же. 1922. № 121. 2 июня

²⁵ Демьян Бедный. Маленький фельетон. «Желтый билет // Там же.

²⁶ О. Диктатура, где твой хлыст? // Там же.

²⁷ Бубнов А. Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитработы // Там же. № 166. 27 июля.

²⁸ Почти на дне (о последних выступлениях М. Горького) // Там же. № 158. 18 июля.

которая содержала следующее заявление: «“Академическая” агитация идет параллельно с базарной контр-революционной агитацией в Петрограде, в Москве, Екатеринбурге. В этих институтах ведется систематическая контр-революционная работа. И мы такие институты закрывали, и будем закрывать»²⁹. По докладу Зиновьева была принята резолюция: «Партийным организациям в настоящее время необходимо проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр., и т. п. По отношению к действительно беспартийным элементам из среды представителей техники и науки, учителей, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в самых основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота, необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество. <...> Вместе с тем нельзя отказаться от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...»³⁰.

18 августа публикуется Постановление ВЦИК об административной высылке:

«1) В целях изоляции лиц, причастных к контр-революционным выступлениям... установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке...»³¹

Отвечая на вопросы Луизы Брайант-Рид (International News Service, США), Л. Д. Троцкий говорит о реституции: «Рабочий класс отнял у капиталистов им же, рабочим классом, созданные богатства. Поэтому ожидание возвращения иностранным капиталистам их бывшей собственности нелепо». В этом же интервью Троцкий говорит об административной высылке — по логике интервью, того «богатства», которое создано не рабочим классом, креатуры возвращаются их создателям. Именно темой высылки Троцкий завершает разговор. Два решения — расстрельный приговор эсерам и высылка интеллигенции — обсуждаются рядом и

²⁹ Всероссийская конференция РКП. Заключительное слово т. Зиновьева // Там же. 1922. № 178. 10 авг.

³⁰ Всероссийская конференция РКП. Резолюция по докладу т. Зиновьева // Там же.

³¹ Действия и распоряжения правительства // Известия. 1922. № 185. 18 авг.

«уравновешивают» одно другое: «Если бы мы догадались сейчас после октября выслать господ эсеров за границу, мы избавили бы вас от необходимости возмущаться нашей жестокостью... Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, — а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, — все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражая надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту пред общественным мнением»³².

Подробно разъясняются мотивы решения о высылке.

«Петроградское отделение Г.П.У. произвело за последние дни ряд арестов среди профессоров, литераторов и врачей группировавшихся, главным образом, вокруг журналов “Экономист” и “Утренники” и Дома литераторов. Все эти лица были арестованы за контр-революционную деятельность... тов. Зиновьев заявил: “...По отношению к буржуазным интеллигентам мы приняли суровые меры, мы их высылаем и говорим: «Идите в страны “свободы”, где, по вашему мнению, интеллигенция в почете и фаворе. Там вы сможете служить тому капиталу, который вам так мил и дорог»... Аресты и высылки не означают, что мы объявили войну интеллигенции. Мы заявляем, что всякий интеллигент, кто бы он ни был, раз он хочет работать вместе с нами, будет нами братски принят»³³.

«Для рабочих и крестьян всё это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию... Когда существовали фронты, эти группы интеллигенции... старались вредить Советской власти... И этим самым они выставили свои кандидатуры на заграничную командировку. Эта высылка контр-революционных элементов, которые воображали, что при НЭПе им будет позволено идеино подготовить

³² Беседа тов. Троцкого с американской журналисткой // Правда. 1922. № 193. 30 авг.

³³ К высылке контр-революционной профессуры // Там же. 1922. № 194. 31 авг.

контрреволюционный переворот, покажет ясно им и остающимся их коллегам, что они ошиблись в своих расчетах. Принятые Советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждали, когда, наконец, эти идеологи врангелевщины и колчаковщины будут выброшены с территории РСФСР»³⁴.

«В университетах сидят “светочи науки”, которые продолжают борьбу с рабоче-крестьянской властью... Произошла октябрьская революция. Что же сделали так называемые светочи науки? Часть из них бежала за границу, а часть заперлась, как в бастионах, в стенах своих ученых и научных учреждений и обществ... Что дали за пять лет научные силы рабочим и крестьянам? Когда рабочие голодали, рабоче-крестьянская власть из своих скучных средств все же выделяла несколько тысяч академических пайков. Пусть каждый ученый, беря в рот кусок данного ему хлеба, спросит себя сам, что же он дал рабоче-крестьянской России?»³⁵.

Сатирические издания представляют интеллигентов перебежчиками и оценивают высылку как справедливую и полезную меру: «Возвращающийся в Россию из-за границы интеллигент (обращаясь к носильщику). — Почему вы так медленно ходите? — “За вами не поспеть, вы, ведь с 1918 года в бегах”!..»³⁶.

«В Нижнем на Ярмарке... — Это что за фигура? Порнографические открытки продаёт? — Нет, не открытки... От “России № 2” представитель... — Вот, вехи сменяем, вехи-и!..» // «Наши объявления: Интеллигентный пожилой писатель желает обличить грязью Советскую Россию. Согласен в отъезд за границу»³⁷.

«Сладко за морем синице, / Климат питерский суров... / Быстро движутся к границе / Тридцать шесть профессоров. // Тридцать шесть! Число изрядно... / Сколько ж их, в конце-концов, / Этих Петро-ретро-градно / Нэпо-мерных мудрецов?.. // Едут, едут в чистом поле, / Языками — “бу-бу-бу”... / Скучно, скучно поневоле / Без

³⁴ Первое предостережение [Передовица] // Там же. № 194. 31 авг.

³⁵ Н. П. «Светочи науки» // Там же. 1922. № 195. 1 сент.

³⁶ В бегах // Рабочая газета. 1922. № 99. 2 июля.

³⁷ Наши объявления // Там же. 1922. № 123. 30 июля.

пайков из Цекубу! / Очень скучно – и обидно: / “Спец-окладики” – ау!.. / Нэп нас водит за нос, видно, / Да приводит в Г.П.У!...»³⁸.

«Унылы и сконфужены, / На грани двух миров / Стоят — дрожат три дюжины / Седых профессоров <...> // Вы бьете остроклизмами / А мы взамен того — / Сенсациями, клизмами. / Посмотрим, — кто кого? // Позор тебе, Республика! / А нас — Европа ждет! / Но странно: что за публика / На встречу-то идет...»³⁹.

«Нынче — от революционного ль перепуга, / Иль от иного какого недуга, / Старая интеллигенция, влавшая в мистику, / Верит во всякую ерундистику...»⁴⁰.

«В том то и дело, читатель, что я рассказываю о собрании происходившем не в Берлине, а в Москве, привожу изречения не эмигрантов, а петроградских профессоров-гастролеров... <...> Нужно просить не МК РКП, а Внешторг: Пусть он поскорее отправит эти “музейные редкости” за границу, в обмен на что-нибудь полезное для советской республики!»⁴¹.

После начала высылки возмущенный тон публикаций сохраняется: читатель узнает об антисоветской деятельности высланных, которая продолжается теперь уже за границей, при поддержке белоэмигрантов: «В этот капиталистический “рай”, где беспрестанно проливается кровь рабочих, приехали выгнанные из России “профессора”, о которых белая печать пишет, как о невинных жертвах Советской власти... Хороши “невинные жертвы”. Советская власть знает, что она делает. У нее хозяйственных хлопот полно рот, чтобы нянчиться с белогвардейской профессурой»⁴².

«Вышвырнутый за границу в числе прочих белых интеллигентов небезызвестный “социолог” Питирим Сорокин повествует нынче в “Руле” о том, что в отношении “будущей России” он готов ограничиться “примитивным демократическим строем”; “надо начать с того режима, который был приблизительно в царствование Александра III”. ... Уншлихт, стоишь ты упрека, / Хоть люблю тебя зело: / Ну, зачем

³⁸ Гр. Примечания к накладной // Крокодил. 1922. № 2 (14). 3 сент. С. 4.

³⁹ Без автора. Без названия // Там же. № 3 (15). 10 сент. С. 6.

⁴⁰ Демьян Бедный. Ясновидящая // Там же. № 9 (21). 22 окт. С. 2.

⁴¹ Который был. Демонстрация мощей // Там же. № 18 (30). 24 дек. С. 492.

⁴² Телескоп. Обзор печати // Правда. 1922. № 239. 22 окт.

такую птицу / Ты спровадил за границу? / Будет Горький нас винить,
/ Про культуру нам бубнить: / — Не в Берлине б этой птице, / А в со-
ветской быть столице, / С чистым зернышком в зобу, / На учете в Це-
Ку-Бу...»⁴³.

Рис. 2. Власть и интеллигенция в советской прессе
1922 года: характер оценок

Негативные оценки деятельности интеллигенции преобладают (52 %). Публикации с положительными оценками занимают наименьшую долю (20 %) и описывают желаемую модель поведения «нашего» интеллигента: сообщается о проведении благотворительных мероприятий, передаче гонораров за спектакли и книги в пользу голодающих, о нужных и полезных для аудитории лекциях, которые «стоит повторить на фабриках и заводах».

В самом начале года задается высокая ценностная планка, в сравнении с которой в течение следующих месяцев можно отследить развитие отношений власти и интеллигенции по нисходящей. Статья в память И. П. Гольденберга (псевдоним «Мешковский») описывает эталон интеллигента для Советской Республики и содержит квинтэссенцию истории отношений пролетариата и интеллигенции:

⁴³ Демьян Бедный. О Питириме белобоком, об Уншиихте жестоком и о тетереве культурном на токовище литературном // Там же. № 242. 26 окт.

«Эти интеллигенты были акушерами нашей сознательной жизни. Они воспитывали нас, учили и шли вместе с нами до самой могилы... Под обаянием того или иного интеллигента-пропагандиста мы жили за станками в заводе целую неделю до следующего кружкового занятия, разбирая положения Маркса-Энгельса. Всю интеллигенцию в наших рядах мы боготворили... Вот пятый год [1905]. Подъем. Маневры на революцию. За ним шестой [1906]. И разлив реакции. А с ним и отход из наших пролетарских рядов большей части интеллигенции. И в эту трудную годину мы, встречая в наших рядах дорогого товарища Мешковского, всегда смягчали свои обозленные души и меньше бросали проклятий по адресу ушедшей от нас интеллигенции. Среди нас все же остались те редкие интеллигенты... Они не спасают за вами молодыми потому только, что их физические силы потрачены на борьбу пролетарскую, на тюрьму, ссылку. На спинах этих товарищей казацкой нагайкой написана вся история нашей партии»⁴⁴.

Ролевые модели интеллигентов, с которыми советская власть готова и желает работать вместе, получают поддержку, в том числе институциональную: «“Дом ученых” при Цекубу <...>, несомненно, явится мощным культурным центром..., который спаяет в одно компактное целое разрозненную и немногочисленную семью ученых работников РСФСР. И в этой культурной миссии — главное значение дома для страны — это как бы фокус интеллектуальной деятельности, сконцентрированный мозг страны»⁴⁵; «Раньше интеллигенция шла под белое знамя, а теперь раскололась, и большая часть идет за нами»⁴⁶.

Семантический анализ позволил определить семантическое ядро исследуемых релевантных публикаций СМИ совокупным объемом 100.000 символов.

Ключевые слова по убыванию частотности (Топ-30)	Количество упоминаний
Революция, советский, профессор, интеллигенция, наука	120—128
Рабочий, власть, буржуазный	105—116

⁴⁴ Малышев С. Не стало редкого интеллигента // Правда. 1922. № 4. 5 янв.

⁴⁵ Дом ученых // Там же. № 158. 18 июля.

⁴⁶ В. Маяковский // Главполитпросвет. 1922. № 453.

Работа, политический, школа, ученый, партия, студенчество	63—84
Эмиграция, эсеры, крестьянин, класс, контр	50—58
Рабфак, Помгол, пролетариат, идеология, сменовеховство	40—45
Кадетский, культура, группы, борьба, каста, университет	25—39

Результаты семантического анализа отражают острый конфликт как главную модель коммуникации власти и интеллигенции — столкновение взглядов, укладов, сословий, классов, партий, речевых моделей, темпов. Маркерами конфликта также выступают «контрреволюция», «борьба». Предмет конфликта — власть, контроль над идеологией, культурой, наукой, школой, влияние на молодежь, студенчество. Борьба за власть происходит между сторонами, прямо названными и упоминаемыми в публикациях практически в равном объеме, — это «профессор», «профессура», «интеллигенция», с одной стороны, и «рабочий», «пролетариат», «крестьянин», с другой. Формируется четкий образ врага, который не дает рабочему классу учиться.

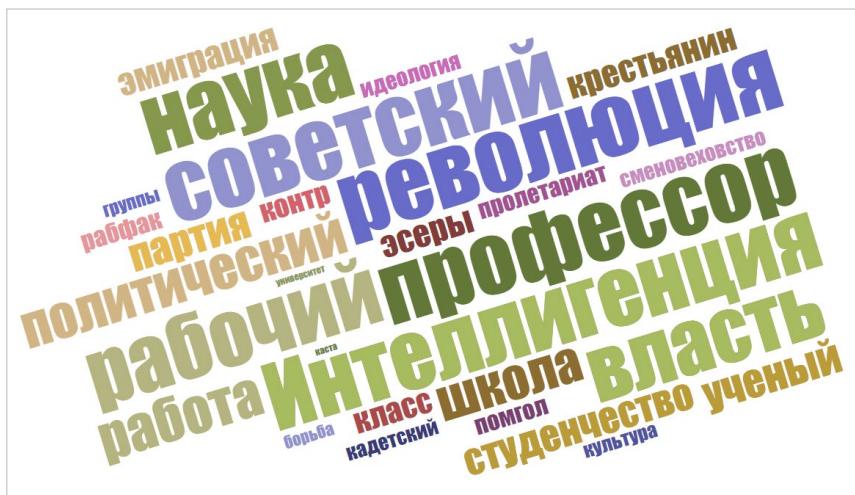

Рис. 3. Власть и интеллигенция в советской прессе 1922 года:
облако ключевых слов

Часто упоминаемая лексема «работать» иллюстрирует мобилизационный тон советской прессы. Читательская аудитория видит дихотомию «мы—они», разделение на тех, кто работает и помогает работать, и тех, кто этой работе вредит. Соотношение местоимений «мы» и «они» по массиву текстов составляет 1:1. В частности, медиаобраз студенчества тоже не является монолитным и свидетельствует о еще одном уровне конфликта: между «белоподкладочниками», «маменькиными сынками» — и «рабфаковцами», «новой студенческой волной в синих блузах и красноармейских гимнастерках».

Обсуждение результатов

Коммуникационная стратегия советской властной элиты, отраженная в материалах прессы, характеризуется как наступательная в кризисных условиях. Стратегической целью является победа в борьбе за прочную легитимную власть. В ходе обличения оппонентов выполняется обязательное условие рациональной аргументации, подтверждаемой первоисточниками, цитатами, фактами, статистическими данными, в совокупности обеспечивающими рост доверия аудитории. Коммуникационную стратегию можно также охарактеризовать как стратегию убеждения, на разных стадиях побуждающую читателя к анализу аргументов, к выводам и действиям.

Внутри целевой аудитории как адресата коммуникации можно выделить два больших сегмента — внутреннюю и зарубежную аудитории читателей, единомышленников, потенциальных единомышленников и оппонентов. «Своих» необходимо информировать, направлять, мобилизовывать, подтверждая верность их выбора в пользу советской власти, которая, прежде всего, справедлива. «Чужим» адресованы сигналы о бдительности и высокой информированности советской власти, а ее предложения о сотрудничестве — тем, кто к этому готов; предупреждения — всем прочим.

В качестве инструментов коммуникационной стратегии используется широкий спектр речевых тактик [Емельянов, 2018: 12—13], экспрессивные лексические и синтаксические приемы, образные эпитеты, метафоры, повторы, восклицания. Стиль допускает иронию, сарказм, просторечные выражения. Эмоциональность обличительных статей выглядит ярче и остree на фоне сухости остальных материалов. Примечательно также обильное использование кавычек — не только для цитирования, но и для того, чтобы

показать условность, «заумь» терминов оппонентов, несоответствие истине их сообщений.

Образ советской власти четко ассоциирован со следованием нормам морали, с ценностями справедливости, честности, открытости к критике и самокритике (рубрика «Наши недостатки» и ее аналоги), — это образ, «полный революционного достоинства».

Ясность, четкость, понятность как характеристики языка советской прессы становятся условием существования какого-либо образа на ее страницах. Импрессионизм, полутона в этом пространстве исключены. Неясность, расплывчатость таких терминов как «интеллигенция», «профессура», «студенты» — делает их несамостоятельными, требующими определения. В медиаполе функционирует семантическая оппозиция «свой—чужой» [Михалева, 2009: 78—80]. Сам по себе термин «интеллигент», скорее, не заслуживает доверия читателя советской печати и нуждается в маркировании. «Своя» интеллигенция — красная, новая, молодая рабочая, полурабочая и полукрестьянская, новые спецы. «Чужая» интеллигенция — белая, старая, буржуазная, буржуазно-демократическая, мелкобуржуазная, контрреволюционная, эмигрантская. Используются эпитеты «старые спецы», «чистая публика», «ученая каста», «черносотенная каста», «жрецы «чистой» науки», «ученые гуси», «московские агенты Милюкова», «идеологи “мягкой” контрреволюции», «потенциальные военно-политические агенты врага», «внутренний враг, обходящий нас с тыла».

До читателя доводятся эпитеты, которыми белоэмигрантские издания наделяют рабочих и советскую власть в целом: «кремлевские диктаторы», «жандармы в стенах высшей школы», «рабфаки — явление чисто полицейское», «большевистский ад» (ответом в советской прессе служит «капиталистический “рай”»).

Отношения власти и интеллигенции характеризуются как «коллизия», «драма», «борьба», «комедия борьбы за автономию высшей школы», «направляемый из Парижа заговор ученой касты против насущнейших интересов рабочего класса», «враждебный натиск на фронте просвещения», «покушение профессоров отнять у рабочих доступ в высшую школу».

Доля негативных оценок в адрес интеллигенции преобладает (52 %). При этом в публикациях отмечается, что большинство интеллигентов советскую власть поддерживают. Обращения подчеркивают

социальную принадлежность: с негативными коннотациями используются «профессор», «госп. профессор», «госпожа», «дама», которые упоминаются рядом с противопоставлением «товарищ» («тов.»).

Главной темой 1922 года, в контексте которой обсуждается взаимодействие власти и интеллигенции, является «Просвещение и наука» (48 %), что также соотносится с данными повесток заседаний Политбюро ЦК РКП(б): в течение года состоялось 80 заседаний, на 66 из которых рассматривались вопросы образования и науки, полномочия Наркомпроса, положение высшей школы, статус научных работников, организация рабфаков, проекты правил об объединениях и собраниях научных работников вузов, о студенческих обществах и собраниях, проблема антисоветских группировок среди интеллигенции, ликвидация Помгола и высылка за границу⁴⁷.

Заключение

Сторонники сужать отношения власти и интеллигенции до сатирической модели «Швондер — Преображенский» нередко упускают, что сатира известного литературного произведения распространяется на всех его героев, включая последователей недальновидной позиции «не читать советских газет». Советская пресса предлагает богатый материал, позволяющий в том числе реконструировать коммуникационную стратегию большевиков в их взаимодействии с интеллигенцией.

1922 год становится периодом трансформации данной стратегии: советская властная элита переходит от предложений интеллигенции сотрудничать во благо страны к репрессивным мерам. Сигнал предостережения в адрес инакомыслящей интеллигенции становится лейтмотивом публикаций.

Конфликт власти и интеллигенции в зеркале советской печати представлен не только как идеологическое противостояние, но также как борьба поколенческая: между старым, сложным, неоднозначным, меланхоличным, медленным, с одной стороны, и молодым, доступным, понятным, оптимистичным и энергичным, с другой. Неизбежность и естественность победы молодой энергии должна выглядеть очевидной для читателя. Реализация

⁴⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Т. I. 1919—1929. М.: РОССПЭН, 2000. С. 143—200.

коммуникационной стратегии способствует укреплению легитимности и справедливости решений советской власти в восприятии своих граждан, а также для зарубежной аудитории, развитие экономических связей с которой является одной из приоритетных задач большевиков.

Контекстом трансформации коммуникационной стратегии становится укрепление структуры Центрального Комитета РКП(б), создание Главлитта, одного из главных органов системы советской политической цензуры, открытие государственных издательств, формирование Агитпропотдела ЦК — единой централизованной системы партийных и подчиненных им государственных агитационно-пропагандистских органов, охватывающих все уровни управления. Решения Политбюро ЦК о той или иной информационной кампании в печати спускаются по вертикали — от центральных печатных органов до уездных, волостных, городских редакций.

Результаты настоящего медиаисследования могут быть полезны в ходе сравнения с результатами исследований других периодов отношений власти и интеллигенции [Хлопаева, 2023: 331—349], а также при сопоставлении с выводами дальнейших исследований коммуникационной стратегии, реализуемой в белогвардейской прессе.

Список источников

- Аблажей Н. Н. Советская и эмигрантская периодическая печать о высылке интеллигенции из советской России в 1922 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 11. С. 20—26.*
- Гавра Д. П. Категория стратегической коммуникации: современное состояние и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3. С. 229—233.*
- Емельянов С. М. К вопросу о типологии стратегических коммуникаций и сферах их применения // Петербургская школа PR: от теорий к практике: сб. ст. / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 9—18.*
- Кузьмина В. М. СМИ и отражение деятельности творческой интеллигенции в период форсированной индустриальной модернизации в СССР (на основе ретроспективного анализа центральной и региональной печати 1920—1940-х годов) // Интеллигенция в мире современных коммуникаций: сб. ст. по материалам X Междунар. теор.-метод. конф., Москва, 2 апреля 2009 г. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2009. С. 297—306.*

- Миронова Н. А.* Образ «старой» творческой интеллигенции в советской прессе первого послеоктябрьского десятилетия (1917—1927 гг.) // *Интеллигенция и мир*. 2008. № 1. С. 67—77.
- Михалева О. Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛиброКом, 2009. 256 с.
- Семенова А. В., Корсунская М. В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М.: Ин-т социологии РАН, 2010. 324 с.
- Танцевова А. В.* Репрезентация образа советской власти в печати в 1920-е годы (на материалах журнала «Огонек») // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 92—98.
- Федорова О. П.* Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции Москва: Изд-во Москов. ун-та, 1985. 118 с.
- Хлопаева Н. А., Хлопаева М. Е.* «Философский пароход» в отечественных СМИ: 100 лет спустя // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 2. С. 331—349.
- Шалаева Н. В.* Репрезентативные задачи власти и советская печать 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2. Ч. 1. С. 45—52.
- Шмидт С. О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. 612 с.

References

- Ablazhey, N. N. (2012), ‘Soviet and emigrant periodicals on deportation of intelligentsia from soviet Russia in 1922’, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija* [Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istorija, Filologija], vol. 11, iss. 11: 20—26.
- Fedorova, O. P. (1985), *Zhurnal'naia publitsistika 20-kh godov kak istochnik po istorii sovetskoi intelligentsii* [Journalistic Publicism as a Source on the History of Soviet Intelligentsia in the 1920s], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Gavra, D. P. (2015), ‘Strategic Communication: Modern Definition and Basic Principles’, *Vek informatsii* [Age of Information], no. 3: 229—233.
- Emelyanov, S. M. (2018), ‘On the issue of the typology of strategic communications and areas of their application’, in Krivonosova, A. D. (ed.), *Peterburgskaya shkola PR: ot teorii k praktike: sbornik statei* [On the typology of strategic communications and their application: collection of articles], Izdatel'stvo SPbGEU, Saint Petersburg, Russia: 9—18.

- Khlopaeva, N. A. and Khlopaeva, M. E. (2023), “The Philosophical Steamer” in the domestic media: 100 years later’, *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], vol. 24, no. 2: 331—349.
- Kuzmina, V. M. (2009), ‘Media and reflection of the activities of the creative intelligentsia during the period of forced industrial modernization in the USSR (based on a retrospective analysis of the central and regional press of the 1920s—1940s)’, in Toshchenko, Zh. T. (ed.), *Intelligentsiia v mire sovremennoykh kommunikatsii: sbornik statei po materi-alam X Mezhdunarodnoi teoretiko-metodologicheskoi konferentsii* [Intelligentsia in the world of modern communications: a collection of articles based on the materials of the X International Theoretical and Methodological Conference], Moscow, Russia, 2 April 2009, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow: 297—306.
- Mikhaleva, O. L. (2009), *Politicheskii diskurs: spetsifika manipuliativnogo vozdeistviia* [Manipulative Influence in the Political Discourse], Librokom, Moscow, Russia.
- Mironova, N. A. (2008), ‘Image of the “old” creative Intelligentsia in the Soviet press of the first post-October decade (1917—1927)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 67—77.
- Semenova, A. V. and Korsunskaya, M. V. (2010), *Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniia* [Content analysis of the media: problems and experience of application], in Mansurov, V. A. (ed.), Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia.
- Shalaeva, N. V. (2011), ‘Representative tasks of power and the Soviet press of the 1920s’, *Izvestia Saratovskogo universiteta. Novaia seria. Seriia: Iстория. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], vol. 11, iss. 2: 45—52.
- Shmidt, S. O. (1997), *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniu i istoriografii* [The Historian's Path: Selected Works on Source Studies and Historiography], Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Tantsevova, A. V. (2020), ‘Representation of the image of Soviet Power in the press in the 1920s on pages of the weekly Ogonyok’, *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia* [Humanities and law research], no. 1: 92—98.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

H. A. Хлопаева — кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела сопровождения научных проектов, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского (Академия Достоевского), Санкт-Петербург, Россия.

M. E. Хлопаева — кандидат юридических наук, помощник депутата Государственной Думы ФС РФ, Москва, Россия.

N. A. Khlopaeva — Candidate of Science (Sociological Sciences), Scientist Researcher, Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (Dostoevsky Academy), Saint Petersburg, Russia.

M. E. Khlopaeva — Candidate of Science (Juridical Sciences), The State Duma, The Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ДЕБЮТ

DEBUT

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 156—175.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 156—175.

Научная статья

УДК 281.93:94(476)

EDN <https://elibrary.ru/rmanrj>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.8

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТО-ЕЛИСАВЕТИНСКОГО МОНАСТЫРЯ ГОРОДА МИНСКА В 1999—2024 ГГ.

Антон Михайлович Довнар

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Гимназия № 34, Минск, Республика Беларусь,
anthonydovnar@gmail.com, SPIN-код: 5817-3003,
<https://orcid.org/>: 0009-0002-8001-9598

Аннотация. Конфессиональная история Беларуси является одним из приоритетных направлений исторической науки. Ее исследование помогает найти ответ на вопросы, какое место занимают религиозные институты в жизни общества и каким образом они формируют его социокультурное пространство. Вместе с тем многие вопросы по данной проблематике еще не получили глубокого освещения. Отсутствуют также комплексные труды о духовно-культурной просветительской и образовательной деятельности православных обителей Беларуси. Представленная статья призвана частично закрыть пробел. В ней рассмотрена история появления в Минске Свято-Елизаветинского женского монастыря и участие его разных подразделений в деле культурного и духовного просвещения, а также образования.

© Довнар А. М., 2025

Ключевые слова: Свято-Елисаветинский монастырь, Минск, Беларусь, духовно-культурное просвещение, образование, социальное служение

Для цитирования: Довнар А. М. Просветительская и образовательная деятельность Свято-Елисаветинского монастыря города Минска в 1999—2024 гг. // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 156—175.

Original article

EDUCATIONAL AND ENLIGHTENMENT ACTIVITIES OF ST. ELIZABETH CONVENT IN MINSK IN 1999—2024

Anton M. Dovnar

Yanka Kupala State University, Grodno, Gymnasium № 34, Minsk,
Republic of Belarus, anthonydovnar@gmail.com, SPIN-код: 5817-3003,
<https://orcid.org/: 0009-0002-8001-9598>

Abstract. The confessional history of Belarus is one of the priority areas of historical science. The research helps to find the answer to the questions regarding what place religious institutions occupy in the life of society and how they shape its socio-cultural space. At the same time, many issues on this subject have not yet received in-depth coverage. There are also no comprehensive works on the spiritual and cultural enlightenment and educational activities of the Orthodox monasteries of Belarus. The presented article is intended to partially close the gap. It examines the history of the St. Elizabeth Convent in Minsk and the participation of its various departments in cultural and spiritual enlightenment, as well as education.

Keywords: St. Elizabeth Convent, Minsk, Belarus, spiritual and cultural enlightenment, education, social service

For citation: Dovnar, A. M. (2025), ‘Educational and enlightenment activities of St. Elizabeth Convent in Minsk in 1999—2024’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 156—175 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Белорусская Православная церковь занимает важное место в структуре белорусского общества. Она выполняет миссию не только укрепления православной веры, но и попечения о религиозно-нравственном и культурном просвещении граждан. При всем правовом равенстве религиозных организаций вклад Православной Церкви в историко-культурное развитие страны имеет особое значение. В современных условиях, когда

вопросы церкви и религии тесно связаны с мировосприятием современного человека, особенно актуальным становится изучение основных направлений, форм деятельности и роли религиозных организаций как неотъемлемой части гражданского общества.

Актуальность всестороннего изучения культурно-просветительской, образовательной деятельности религиозных организаций в Республике Беларусь обусловлена их особым положением в современном мире. Не менее важным является решение проблем влияния культурно-просветительской и благотворительной деятельности религиозных организаций на социальные и национально-культурные процессы. В этой связи представляет несомненный интерес постсоветский период с 1990 по 2024 гг.: с одной стороны, отмечался своеобразный «ренессанс» религиозной жизни после десятилетий жесткой политики советского государства по отношению к религии и Церкви, происходило формирование церковных структур, определялась их роль в секуляризованном обществе; с другой — это период становления суверенной Республики Беларусь, укрепления ее государственности, а также формирования принципиально новых отношений государства и Церкви. Важную роль в деятельности религиозных организаций стали играть культурно-просветительские, образовательные и благотворительные аспекты. Это отвечало интересам общества и способствовало формированию духовных начал, распространению и укреплению традиционных социокультурных ценностей белорусского народа.

Краткий историографический обзор. В новейшей белорусской историографии, несмотря на значительное количество публикаций по проблемам конфессиональной истории, современное состояние религиозной сферы, участие религиозных организаций в общественной и культурной жизни Республики Беларусь остается малоизученным. Отсутствуют научные исследования, в которых в комплексе рассматривался бы потенциал религиозных организаций в укреплении основ белорусской государственности, в утверждении традиционных социокультурных ценностей белорусского народа и традиций благотворительности, духовном просвещении, образовании и развитии традиций народов, проживающих в Республике Беларусь. Вместе с тем в информационном пространстве можно найти немало материалов о конкретных деятелях Православной церкви в Беларуси или ее духовных центрах,

которые подвизались на ниве духовного просвещения и укрепления традиционных семейных ценностей. Одним из таковых является Свято-Елисаветинский монастырь в городе Минске. О его многосторонней духовно-просветительской и образовательной деятельности снят не один ролик и документальный фильм («К вершинам любви» (2001 г.) — о первых службах в Свято-Елисаветинском монастыре, первых сестрах, сестрических собраниях, послушании; «Путем любви» (2006 г.) — рассказ о том, как начиналась жизнь Свято-Елисаветинского монастыря; «Освящение храма в честь иконы Божией Матери “Державная”» — о визите Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Свято-Елисаветинский монастырь», «Два Андрея» (2015 г.) с участием духовника обители Андреем Лемешоном; «Не от мира сего» (2023 г.) — интервью с насельницами монастыря в дни Великого поста и др.). О Свято-Елисеевской обители регулярно выходят заметки в масс-медиа Республики Беларусь и других стран. Однако комплексной исследовательской работы о социальном служении этого монастыря нет.

Постановка вопроса. Частично закрыть возникшую лакуну призвана настоящая статья. Ее цель — показать деятельность Свято-Елисаветинского монастыря Православной церкви Беларуси в сфере духовно-культурного просвещения и образования.

Источниковой базой работы послужили материалы Свято-Елисаветинского монастыря, размещенные на интернет-сайте этой обители и сохраненные в Архиве Минского епархиального управления, а также выявленная на разных информационных порталах Беларуси и России информация о жизни монастыря.

Методология и методы исследования

При написании настоящего материала были применены различные методы исследования. Принцип научной хронологии дал возможность определить основные этапы создания и развития Свято-Елисаветинского монастыря. Структурно-функциональный подход позволил выявить место и роль церковных отделов, мастерских, подворий и других направлений деятельности монастыря. Метод дедукции использовался при анализе информационного материала, что позволило реконструировать основные направления

деятельности изучаемого монастыря в сфере духовно-культурного просвещения и образования.

Основная часть

Рождение и развитие Свято-Елисаветинского монастыря города Минска в 1999—2024 гг.

Духовным фундаментом Свято-Елисаветинского монастыря в г. Минске, созданного в 1999 г., стало сестричество в честь святой преподобномученицы Великой княгини Елисаветы. Первое заседание сестричества с благословения митрополита Минского и Слуцкого Филарета (Вахромеева) состоялось в Петрово-Павловском соборе белорусской столицы в апреле 1996 г.¹ Место встречи не было случайным. Именно здесь с 1992 г. служил отец Андрей Лемешонок. Этот клирик после принятия крещения в 1978 г. оставил театрально-художественный институт и затем 13 лет подвизался при минском Свято-Духовом кафедральном храме: сторожил, пел в хоре, был звонарем². Позже, по благословению почитаемого в православном мире старца Николая Гурьянова, принял сан. Именно отец Андрей стал инициатором создания сестричества, основу которого составили женщины, исповедовавшиеся у него³. Вместе с отцом Андреем они начали посещать республиканскую психиатрическую больницу (ныне Республиканский научно-практический центр психического здоровья) в поселке Новинки города Минска, который с 2003 г. стал микрорайоном города, и оказывать помощь в уходе за больными. Накануне отмеченного выше собрания в Петрово-Павловском соборе в психиатрической больнице был отслужен молебен, а в конце сентября 1996 г. состоялась первая литургия⁴.

В начале декабря того же 1996 г. владыка Филарет благословил создание сестричества в честь преподобномученицы Великой княгини Елисаветы с ношением сестрами милосердия

¹ Летопись монастыря. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr/istoriya-obiteli/letopis-monastyra> (дата обращения: 09.01.2025).

² Протоиерей Андрей Лемешонок // Радонеж [Б. д.]. URL: <https://radonezh.ru/author/protoierey-andrey-lemeshonok> (дата обращения: 19.01.2025).

³ Создание сестричества. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr/istoriya-obiteli/sozdanie-sestrichestva> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Летопись монастыря.

белого облачения⁵. Через непродолжительное время, 24 марта 1997 г., Государственный комитет по делам религий и национальностей Республики Беларусь зарегистрировал приход в честь преподобномученицы Елисаветы (свидетельство № 412 от 04.04.1997)⁶.

К моменту официального оформления прихода у некоторых сестер милосердия появилось твердое желание стать инокинями. 23 августа 1998 г. первая из них приняла постриг. В этот день в Свято-Иоанно-Богословском женском монастыре в д. Домашаны под Минском монахиней с именем Елисавета стала старшая сестра сестричества Елена Сысун⁷.

На этапе становления монастыря ему, помимо владыки Филарета, значительную поддержку оказал главный врач республиканской психиатрической больницы Александр Зорко. Именно при его содействии на больничной территории в 1997 г. началось строительство храмов⁸. Между тем иерей Андрей Лемешонок еще 2 июня 1999 г. направил митрополиту Филарету письмо, в котором просил преобразовать приход во имя преподобномученицы Елисаветы в монастырь⁹. Посетив сестричество, владыка благословил оформление «документов для регистрации женской обители в честь преподобномученицы Елисаветы»¹⁰. Вскоре в монастыре состоялись первые пострижения. 22 августа 1999 г. в тогда еще недостроенном храме свт. Николая Чудотворца от рук митрополита Филарета иночество приняли Лариса Лейко, Лия Шиленкова и Елена Лаптик (теперешняя игуменья Евфросиния). Еще семь сестер стали послушницами. Владыка объявил этот день днем рождения монастыря и призвал новых инокинь и сестер словами к духовному служению¹¹.

⁵ Там же.

⁶ Д. Свято-Елисаветинский женский монастырь в городе Минске 1997—2002 гг. // Архив Минского епархиального управления. Ф. Минская епархия. Листы без номерации.

⁷ История создания монастыря. URL: <https://obitel-minsk.ru/lutschije/2022/08/istoriya-monastyrya> (дата обращения: 11.01.2025).

⁸ Создание сестричества.

⁹ Основание монастыря. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr/istoriya-obiteli/osnovanie-monastyrya> (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Хотя монастырь с благословения митрополита Филарета фактически существовал с августа 1999 г., свое официальное оформление он получил на заседании Синода Белорусского Экзархата Московского Патриархата 28 октября того же года. В этот день владыка Филарет выступил с докладом об открытии женского монастыря и назначил его настоятельницей монахиню Елизавету (Сысун) с возложением на нее наперстного креста по должности¹².

На этапе становления поддержку монастырю оказал Минский городской исполнительный комитет, что подтверждается письмом митрополита Минского и Слуцкого Филарета председателю Минского областного исполкома П. П. Петуху. В послании, в частности, подчеркивалось, что Белорусский экзархат выражает искреннюю благодарность и признательность светской власти за помощь и поддержку по возрождению духовности в Республике Беларусь¹³.

Жизнь в монастыре протекала не без трудностей. Вскоре после открытия произошел раскол. Игуменья Евфросиния (Лаптик) так описывает причины нестроений: «Монахиня Елисавета, назначенная настоятельницей, мечтала об уединенном, закрытом монастыре, а у нас с самого начала было все совсем не так. Рядом с обителью — психиатрическая больница, интернаты, куда сестры ходили помогать. Но и кроме больных много людей обращалось за помощью»¹⁴. В итоге, как признавал духовник монастыря отец Андрей: «Сестры разделились. Были очень трагические вещи. Я замкнулся и всех людей отталкивал от себя...»¹⁵. Из создавшейся ситуации помог выйти митрополит Филарет. Он повелел провести собрание для выбора новой настоятельницы. В итоге по благословению отца Андрея новой настоятельницей в 2000 г. стала монахиня Евфросиния (Лаптик). Вскоре внутренняя жизнь в монастыре наладилась. Был установлен принятый всеми порядок: «Кроме обязательной еженедельной исповеди у духовника обители отца Андрея, стали проводиться еженедельные монашеские собрания с духовником и игуменией, где

¹² Заседание святого Синода Белорусского экзархата // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 1999. 30 окт. URL: https://ruskline.ru/news_rl/1999/10/30/zasedanie_svyatogo_sinoda_beloruskogo_kzarahata/ (дата обращения: 15.01.2025).

¹³ Д. Свято-Елисаветинский женский монастырь в городе Минске 1997—2002 гг.

¹⁴ Основание монастыря.

¹⁵ Там же.

сестры делятся своими переживаниями и открытиями, где совместно решаются все спорные вопросы и недоразумения»¹⁶.

Развитие монастыря существенно ускорилось. К 2002 году в обители завершили формирование сестринского корпуса в 130 человек¹⁷. 24 апреля 2002 г. иерей Андрей Лемешонок был возведен в санprotoиерея, а старшая сестра монастыря монахиня Евфросиния (Лаптик) стала настоятельницей с возложением на нее наперсного креста¹⁸. Существенно увеличилось число монастырских объектов. Помещавшийся изначально в небольшом двухэтажном домике, он превратился в крупный комплекс. К концу 2024 г., кроме административных и хозяйственных построек, монастырю принадлежало 13 церквей¹⁹, причем не только в Новинском районе Минска. На Северном кладбище белорусской столицы силами монастыря в 2004 г. был построен и в следующем году освящен храм церкви Воскрешения праведного Лазаря Четверодневного. Специалисты отмечают росписи в этой церкви, образцом для которых послужили фрески константинопольского монастырского храма в Хоре (в Стамбуле) с изображением Второго пришествия Иисуса Христа и последнего Суда²⁰.

В проектировании храмов Свято-Елисаветинского монастыря большую роль сыграл известный в Беларуси архитектор Николай Дятко, который использует в работе различные стили древнерусского зодчества (в основном владимиро-суздальский и псково-новгородский)²¹.

За годы существования у монастыря, помимо храмов и административных построек, появились животноводческое хозяйство, теплицы²², многочисленные мастерские (швейная, иконописная,

¹⁶ Основание монастыря.

¹⁷ Летопись монастыря.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Храмы. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr/xramy> (дата обращения: 21.01.2025).

²⁰ Там же.

²¹ О Н. М. Дятко см.: Архитектор: Дятко Николай Михайлович // Православная архитектура Беларуси: Центр духовного просвещения и социального служения Белорусского экзархата. URL: https://hram.by/Архитектор_Дятко_Николай_Михайлович (дата обращения: 21.01.2025).

²² Чем живут в Доме трудолюбия Свято-Елисаветинского монастыря // Минск-Новости.02.12.2016. URL: <https://minsknews.by/chem-zhivut-v-dome-trudolyubiya-svyato-elisavetinskogo-monastyrya/> (дата обращения: 01.02.2025).

керамическая, свечная, столярные, слесарно-механическая, стеноиско-мозаичная и другие)²³, а также подворья.

Первое подворье у Свято-Елисаветинской обители появилось в деревне Лысая Гора в год рождения монастыря — в 1999 г. Расположилось оно примерно в 30 км Минска. Особенностью подворья стало то, что оно изначально создавалось как мужское. Здесь под «копекой монахинь» стали собираться, жить и трудиться «от 50 до 100 братьев — наркоманов, алкоголиков, бывших заключенных, бомжей»²⁴. Иночески к этим людям относятся с доверием. Для их духовного и физического выздоровления силами монастыря в 2009 г. была построена церковь «Неупиваемая Чаша»²⁵. Монастырь помогал приходящим в общину с работой. Для этого в подворье была создана уникальная мастерская лазерной гравировки, где работают только с натуральными материалами (в основном с деревом и кожей) в двух техниках: лазерной резки (или гравировке) и УФ-печати (на коже)²⁶. Выполняется в мастерской также золочение икон по уникальной технологии, зародившейся в Сербии, изготавляются наборы для творчества и развития (прежде всего, для собирания моделей). Ассортимент товаров периодически пополняется, а выпускаемые изделия постоянно дорабатываются и совершенствуются. Многие модели для сборки являются точными копиями оригиналов, так как создаются по заказам фирм-производителей техники (например, Минского автомобильного завода).

Помимо мастерской лазерной гравировки, на подворье в деревне Лысая Гора имеется монастырское подсобное хозяйство, расположившееся на 120 га, выделенных Минским райисполком еще в 1999 г.²⁷ Именно на его базе с июня 2013 г. начались занятия по иппотерапии с больными детьми²⁸.

²³ Мастерские Свято-Елисаветинского монастыря <https://lavka-obitel.ru/workshops>. URL: <https://lavka-obitel.ru/workshops> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁴ «Молитвами этих людей вы спасетесь». 10 лет Свято-Елисаветинскому монастырю // Православие.ru [26.09.2009]. URL: <https://pravoslavie.ru/37715.html> (дата обращения: 17.01.2025).

²⁵ Летопись монастыря.

²⁶ Мастерская лазерной гравировки. URL: <https://lavka-obitel.ru/masterskaya-lazernoy-gravirovki> (дата обращения: 17.01.2025).

²⁷ Летопись монастыря.

²⁸ Там же.

Через 12 лет после создания мужского подворья, 30 июня 2011 г., Свято-Елисаветинский монастырь недалеко от деревни Нелидовичи основал женское подворье²⁹. Сюда стали направлять женщин и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации³⁰. Попадавшие сюда женщины получали возможность заниматься рукоделием, вести хозяйство, а главное — быть вместе со своими детьми. Для их духовного окормления в Нелидовичах восстанавливается храм в честь преподобного Сергия Радонежского.

Территориальный рост монастыря сопровождался ростом числа монашествующих, священства и сестричества. Так, к 2025 г. штате монастыря было 15 священников и диаконов³¹, более 120 насельниц разного возраста³² и около 300 сестер милосердия³³. Расширилось и количество медицинских учреждений, опекаемых Свято-Елисаветинской обителью. Согласно ее сайту, священники, монахини и сестры милосердия, помимо Республиканского научно-практического центра психического здоровья, оказывали помощь пациентам Минского городского центра медицинской реабилитации детей с психоневрологическими заболеваниями, 2-й городской клинической больницы и Республиканского научно-практического центра пульмонологии и фтизиатрии³⁴.

Деятельность Свято-Елисаветинского монастыря на ниве культурно-духовного просвещения и образования

Юридическим основанием для многогранной духовной, культурной и образовательной деятельности Свято-Елисаветинского женского монастыря является «Канонический Устав Белорусской Православной Церкви», который предусматривает право православных общин на создание различных организаций и учреждений с целью

²⁹ Там же.

³⁰ Чем живут в Доме трудолюбия Свято-Елисаветинского монастыря.

³¹ Духовенство. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr#duxovenstvo> (дата обращения: 14.01.2025).

³² Монашество. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr/monashestvo> (дата обращения: 14.01.2025).

³³ Сестричество. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr/cestrichestvo> (дата обращения: 14.01.2025).

³⁴ В медицинских учреждениях и организациях здравоохранения. URL: <https://obitel-minsk.ru/monastyr#duxovenstvo> (дата обращения: 14.01.2025).

осуществления благотворительной, культурно-просветительской, образовательной, издательской, художественной, реставрационной и иной деятельности, а также учреждение средств массовой информации³⁵. Деятельность, прописанная в Уставе Белорусской Православной Церкви, находится в полном соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Рассмотрение культурно- и духовно-просветительской деятельности Свято-Елисаветинского монастыря логично начать с его издательства³⁶. Первая книга, подготовленная здесь, — «Письма преподобного Макария Оптинского» — была подписана в печать 27 октября 2002 г.³⁷ Во главе издательства с благословения отца Андрея Лемешонка встала Ирина Сущеня³⁸. Номенклатура печатной продукции Свято-Елисаветинского монастыря возрастала с каждым годом и к 2025 г. включала акафисты, молитвословы, жития святых, сказки, рассказы, письма, беседы, календари, ежедневники и т. д. Издательство обители превратилось в одно из ведущих церковных (и не только) издательств Республики Беларусь. Напечатанные здесь книги неоднократно завоевывали престижные премии на национальных и международных конкурсах. Отметим несколько наиболее известных проектов, осуществленных издательством монастыря.

В 2014 г., к 150-летию со дня рождения преподобномуученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны, издательство Свято-Елисаветинской обители выпустило фотоальбом «Путем любви», который рассказывал о жизни святой, ее семье, друзьях, деятельности основанной ею Марфо-Мариинской обители. Успех книги был столь заметным, что в 2017 г. фотоальбом переиздали, причем уже в подарочном формате. На этот раз выход книги приурочили к 100-летию со дня мученической гибели святой великой княгини Елисаветы.

³⁵ Устав Белорусской Православной Церкви Белорусского Экзархата. 2009. URL: <https://drevo-info.ru/articles/12535.html> (дата обращения: 13.01.2025).

³⁶ Издательство Свято-Елисаветинского монастыря. URL: <https://lavka-obitel.ru/izdatelstvo> (дата обращения: 13.01.2025).

³⁷ Летопись монастыря.

³⁸ Демидюк О. Издательство ставит своей целью духовное служение: беседа с директором издательства И. Сущеня. 23.01.2024. URL: <https://obitel-minsk.ru/lutschije/2024/01/izdatelstvo-monastyrya?ysclid=mhhkc5b0tj976918972> (дата обращения: 13.01.2025).

Еще один альбом, изданный монастырем и вызвавший большой интерес, получил название «За всё благодарите!». Его выход был приурочен к 80-летию Почетного Патриаршего Экзарха всея Беларуси митрополита Филарета (Вахромеева), отмечавшегося в 2015 г. В данной книге составители собрали фотографии и материалы, охватывающие период деятельности владыки с 2005 по 2014 г.

Среди уникальных изданий монастыря — сборник карманного формата «Тихая пристань», в который вошли стихотворения, письма, личные записи 65 русских поэтов. Произведения в этом собрании размещены не по авторам или тематике, а по датам их написания, что позволяет читателю увидеть духовное возрастание отобранных поэтов.

Особое направление работы издательства — детская и семейная аудитория. Именно на нее, в частности, ориентирован сборник «Христос воскресе, радость моя!», опубликованный в 2015 г. и вобравший светлые пасхальные переживания классиков и современников литературы.

Еще одно важное учреждение Свято-Елисаветинского монастыря в деле просвещения — аудио- и видеостудия во имя святого Иоанна Воина, созданная здесь в 2001 г.³⁹ Изначально ее работа ограничивалась аудиозаписями церковных, народных и авторских песнопений в исполнении хоров обителей — сестрического и Праздничного. Затем стали производиться видеосъемки. Первые заметные успехи пришли весной 2006 г. Тогда видеостудия выпустила первый документальный фильм «Путем любви», а аудиостудия — детский аудиоспектакль «Чудесные приключения Вари и Глеба»⁴⁰. Созданные материалы привлекли внимание и стали распространяться по разным каналам.

Монастырская студия изначально много внимания стала уделять работе с детьми и молодежью. В частности, при создании звукового ряда и ярких персонажей, которые могут вызвать интерес у данной возрастной группы, сотрудники студии привлекали популярных людей и известные творческие коллективы. Например, сербскую исполнительницу православной духовной музыки,

³⁹ Аудиостудия Свято-Елисаветинского монастыря. URL: <https://lavka-obitel.ru/audiostudiya> (дата обращения: 13.01.2024).

⁴⁰ Летопись монастыря.

основателя, регента и руководителя хора «Мелоди» Дивну Любовевич, вокальные ансамбли «Ваганты», «Орнамент» и «Сретение», Санкт-Петербургскую студию документального кино, телеканал «Глас»⁴¹.

В октябре 2022 г. на Долгиновском тракте, что на окраине белорусской столицы, силами Свято-Елисаветинского монастыря был открыт духовно-просветительский центр «Ковчег»⁴². Центр с момента появления стал одним из ведущих институтов в деле культурно-духовного просвещения взрослых и детей⁴³. К концу 2024 г. «Ковчег» включал музыкальный концертный зал, гостиную, читальный ретро-уголок, малый театральный зал, арт-галерею, выставочный зал, видеозал, кафе, банкетный зал, хореографический класс и детскую гостиную «Кораблик». Кроме того, там разместили гостиницу для паломников. Посетители «Ковчега» обращают внимание на особенности его архитектуры — выдержаный в классическом для церковной архитектуры стиле фасад и внутренние современные арт-пространства, позволяющие проводить разноплановые выставки, и необычной конструкции футуристический фонтан⁴⁴.

«Ковчег» изначально задумывался как образовательно-просветительский проект, открытый для людей разных национальностей и вероисповеданий⁴⁵. Подготовленные в нем образовательные программы призваны познакомить всех желающих с основами Православия и укреплять в обществе традиционные семейные ценности. Для этого сотрудники Центра разрабатывают и апробируют разные формы коммуникации — образовательные проекты для взрослых, спектакли и мастер-классы, концерты и кинопоказы, фестивали и выставки, детские праздники, форумы и семинары, уроки духовно-нравственного воспитания. Кроме того, в «Ковчеге»

⁴¹ Там же.

⁴² *Dkaorvianla*. Культурный духовно-просветительский центр «Ковчег» (Беларусь, Минск). 17.10.2024 // Отзовик: сайт частных отзывов. https://otzovik.com/review_16636027.html (дата обращения: 13.01.2025).

⁴³ Духовно-просветительский центр «Ковчег». <https://obitel-minsk.ru/monastyr/kovcheg?ysclid=mhhmmdroc9973564642> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴⁴ *Dkaorvianla*. Культурный духовно-просветительский центр «Ковчег»...

⁴⁵ Духовно-просветительский центр «Ковчег».

важное место с момента создания отводилось развитию талантов. Для этого в нем были созданы школа музыки, вокальная школа, театральная и художественная студии, кружок по хореографии и т. д. Обучение в этих и других школах и кружках «Ковчега» нацелено на сохранение православных традиций. Так, в вокальной школе значительное внимание уделяется церковным произведениям, и дети, обучающиеся здесь, исполняют их на богослужениях и разных мероприятиях монастыря. Театральная и художественная студии всегда привлекаются к постановке театрализованных сцен на празднованиях Рождества Христова, Пасхи и т. д.⁴⁶

Успешной деятельности «Ковчега» в немалой степени способствовало то, что во главе его стоит опытный и знающий человек — монахиня Алексия (Юдина), в светском прошлом выпускница Санкт-Петербургского университета экономики и управления, успешный работник в сфере банкротства и антикризисного управления, музыкальный и творческий человек⁴⁷.

Еще одним просветительским учреждением, действующим при Свято-Елисаветинском монастыре, является частное учреждение образования «Детский сад — средняя школа “Ихвис”», открывшая двери 1 сентября 2014 г.⁴⁸ Однако по факту работает только школа, остающаяся единственной православной школой Беларуси. Ее работе способствует принятая Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2021—2025 гг.

Школа, размещенная в 4-этажном здании по адресу: г. Минск, ул. Выготского, д. 5, — выделяется оригинальной архитектурой. Здание венчают золотой флюгер в виде трубящего ангела и небольшие разноцветные купола над домовой часовней⁴⁹.

С момента создания директором школы «Ихвис» является выпускница государственной Академии музыки по специальности

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Монахиня Алексия (Юдина). URL:<https://obitel-minsk.ru/chitat/den-zadnyom/2021/moi-5-lichnosti-monaxinya-aleksiya?ysclid=mhhpocjb7z24199581> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴⁸ Летопись монастыря.

⁴⁹ Школа «Ихвис». URL: <https://obitel-minsk.ru/shkola-ixvis> (дата обращения: 18.01.2025).

«Музыковедение» монахиня Ольга (Антанович). Педагогический коллектив состоит из высокопрофессиональных специалистов с базовым педагогическим образованием и большим преподавательским стажем⁵⁰. Многие имеют высшую и 1-ю категорию. Среди преподавателей, помимо светских учителей, есть священники и монахини. Так, кружок «Науки — это интересно» для младших классов ведет иерей Олег Коваленко — специалист в области радиофизики и компьютерных технологий, обладатель ученой степени Ph. D., до прихода в школу преподававший в Белорусском государственном университете и Минском областном институте развития образования. Русский язык и литературу в «Ихвис» преподает учитель высшей категории с более чем 30-летним стажем монахиня София (Кладиева), закончившая в свое время Ульяновский педагогический институт имени И. Н. Ульянова.

Наполняемость классов в школе «Ихвис» составляет 12—15 человек, что является, пожалуй, оптимальной численностью для получения учащимися качественных знаний⁵¹. Школа, помимо классов, имеет спортивный, хореографический (4-й этаж) и театральный залы (1-й этаж), а также трапезную (1-й этаж). Школа работает по программе, утвержденной Министерством образования Республики Беларусь, но, кроме освоения предметов, учителя школы очень много внимания уделяют вопросам воспитания — в частности, на факультативном занятии по «Основам православной культуры». Директор «Ихвис» монахиня Ольга (Антонович) обозначила миссию и цель школы следующими словами: «Миссия нашей школы — сочетать и образование, и воспитание. <...> Наша цель — воспитание детского сердца любящим, чистым и добрым. Мы хотим, чтобы каждый ребенок оставался настоящим, не потерял своей внутренней душевной красоты, не заразился неправдой»⁵². Слова директора дополняет и уточняет духовник обители отец Андрей Лемешонок: «Еженедельно я исповедую сотни людей ...

⁵⁰ Учителя школы «Ихвис». URL: <https://obitel-minsk.ru/shkola-ixvis/uchitelya-shkoly> (дата обращения: 18.01.2025).

⁵¹ Школа «Ихвис».

⁵² Монахиня Ольга (Антанович): «Вместе с детьми мы учимся настоящему» [интервью] // Монастырский хронограф. 21.08.2024. URL: <https://monasteri.cerkov.ru/2024/08/21/monaxinya-olga-antanovich-vmeste-s-detmi-my-uchimsya-nastoyashhemu/> (дата обращения: 19.01.2025).

и могу с уверенностью сказать, что многих жизненных трагедий можно было бы избежать, если бы дети с малых лет получали духовную закалку. Для этого и существует наша школа. Начинать воспитание в вере нужно как можно раньше, ведь дети — это маленькие деревца, еще не поврежденные злом. Большое дерево вылечить уже трудно, иногда приходится... и пилить»⁵³.

Ребята в школе «Ихвис» находятся с 8:30 до 18:30, для них организовано трехразовое питание⁵⁴. Для учащихся первых классов во второй половине дня предусмотрен также дневной сон. Школьники имеют также возможность прогулок на свежем воздухе и выполнения домашних заданий при содействии учителей.

В «Ихвисе» большое внимание уделяется разностороннему творческому развитию детей, раскрытию их способностей. Для этого в школе открыты занятия по хореографии и музыке (вокальный кружок «Улыбка», игре на фортепиано и гитаре), действуют спортивная секция по баскетболу и театральная студия «Овация», осуществляется программа «Науки — это интересно», введены дополнительные занятия по английскому языку.

К учащимся школы «Ихвис» часто приезжают известные люди. Например, с детьми встречались Алексей Савватеев — известный московский профессор и популяризатор математики, белорусский писатель Владимир Липский, поэт и педагог протоиерей Артемий Владимиров, член федерации танцев Робер Жак, мультипликатор Наталья Федченко⁵⁵.

Для проверки качества получаемого образования и раскрытия детских талантов в школе «Ихвис» регулярно проводятся конкурсы, викторины, организуются конференции с краеведческой тематикой, в которых вместе со школьниками участвуют и родители⁵⁶. Кроме того, учащиеся этого заведения регулярно выступают на олимпиадах по учебным предметам, а также участвуют в иных конкурсах и турнирах.

⁵³ Мицкевич Е. В чем феномен единственной в Беларуси православной средней школы // Настаўніцкая газета. 05.01.2024. URL: <https://nastgaz.by/v-chem-fenomen-edinstvennoj-v-belarusi-pravoslavnoj-srednej-shkoly/> (дата обращения: 19.01.2025).

⁵⁴ Школа «Ихвис».

⁵⁵ Монахина Ольга (Антанович): «Вместе с детьми мы учимся настоящему» [интервью].

⁵⁶ Там же.

Помимо центра «Ковчег» и школы «Ихвис», в Свято-Елисаветинском монастыре г. Минска духовно-просветительским воспитанием детей от 6 лет с 1998 г. занимается воскресная школа в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любови⁵⁷. Здесь на занятиях по религии дети знакомятся с историей христианства, основами Православного учения, историей и традициями Православной церкви, получают в облегченном варианте первые знания по моральной и доктринальной теологии. Следует отметить, что нередко с учащимися воскресной школы занимаются специалисты монастырских мастерских. В частности, с тонкостями ремесла детей знакомят мастера по мозаике⁵⁸.

Задачи духовного, но с большим упором на патриотическое, воспитания призвано решать православное молодежное движение «Орлята», созданное при Свято-Елисаветинском монастыре в 2020 г.⁵⁹ В него входят дети и подростки от 8 до 17 лет. Главная задача «Орлят» — формирование, развитие и воспитание нравственных и духовных ценностей у детей и подростков для подготовки к самостоятельной жизни, служению ближнему и своей семье. Движение «Орлята» предлагает различные варианты воспитательных мероприятий с целью общения, объединения детей и взрослых, получения новых знаний и развития природных и творческих способностей. Все эти мероприятия укладываются в разработанную программу «Знак различия», где «каждый знак различия можно получить на четырех разных уровнях в пяти направлениях: 1) жизненные навыки; 2) мероприятия на открытом воздухе; 3) занятия спортом; 4) усвоение духовного наследия нашего народа; 5) участие в культурной и творческой жизни»⁶⁰. Для лучшей реализации способностей и освоения программы «орлята» разбиты на 4 возрастные группы: 8—10, 10—12, 13—15 и 15—17 лет. Популярность движения оказалась столь значительной, что количество

⁵⁷ Воскресная школа. URL: <https://obitel-minsk.ru/voskresnaya-shkola>(дата обращения: 20.01.2025).

⁵⁸ Мозаичная мастерская. URL: <https://lavka-obitel.ru/mozaika> (дата обращения: 14.01.2025).

⁵⁹ Православное молодежное движение «Орлята». URL: <https://xn--80adffaenc2arny1a5p.xn--90ais/> (дата обращения: 22.01.2025).

⁶⁰ Там же.

желающих попасть в отряды оказалось выше возможностей их организаторов. Как итог, на монастырском сайте движения «Орлята» можно увидеть такое объявление: «Вниманию всех желающих! В этом году набор детей в движение “Орлята” закончен. Вся дополнительная и новая информация будет размещена на сайте. Спасибо!».

Вопросы культурно-духовного просвещения и воспитания в Свято-Елисаветинском монастыре осуществляют также Паломнический центр и паломническая служба. Центр занимается оказанием экскурсионно-туристических услуг, среди которых — экскурсии по православным святыням Минска, монастырю и подворью, а также организация и проведение паломнических программ по Беларуси и зарубежью («Третьяковская галерея и святыни Москвы», «Барань и Крысово», «Жировичи и Крысово», «Дивеево—Муром», «Валаам», «Соловки и Санкт-Петербург», «Нило-Столобенская пустынь», «Минск православный» и др.)⁶¹. Кроме того, Паломнический центр Свято-Елисаветинского монастыря участвует в организации и проведении православных выставок-ярмарок «Кладезь» и «Добродел», которые традиционно привлекают внимание. История «Кладезя» ведет отсчет с выставки, организованной монастырем в августе 2008 г. с благословения архиепископа Новогрудского и Лидского Гурия (Апалько) и при поддержке Новогрудского райисполкома⁶².

Еще одно направление работы монастыря — фестивали, пропагандирующие православную культуру («Радость», «Единая вера — единая Русь Святая», «Читающий город», «Свои» и другие), которые проводятся ежегодно. Площадками для них становятся не только залы центра «Ковчег», но различные места в Российской Федерации⁶³.

Среди последних по времени значимых культурно-просветительских событий, в которых Свято-Елисаветинский монастырь принял самое активное участие, стал фестиваль «Шукшинские дни», прошедший в Беларуси с 6 по 27 октября 2024 г. и приуроченный к 100-летию белорусского кинематографа и 95-летию

⁶¹ Экскурсии. URL: <https://palomniki-obitel.by/> (дата обращения: 22.01.2025).

⁶² Летопись монастыря.

⁶³ Паломнический центр Свято-Елисаветинского монастыря. URL: <http://palomniki-obitel.by/> (дата обращения: 19.01.2025).

со дня рождения Василия Шукшина. Местом знаковых мероприятий форума стал монастырский духовно-просветительский центр «Ковчег». На церемонии открытия фестиваля, помимо священства и творческих людей, присутствовали представители Министерства культуры Беларуси, Белорусского союза кинематографистов, посольства РФ в Беларуси и Россотрудничества. Программа «Шукшинских дней» открылась выставкой «Русь. Веси, лица. земля», которая была посвящена Анатолию Заболоцкому — кинооператору-постановщику, фотохудожнику, кинооператору и другу Василия Шукшина. Кроме того, в программу были включены ретроспективные показы фильмов, чтение произведений В. Шукшина, творческие встречи, ретро-концерт живой музыки «Хиты 60—70-х», выступление архиерейского хора кафедрального собора г. Минска и другие мероприятия⁶⁴.

Заключение

Проведенная работа позволяет сделать следующий вывод. Свято-Елисаветинский женский монастырь в Минске относится к молодым обителям Республики Беларусь и остается единственным монастырем ее столицы. Центральную роль в его появлении и становлении сыграл отец Андрей Лемешонок, инициативы которого были поддержаны его духовными дочерьми и митрополитом Минским и Слуцким Филаретом (Вахромеевым). Важно также то, что удалось установить хорошие отношения со светскими властями. В итоге Минский исполнком и руководство республиканской психиатрической больницы, на территории которой зарождался монастырь, с момента создания стали оказывать обители действенную поддержку. Эта помощь, труд священников и монахинь содействовали превращению Свято-Елисаветинского

⁶⁴ Фестиваль «Шукшинские дни» пройдет в Минске в октябре. Что в программе // Минск-Новости. 02.10.2024. URL: <https://minsknews.by/festival-shukshinskie-dni-projdet-v-minske-v-oktyabre-chto-v-programme/>(дата обращения: 22.01.2025); Елисаветинский женский монастырь открыл в Минске «Шукшинские дни». URL: <https://monasterium.ru/publikatsii/novosti-eparkhialnykh-monastyrej/elisavetinskiy-zhenskiy-monastyr-otkryl-v-minske-shukshinskie-dni> (дата обращения: 22.01.2025); Фестиваль «Шукшинские дни» стартует в Минске // Sputnik. Беларусь. 07.10.2024. URL: <https://sputnik.by/20241006/festival-shukshinskie-dni-startuet-v-minske-1090050432.html> (дата обращения: 22.01.2025).

монастыря за очень короткий по историческим меркам период в один из крупнейших в Беларуси. Кроме того, он выдвинулся на передовые в стране позиции в культурно-духовном просвещении и образовании.

Культурная и духовно-просветительская, а также образовательная деятельность монастыря в изученный период была нацелена на воспитание у всех, кто соприкасался с монастырем, христианских ценностей, уважения к традиционной православной культуре, которая органично вписывается в духовность и менталитет многоконфессионального белорусского народа. Для достижения этих целей в Свято-Елисаветинской обители за изученный период была создана инфраструктура, включающая издательство, аудио- видеостудию имени Иоанна Воина, частную школу «Ихвис», движение «Орлята», Паломнический центр и т. д. Причем монастырь не замыкается на устоявшихся формах работы и коммуникации, но постоянно ищет новые. Ярким сочетанием проверенных форм работы и новационных подходов стал духовно-просветительский центр «Ковчег». Нацеленный на вовлечение в культурно-духовное просвещение и изначально не ориентированный только на православных людей, он быстро приобрел авторитет и стал заметным явлением в культурной жизни Беларуси и международном сотрудничестве. Прежде всего, с Россией, большинство населения которой относит себя к православным.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 12.02.2025; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Информация об авторе / Information about the author

A. M. Dovnar — аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно; учитель истории и обществоведения, гимназия № 34, Минск, Республика Беларусь.

A. M. Dovnar — graduate student of the Department of History of Belarus, archeology and special historical disciplines, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno; teacher of history, Gymnasium № 34, Minsk, Republic of Belarus.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 176—184.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 176—184.

Обзор

УДК 94(470.315)"18/19":614.2

EDN <https://elibrary.ru/viebtg>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.9

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

**НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.** Рец. на кн.: Балдин К. Е.
**Страницы истории здравоохранения в Иваново-
Вознесенске. Дореволюционный период. Иваново:
Иван. гос. ун-т, 2024. 432 с.**

Юрий Анатольевич Иванов

Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя,
Россия, iv_shuya@mail.ru, SPIN-код: 5375-9596,
<https://orcid.org/0009-0006-2085-6254>

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на монографию, автором которой является известный историк-регионовед К. Е. Балдин (Ивановский государственный университет). Рассматриваемая нами книга представляет собой комплексное исследование, посвященное истории фабрично-заводской, городской, земской, частной медицины в крупном промышленном центре — городе Иваново-Вознесенске во второй половине XIX — начале XX в. Это исследование отличается новизной, ряд глав работы К. Е. Балдина посвящен проблематике, которая до сих пор не становилась объектом исследования историков. Кроме того, автором были использованы архивные источники, которые до настоящего времени не вводились в научный оборот. Особое

внимание автор уделяет деятельности специалистов, трудившихся в этот период в различных лечебных учреждениях города — фабричных, земских, городских и др. врачей. Автор на основе разнообразных и заслуживающих доверия источников исследовал материальное и служебное положение медицинской интеллигенции, деятельность отдельных выдающихся ее представителей. Рецензируемая работа отличается актуальностью, т. к. в условиях недавно окончившейся пандемии COVID-19 очень важно исследовать опыт борьбы с эпидемиями, накопленный в России более века назад. Новая монография К. Е. Балдина может быть использована как в дальнейших научных исследованиях, так и в учебной работе со студентами.

Ключевые слова: здравоохранение, муниципальная медицина, фабрично-заводская медицина, медицинская интеллигенция, врачебная частная практика, материальное положение интеллигенции, правовое положение интеллигенции, лечебные учреждения, медицинские общественные организации, исторические источники, новизна исторического исследования

Для цитирования: Иванов Ю. А. Новая книга по истории здравоохранения и провинциальной медицинской интеллигенции. Рец. на кн.: Балдин К. Е. Страницы истории здравоохранения в Иваново-Вознесенске. Дореволюционный период. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. 432 с. // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 176—184.

Review

A NEW BOOK ON THE HISTORY OF HEALTH CARE AND THE PROVINCIAL MEDICAL INTELLIGENTSIA

**Review on the book: Baldin, K. E. (2024), Pages
of the History of Health Care in Ivanovo-Voznesensk.
Pre-revolutionary period, Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia**

Yuriy A. Ivanov

Shuya Branch of Ivanovo State University, Shuya, Russia,
iv_shuya@mail.ru, SPIN-код: 5375-9596,
<https://orcid.org/0009-0006-2085-6254>

Abstract. The publication is a review of the monograph authored by the well-known historian and regional scholar K. E. Baldin (Ivanovo State University). The book under consideration is a comprehensive study devoted to the history of factory, urban, zemstvo, private medicine in a large industrial

center — the city of Ivanovo-Voznesensk in the second half of the XIX — early XX centuries. In addition, the author used archival sources, which have not yet been introduced into scholarly discourse. The author pays special attention to the activities of specialists who worked during this period in various medical institutions of the city — factory, zemstvo, city and other doctors. The author, on the basis of various and trustworthy sources, studied the material and official position of the medical intelligentsia, the activities of some of its outstanding representatives. The reviewed work is distinguished by its relevance, because in the context of the recently ended COVID-19 pandemic, the experience of combating epidemics accumulated in Russia more than a century ago is very important. The new monograph by K. E. Baldin can be used both in further scientific research and in educational work with students.

Keywords: health care, municipal medicine, factory medicine, medical intelligentsia, private medical practice, financial situation of the intelligentsia, legal status of the intelligentsia, medical institutions, medical public organizations, historical sources, novelty of historical research

For citation: Ivanov, Yu. A. (2025), ‘A new book on the history of health care and the provincial medical intelligentsia. Review on the book: Baldin, K. E. (2024), Pages of the History of Health Care in Ivanovo-Voznesensk. Pre-revolutionary period, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 176—184 (in Russ.).

На рубеже XX—XXI столетий активизировалось изучение истории повседневной жизни, причем не только в столицах, но и в провинции. Этот процесс в определенной степени являлся реакцией на то, что в советской исторической науке исследователи занимались, в основном, социально-экономической и политической историей. В настоящее время актуально изучение истории повседневной жизни. Особенно интересны урбанистические сюжеты, которые, как правило, хорошо обеспечены разнообразными источниками.

Значимым событием в изучении повседневности стал выход в свет монографии профессора К. Е. Балдина (Ивановский государственный университет), которая посвящена истории здравоохранения и медицины в городе Иваново-Вознесенске во второй половине XIX — начале XX в. [Балдин, 2024]. Она представляет собой третью по счету монографию в той книжной серии, которую известный ученый-регионовед начал реализовывать в 2021 году и которую условно можно назвать «Старый Иваново-Вознесенск». Первые две

были посвящены истории неполитических и некоммерческих общественных организаций и образовательных учреждений «Русского Манчестера» во второй половине XIX — начале XX в. [Его же, 2021b; Его же, 2022].

Нельзя сказать, что история медицины и здравоохранения в Иванове не изучалась. В Ивановской государственной медицинской академии (ныне — медицинском университете) плодотворно работает группа исследователей во главе с О. В. Тюриной, во многом благодаря которой вышли в свет книги, посвященные этой тематике [Его же, 2003; Тюрина, 2011]. Однако монография К. Е. Балдина представляет собой комплексное исследование всех сегментов местной медицины (городской, земской, фабрично-заводской, частной) и отличается значительным объемом — 25,1 п. л. (432 с.), не считая объемистой вклейки с иллюстрациями — дореволюционными и современными фотографиями.

Исследование, которое провел К. Е. Балдин по этой тематике, в течение прошедших двух-трех лет неоднократно прошло апробацию в научной среде. Автор не раз выступал с докладами на региональных и всероссийских конференциях, а также на страницах журнала «Интеллигенция и мир» [Балдин, 2021c; Его же, 2023]. Она из глав рецензируемой книги в более развернутом виде вошла в состав очерков истории Ивановской областной клинической больницы, которые были опубликованы в 2021 году и получили одобрение местной медицинской общественности [Его же, 2021a].

Автор в своей книге использовал корпус разнообразных и информативных источников, в том числе архивные делопроизводственные документы, статистические материалы, публикации местной периодической печати конца XIX — начала XX в. Большинство этих источников до сих пор не вводились учеными в научный оборот. Это документы из Государственного архива Владимирской области (фонд № 14 — канцелярия губернатора и № 40 — губернское правление), Государственного архива Ивановской области (фонд № 2 — Иваново-Вознесенская городская управа и др.). Среди опубликованных документов весьма полезны для автора оказались отчеты двух больниц — для мастеровых и рабочих и Куваевской, а также «Журналы» Шуйского уездного земского собрания, в которых ежегодно публиковалась информация о деятельности больницы шуйского земства в Иваново-Вознесенске.

О большинстве лечебных учреждений и о медицинском обслуживании в «Русском Манчестере» регулярно упоминали на своих страницах местные повременные издания — «Ивановский листок», относившийся к категории провинциальной «желтой» прессы, и более солидный «Старый владимираец», выходивший в губернском центре. К сожалению, современники анализируемых событий почти не оставили мемуарных свидетельств о такой важной стороне городской жизни, как медицинское обслуживание.

Научный труд К. Е. Балдина заинтересовал нас, прежде всего, благодаря тому что он вносит заметный вклад в изучение истории провинциальной интеллигенции. На страницах монографии представлены городские, земские, фабричные, школьные и другие врачи, которые работали в Иваново-Вознесенске с 60-х годов XIX столетия до революционных событий 1917 года. Многие из них продолжали трудиться на том же поприще и в советский период.

Автор уделяет много внимания служебному положению специалистов с высшим медицинским образованием и приходит к закономерному выводу о том, что почти все они, включая наемных муниципальных служащих, имели «права государственной службы». Эта принятая до революции стандартная формулировка означала, что их карьерный рост отражался в присвоении им чинов по «Табели о рангах», а после достижения определенного стажа и возраста пенсия выплачивалась одновременно с жалованием, если врачи не хотели окончательно уходить на «заслуженный отдых».

Что касается материального положения, то среди представителей массовых интеллигентских профессий врачи были одной из самых высокооплачиваемых, опережая в этом отношении и педагогов, и агрономов, находясь по этому показателю на уровне инженерных работников на промышленных предприятиях. Высокий уровень доходов был обусловлен тем, что, вследствие дефицита квалифицированных специалистов, почти каждый врач трудился на двух-трех работах и, кроме того, пополнял свой бюджет частной практикой. В отличие от рабочих, чей трудовой день в начале XX века составлял 9—10 часов, врачи трудились по 12—14 часов в сутки и часто отправлялись в мир иной, будучи не на покое, а на боевом посту.

К. Е. Балдин убедительно доказывает, что труд медицинской интеллигенции зачастую можно назвать героическим в полном

смысле этого слова. Особенно это касается периодов эпидемий и военного времени, когда, дополнительно к прежним обязанностям, приходилось также трудиться в инфекционных стационарах, где можно было легко подхватить холеру или тиф, или в тыловых военных лазаретах. Особенno большой вклад в развитие медицины в городе внесли такие руководители медицинских учреждений, как К. И. Дементьев, П. А. Алявдин, Н. А. Фролов и др.

Важную роль в развитии здравоохранения в Иваново-Вознесенске играли местные фабриканты. Государственные расходы на медицину были более чем скромными, а финансовые возможности городских муниципалитетов и земств — ограниченными. В этих условиях крупные пожертвования местных предпринимателей были очень своевременными. Н. Г. и Н. Х. Бурылины на свои средства построили для горожан Куваевскую больницу, более того — они положили в банк значительную сумму, проценты с которой использовались для содержания этого лечебного учреждения. Фабриканты А. И. и М. А. Гарелины организовали в Иваново-Вознесенске так называемую больницу для хроников, т. е. фактически — хоспис для неизлечимых больных. К сожалению, для широкой публики менее известным, чем траты Бурылиных и Гарелиных, остается выдающийся факт пожертвования предпринимателем И. В. Небурчиловым суммы в один миллион (!) рублей на различные нужды города (в основном они были потрачены на строительство медицинских учреждений).

Благодаря фабрикантам еще за десять лет до создания города было создано совершенно уникальное, не имевшее аналогов в соседних крупных городах лечебное учреждение — больница для мастеровых и рабочих (другое, «народное» название ее — больница для чернорабочих). Для ее строительства и содержания фабриканты вносили деньги пропорционально численности рабочих и служащих на их предприятиях. Небольшие деньги на содержание больницы платили и ее потенциальные пациенты, т. е. работники предприятий. Каждому из них выдавался особый документ, называвшийся больничным билетом, который выполнял функции современного медицинского полиса. В этом лечебном учреждении оказывались медицинские услуги любого профиля, за исключением такого специфического, как психиатрическая помощь.

Масштабное исследование К. Е. Балдина отличается научной новизной. В нем комплексно, в тесной взаимосвязи друг с другом рассмотрены все аспекты истории лечебных практик в условиях провинциального города. История некоторых лечебных учреждений: больницы для мастеровых и рабочих, Куваевской больницы, строительства инфекционной больницы на капитал, завещанный И. В. Небурчиловым, и др. — так или иначе затрагивались в региональных исследованиях. В то же время такие сюжеты, как история больницы хроников, борьба с эпидемиями, частная врачебная практика, развитие медицины для «братьев наших меньших», т. е. ветеринарии, рассмотрены К. Е. Балдиным буквально «с чистого листа».

Нельзя не отметить, что некоторые здания, в которых располагались иваново-вознесенские лечебницы до революции, сохранились до наших дней. Более того — они до сих пор активно используются по своему прямому назначению. Это отдельные здания, оставшиеся от комплекса больницы для мастеровых и рабочих, Куваевская больница (ныне — городская больница № 2), земская больница (ныне — детская городская поликлиника № 3), больница для хроников (ныне — кожно-венерологический диспансер) и др. Данные уникальные исторические объекты могут быть включены в маршруты экскурсий по городу, а фактический материал о них гиды могут найти на страницах рецензируемой нами книги. Таким образом, исследовательский труд К. Е. Балдина вполне реально использовать для патриотического воспитания населения и особенно — молодежи.

В заключение, пользуясь правом рецензента, сформулируем одно пожелание автору. В текст монографии целесообразно было бы включить небольшой раздел об общественных организациях, объединявших до революции медиков Иваново-Вознесенска: об обществах врачей и фельдшеров, о кружке фармацевтов. В этом разделе также уместен очерк об отделении Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом — многолюдной и деятельной организации, созданной в Иваново-Вознесенске. В значительной степени благодаря местной интеллигенции сначала была открыта туберкулезная амбулатория, затем собраны деньги на строительство соответствующего стационара в виде санатория. К сожалению, он так и не начал свою работу, поскольку в начале Первой мировой войны в нем потребовалось разместить тыловой госпиталь. Все упомянутые выше микроисторические сюжеты освещены автором в другой его монографии (об истории местных общественных

организаций), о которой мы уже упоминали в начале настоящей рецензии. Однако эта информация просится и на страницы только что вышедшей в свет книги по истории медицины и здравоохранения.

Список источников

- Балдин К. Е., Белин Н. Б., Тюрина О. В., Кораблева Т. Г., Сарбеева С. А., Малышева С. М., Шамардин А. А. Развитие системы здравоохранения в Иваново-Вознесенске во второй половине XIX — начале XX в. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 96 с.
- Балдин К. Е. Ивановская областная клиническая больница. Очерки истории (1861—2021 гг.). Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2021а. 328 с.
- Балдин К. Е. У истоков гражданского общества в российской провинции: общественные организации Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.) Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021б. 268 с.
- Балдин К. Е. Служебное положение медицинской интеллигенции Иваново-Вознесенска на рубеже XIX—XX вв. // Интеллигенция и мир. 2021с. № 1. С. 30—49. doi: 10.46725/IW.2021.1.2.
- Балдин К. Е. Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 276 с.
- Балдин К. Е. Условия труда и быта медицинской интеллигенции города Иваново-Вознесенска на рубеже XIX—XX вв. // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 68—90. doi: 10.46725/IW.2023.2.4.
- Балдин К. Е. Страницы истории здравоохранения в Иваново-Вознесенске. Дореволюционный период. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. 432 с.
- Тюрина О. В., Балдин К. Е., Бактишина Е. К., Каиманова Г. Н., Поляков Б. А., Околотин В. С., Корсун В. П. История здравоохранения Ивановской области. Иваново: Иван. гос. мед. академия, 2011. 208 с.

References

- Baldin, K. E. (2021a), *Ivanovskaiia oblastnaia klinicheskaiia bol'nitsa. Ocherki istorii (1861—2021 gody)* [Ivanovo Regional Clinical Hospital. Essays on history (1861—2021)], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Baldin, K. E. (2021b), *U istokov grazhdanskogo obshchestva v rossiiskoi provintsiii: obshchestvennye organizatsii Ivanovo-Voznesenska (konets XIX — nachalo XX veka)* [At the origins of civil society in the Russian province: public organizations of Ivanovo-Voznesensk (late 19th — early 20th centuries)], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Baldin, K. E. (2021c), ‘The official position of the medical intelligentsia of Ivanovo-Voznesensk at the turn of the 19th—20th centuries’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 1: 30—49, doi: 10.46725/IW.2021.1.2.

- Baldin K. E. (2022), *Obrazovatel'noe prostranstvo rossiiskoi provintsii: uchebnye zavedeniia goroda Ivanovo-Voznesenska (konets XIX — nachalo XX vekov)* [Educational space of the Russian province: educational institutions of Ivanovo-Voznesensk (late 19th — early 20th century)], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Baldin, K. E. (2023), ‘Working and living conditions of the medical intelligentsia of the city of Ivanovo-Voznesensk at the turn of the 19th—20th centuries’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 2: 68—90, doi: 10.46725/IW.2023.2.4.
- Baldin, K. E. (2024), *Stranitsy istorii zdravookhraneniia v Ivanovo-Voznesenske. Dorevoliutsionnyi period* [Pages of the history of healthcare in Ivanovo-Voznesensk. Pre-revolutionary period], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Baldin, K. E., Belin, N. B., Tyurina, O. V., Korableva, T. G., Sarbeeva, S. A., Malysheva, S. M. and Shamardin, A. A. (2003), *Razvitiye sistemy zdravookhraneniia v Ivanovo-Voznesenske vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka* [Development of the healthcare system in Ivanovo-Voznesensk in the second half of the 19th — early 20th centuries], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Tyurina, O. V., Baldin, K. E., Baklushina, E. K., Kashmanova, G. N., Polyakov, B. A., Okolotin, V. S. and Korsun, V. P. (2011), *Istoriia zdravookhraneniia Ivanovskoi oblasti* [History of healthcare in the Ivanovo region], Ivanovskaya gosudarstvennaya meditsinskaia akademiiia, Ivanovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about author

Ю. А. Иванов — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, географии и экологии, Шуйский филиал, Ивановский государственный университет, Шуя, Россия.

Yu. A. Ivanov — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of History, Geography and Ecology, Shuya Branch, Ivanovo State University, Shuya, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2025 ГОД

Наименование статьи	№
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ	
Комиссаров В. В. Управленческий потенциал советской интеллигенции: возвращение к старой дискуссии	3
Соловьев А. А. Русская интеллигенция: эсхатология самоидентичности	1
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
Усманов С. М., Буданова И. А., Бабина А. А. Университетский профессор в лабиринтах и тупиках современного мира	1
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
Волкова Е. С. «Писать необходимо, жить не необходимо»: литература и литераторы конца XX — начала XXI в. на страницах художественных произведений дальневосточных авторов	4
Гусева М. А. Образ университетского «ученого мужа» (в трудах средневековых богословов, документах университетов XII—XIV веков)	2
Зябличков А. В. Киносталиниана 1930—1950-х гг.: технология мистификации истории	3, 4
Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Жизнь провинциальной советской интеллигенции первой половины 1950-х годов (по дневникам и письмам из личного архива Д. А. Крайнова)	4
Рыбин В. Д. Легалисты между русскими революциями: воспоминания современников	3

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

К 50-летию

Ивановского государственного университета

Ключев М. В. 50 лет развития химии и химического образования в Ивановском государственном университете 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Иванов Ю. А., Красницкая Т. А. Неосуществившиеся проекты в области церковно-школьного образования в России в конце XIX — начале XX века 1

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Воронцов С. Л., Лобова А. А. Личность графа М. С. Воронцова как пример служения Отечеству 3

Долженкова Т. И. «Монументальное посольство»: деятельность народного художника В. М. Клыкова в России и за рубежом как частная попытка укрепления международных отношений в конце XX — начале XXI века 4

Евсеев В. А. Дефо как пропагандист промышленного процветания Англии в начале XVIII в. (на примере сочинения «Путешествия по восточным графствам Англии») 3

Иеромонах Макарий (Маркиш). Эрик Блэр: безысходность обманутой веры 1

Локшин А. Е. Вехи биографии Теодора Герцля. Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. 3, 4

Паункович З. Три эссе о русских интеллигентах (Константин Леонтьев, Александр Грин, Сергей Дурылин) 3

Таганов А. Н. Натали Саррот в контексте интеллектуальной жизни города Иваново 4

Терехов О. Э., Терехова О. Н. Историк на переломе эпох: памяти И. Ю. Николаевой 2

Ткачев В. В. Б. И. Лебединский и Н. М. Ядринцев (на пути к созданию Художественного музея в Иркутске) 3

Усманов С. М. Русские интеллигенты и их искания: взгляд сербского интеллектуала 3

Хавкин Б. Л. Лев Копелев и диалог культур 3

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Хлопаева Н. А., Хлопаева М. Е. Власть и интеллигенция: реконструкция коммуникационной стратегии по материалам советской прессы 1922 года 4

ДЕБЮТ

Добрачев П. Е. Жизненные траектории репрессированных интеллигентов в условиях сибирской административной ссылки 1920-х гг. 2

Довнар А. М. Просветительская и образовательная деятельность Свято-Елисаветинского монастыря города Минска в 1999—2024 гг. 4

Жила Ю. В. Становление исторического образования в Симбирско-Ульяновском крае в первой половине XX века 2

Ильин И. А. Положение старообрядцев Симбирского края в рамках религиозной ситуации в Российской империи 1

Филиппова А. И. Политическая борьба эпохи Войн Роз в освещении представителей лондонской городской элиты — Уильяма Грегори и Роберта Бейла 1

Хрулев С. П. Аго фон Мальцан: становление дипломата и основные этапы деятельности на советском направлении 2

ДИСКУССИЯ

Порозов В. А. Термин «интеллигенция / интеллектуалы» в российском интеллигентоведческом контексте 2

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Точенов С. В. Переписка главного режиссера Ивановского молодежного народного театра Р. М. Гринберг и коллектива театра с представителями творческой элиты московской интеллигенции 1, 2

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

Лифшиц А. С. Стихотворения 3

Новиков В. В., Казачкова М. Г. Полет мысли и искры чувств. Заметки о профессоре Аркадии Семеновиче Лившице и его творчестве 2

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Жульков М. В. Достижения СССР в научно-популярном представлении. Рец. на кн.: Комиссаров В. В. *Отечественная интеллигенция и научная популяризация в 1945—1985 гг. Иваново: Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, 2024. 216 с.* 2

Иванов Ю. А. Новая книга по истории здравоохранения и провинциальной медицинской интелигенции. Рец. на кн.: Балдин К. Е. *Страницы истории здравоохранения в Иваново-Вознесенске. Дореволюционный период. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. 432 с.* 4

Черноперов В. Л. Вариативность развития международных отношений и ответственность политиков: размышления над монографией И. Э. Магадеева «В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы» 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Калинин А. К., Усманов С. М. «Комплекс интеллигента» в контексте университетской традиции 1

AB MEMORIAM

Лапшина И. К. Памяти Румяны Ангеловой Михневой (1949—2025) 1

CONTENTS

The title of the article	№
URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES	
Kommisarov V. V. The managerial potential of the soviet intelligentsia: a return to an old discussion	3
Solovyov A. A. Russian intelligence: eschatology of (self)identity	1
INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY	
Usmanov S. M., Budanova I. A., Babina A. A. A university professor in the labyrinths and the dead ends of the modern world	1
FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA	
Guseva M. A. The image of a university “learned man” (in the works of medieval theologians, documents of universities of the XII—XIV centuries)	2
Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. The life of the provincial soviet intelligentsia in the first half of the 1950s (based on the diaries and letters from D. A. Krainov's personal archive)	4
Rybin D. V. Legalists between the first and second revolutions in the memoirs of contemporaries	3
Volkova E. S. “It is necessary to write, it is not necessary to live”: literature and writers of the late XX — early XXI centuries in the fiction of the Russian Far East	4
Zyablikov A. V. Kinostaliniana of the 1930s and 1950s: the Technology of Hoaxing History	3, 4
INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS	
To the 50th anniversary of Ivanovo State University	
Klyuev M. V. 50 years of development of chemistry and chemical education at Ivanovo State University	1

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

Ivanov Y. A., Krasnitskaya T. A. Unimplemented projects in the field of church-school education in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century	1
PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES	
Dolzhenkova T. I. “The monumental embassy”: the activity of the people's artist V. M. Klykov in Russia and abroad as a private attempt to strengthen international relations in the 1990s — early 2000s	4
Evseev V. A. Defoe as a propagandist of the industrial prosperity of England in the early XVIII century (on the example of the work “Travels in the eastern counties of England”)	3
Khavkin B. L. Lev Kopelev and the Dialogue of Cultures	3
Lokshin A. Ye. Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and Antisemitism in the late XIX — early XXI centuries	3, 4
Makarios (Markish), priest-monk. Faith Falsified: Lifelong Wound of Eric Blair	1
Paunkovich Z. Three essays on members of Russian intelligentsia (Konstantin Leontiev, Alexander Green, Sergey Durylin)	3
Taganov A. N. Natalie Sarraute in the context of Ivanovo's intellectual life	4
Terekhov O. E., Terekhova O. N. Historian at the turning point of eras: in memory of I. Yu. Nikolaeva	2
Tkachev V. V. B. I. Lebedinsky and N. M. Yadrintsev (on the way to the creation of an Art Museum in Irkutsk)	3
Usmanov S. M. Members of Russian intelligentsia and their searches: a view from a Serbian intellectual	3
Vorontsov S. L., Lobova A. A. The personality of Count M. S. Vorontsov as an example of service to the Fatherland	3

SOCIOLOGY OF THE INTELLIGENTSIA

- Khlopaeva N. A., Khlopaeva M. E.** Toward an understanding of bolsheviks — intelligentsia communication strategy (based on the Soviet press materials of the 1922) 4

DEBUT

- Dobrachev P. E.** The life trajectories of the repressed intellectuals in the conditions of the Siberian administrative exile of the 1920s 2

- Dovnar A. M.** Educational and enlightenment activities of St. Elizabeth Convent in Minsk in 1999—2024 4

- Filippova A. I.** Political struggle of the War of the Roses as shown by representatives of London urban elite — William Gregory and Robert Bale 1

- Ilyin I. A.** The state of the old believers of the Simbirsk region within the religious situation in the Russian Empire 1

- Khrulev S. P.** Ago von Maltsan: the formation of a diplomat and the main stages of activity in the Soviet direction 2

- Zhila Yu. V.** Formation of historical education in the Simbirsk-Ulyanovsk region in the first half of the XX century 2

DISCUSSION

- Porozov V. A.** The term “intelligentsia/intellectuals”: in the context of Russian intelligentsia studies 2

FROM ARCHIVAL FUNDS

- Tochenov S. V.** Correspondence between the chief director of the Ivanovo Youth People’s Theatre R. M. Grinberg and the theatre staff with representatives of the Moscow intelligentsia creative elite 1, 2

CREATIVITY OF SCIENTISTS

- Lifshits A. S.** Poems 3

Novikov V. V., Kazachkova M. G. Flight of Thought and
Sparkles of Feelings. Notes on Professor Arkadii
Semenovich Lifshits and his Work 2

READING AND DISCUSSION

Chernoperov V. L. Variability of the development of international relations and the responsibility of politicians: reflections on the monograph by I. E. Magadeev “In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s” 3

Ivanov Yu. A. A new book on the history of health care and the provincial medical intelligentsia. *Review on the book: Baldin, K. E. (2024), Pages of the History of Health Care in Ivanovo-Voznesensk. Pre-revolutionary period, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia* 4

Zhulkov M. V. Achievements of the USSR in the popular scientific representation. *Review on the book: Komissarov, V. V. (2024) Domestic intelligentsia and scientific popularization in 1945—1985, Verkhnevolzhskii gosudarstvennyi agrobiotekhnologicheskii universitet, Ivanovo, Russia* 2

SCIENTIFIC LIFE

Kalinin A. K., Usmanov S. M. The “Intelligentsia complex” in context of university tradition 1

AB MEMORIAM

Lapshina I. K. In Memory of Rumiana Angelova Mikhneva (1949—2025) 1

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты докторской и кандидатской диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Реквизиты журнала ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- *Актуальные проблемы современного интеллигентоведения*
- *Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции*
- *Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран*
- *Интеллигенция и общество в современных условиях*
- *Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории*
- *Международные отношения и личность*
- *Роль религии в развитии мировой культуры*
- *Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла*
- *Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни*
- *Из архивных фондов: публикация исторических источников*

Требования к оформлению статей

К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторский заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

Требования к оформлению статей смотрите на сайте журнала «Интеллигенция и мир», раздел «Правила публикации» (<https://intelligentsia.ivanovo.ac.ru>).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2025. № 4

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *Д. Л. Лакербай*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Е. Е. Андреяновой*

Дата выхода в свет 26.12.2025.

Формат 60 x 84¹/16. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 10,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 59. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5

Факс: +7(920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Отпечатано в АО «Ивановский издательский дом»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Степанова, 5, литер А, А1-А7

☎ (4932) 30-32-37. E-mail: 301411@rambler.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Роль
в современном
обществе

Сущностные
черты

Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

Распространяется по подписке
и предварительным заявкам

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР